МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. АКМУЛЛЫ

Е.Е. Хазимуллина, Ю.С. Фомина

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО УРАЛА

Учебное пособие

Уфа 2016

УДК 81’27(470.5)
ББК 81.006.3
Х 15

Печатается по решению учебно-методического совета Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы

Хазимуллина, Е.Е.
Лингвокультурное пространство Урала [Текст] учеб. пособие / Е.Е. Хазимуллина, Ю.С. Фомина. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2016. – 175 с.

Учебное пособие содержит теоретическое и практическое обоснование решения проблемы взаимоотношений языка, общества и культуры методами ведущих направлений современной лингвистики в рамках моделирования историко-культурной зоны Урала, его лингвокультурного пространства.

Издание адресовано в первую очередь студентам, магистрантам, аспирантам, молодым ученым. Представленные в нем материалы, вопросы и задания для самостоятельной работы призваны помочь читателям разобраться в тонкостях обсуждаемой проблематики, развить навыки творческого, исследовательского мышления. Пособие будет также полезно преподавателям филологических факультетов, лингвистических институтов и специалистам в области этнографии, истории, культурологии, социологии.

Рецензенты:
***О.П. Касымова**, доктор филол. наук, проф. (БГУ);*
***Р.Х. Хайруллина**, доктор филол. наук, проф. (БГПУ им. М. Акмуллы);*
***Э.Ф. Рахимова**, кандидат филол. наук, доц. (БГПУ им. М. Акмуллы).*

ISBN 978-5-87978-926-3

© Издательство БГПУ, 2016.
© Хазимуллина Е.Е., Фомина Ю.С., 2016.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема взаимоотношений языка, общества и культуры сотни лет привлекает внимание лингвистов, историков, этнографов, социологов, культурологов, ее рассмотрению посвящены многочисленные труды зарубежных и отечественных исследователей. Сегодня не вызывает сомнений тот факт, что язык социален, т. к. он принадлежит обществу, народу. История и структура общества, его потребности, менталитет, процесс познания, идеология и культура в огромной мере обусловливают существование, функционирование и развитие языка. Однако вопрос о характере взаимодействия языка, общества и культуры нельзя считать окончательно решенным: в науке нет однозначного понимания природы языка, сущности культуры, не дифференцированы четко и не исчислены все социальные и культурные факторы, по-разному интерпретируется степень их влияния на различные подсистемы языка, не выяснена до конца роль языка по отношению к этнокультурному и индивидуальному сознанию человека. Данный факт определяет актуальность как фундаментально-теоретических, так и практических исследований (что особенно значимо в эпоху активных межэтнических контактов), поскольку их результаты могут быть использованы в государственном регулировании жизни многонациональных сообществ.

Лингвокультурологическое описание конкретного региона должно основываться на данных этнографии, культурологии, истории, антропологии, географии, фольклористики, семиотики, социологии, психологии, лингвистики, когнитологии, истории и других гуманитарных наук, в чье ведение входят язык, общество, личность и культура. В исследованиях уральских лингвистов выявляются закономерности развития национальных языков (различных их подсистем и уровней) во взаимосвязи с традиционной духовной, материальной культурой, социальными реалиями, решаются вопросы лингвоэтнического районирования и этноглоттогенеза. Итоги этой работы отражаются в специальных монографиях, научных статьях, словарях, атласах, кандидатских и докторских диссертациях. Конечным итогом изучения лингвокультурного пространства Урала может стать модель регионального варианта взаимодействия конкретных языков и культур. Однако такой целостной модели в науке пока не существует ни в ее синхронной, ни в диахронической реализации. Более того, даже задача создания подобной модели ранее не ставилась.

Определенный вклад в ее решение вносит данное учебное пособие, поскольку в нем обобщен и отражен опыт исследования ряда важнейших аспектов формирования, существования и развития историко-культурной

зоны Урала[1]. С опорой на фундаментальные принципы лингвистики и возможности ее смежных разделов (психо-, социо-, этнолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии) здесь дается оценка допустимых методов и приемов анализа фактического материала, намечаются пути и способы научного моделирования историко-культурной зоны как особой, нелинейной системы, обладающей определенной структурой взаимосвязанных и взаимоопределяющих элементов, способных к самоорганизации и развитию под влиянием разнообразных внешних и внутренних факторов. Такими элементами в модели историко-культурной зоны Урала выступают подсистемы этносов, языков и культур конкретных, составляющих ее регионов, в т. ч. Башкортостана.

Лингвокультурное пространство Урала определяется в пособии как область исторических контактов между различными народами, культурами и языками: финно-угорскими (марийским, мордовским, удмуртским, хантыйским, мансийским), тюркскими (татарским, башкирским, чувашским), славянскими (русским, украинским, белорусским) и др. Лингвокультурологическому описанию в нем подлежат разноуровневые «культуроносные» единицы языка – с социальной и «культурно-исторической памятью», единицы с внутренней формой, стилистической окраской, безэквивалентные наименования, фразеологизмы, паремии, ономастикон. Социокультурной значимостью обладает также таксономия, семантика и грамматика языка, поскольку широта словарного состава, его тематический спектр, проработанность, детализованность языковой картины во многом определяется практическими потребностями говорящих, связанными с условиями быта, хозяйствования народа и т. п. Особый предмет исследования – символы, архетипы, мифологемы, обряды, поверья, ритуалы, обычаи, закрепленные в языке, литературе и фольклоре; эталоны, стереотипы речевого поведения и речевой этикет. Изучение всех этих феноменов дает представление о коллективном сознании и бессознательном, о менталитете народа, его историческом опыте, способах освоения действительности и позволяет реконструировать разнообразные формы традиционной культуры.

Фольклор наглядно представляет исследователю духовный мир носителей языка; анализ происхождения лексики определенных тематических групп (например, терминов родства, наименований жилых помещений, хозяйственных построек, утвари, традиционных блюд, одежды и т. п.), описание субстрат-адстратно-суперстратных феноменов дает возможность судить о миграции и способах взаимодействия пришлых

---

1 Большая часть исследований выполнена авторами при финансовой поддержке федеральной целевой программы (ФЦП) «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы – «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области гуманитарных наук». Тема НИР – «Этноконфессиональная история и языковое наследие народов Урала».

народов с относительно автохтонными. Не менее значимыми для моделирования лингвокультурного пространства являются культурные установки, «культурные аксиомы», которые содержатся в особых концептах, выступающих культурообразующим фактором, и отражают духовные и поведенческие ориентиры того или иного коллектива, группы, социума. Исследование содержания собственно языкового и неязыкового сознания говорящих позволяет прогнозировать тенденции развития языковой и культурной ситуации.

Все это может стать благородным объектом внимания молодого поколения ученых, аспирантов, вдумчивых студентов, магистрантов, на которых главным образом ориентировано данное учебное пособие в надежде на их любознательность, заинтересованность в дальнейшем развитии фундаментальной и прикладной науки, в познании феномена историко-культурной зоны, лингвокультурного пространства, непосредственно влияющего на формирование сознания и моделей поведения жителей того или иного региона. Магистральные направления моделирования историко-культурной зоны Урала намечены в трех разделах пособия: «Лингвокультурологические исследования реалий Уральского региона», «Языковая ситуация и языковая личность в полиэтнической Республике Башкортостан», «Картина мира в национальном сознании и языке». Изложение теоретического материала сопровождается языковыми иллюстрациями, фактическими сведениями, экспериментальными данными, таблицами, а также вопросами и заданиями для самостоятельной работы, которые призваны помочь читателям разобраться в тонкостях обсуждаемой проблематики, развить навыки творческого, исследовательского мышления.

Предлагаемое учебное пособие удовлетворяет научным запросам преподавателей филологических факультетов, лингвистических институтов, специалистов в области теории языка, социо-, этно- и психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, а также этнографии, истории, культурологии и социологии. В частности, представленные в нем материалы могут быть использованы в реализации вузовских курсов «Введение в языкознание», «Теория языка», «Актуальные проблемы современного языкознания», «Лингвокраеведение», «Контактология», «Введение в этнолингвистику», «Актуальные проблемы современной психолингвистики», «Актуальные проблемы когнитивной лингвистики», «Социолингвистика», «Теория и практика межкультурной коммуникации» и др.

Мы сердечно благодарим коллектив ученых, с которыми нам довелось сотрудничать в разработке общегуманитарной темы «Этноконфессиональная история и языковое наследие народов Урала», послужившей стимулом к постановке проблемы моделирования лингвокультурного пространства Урала, под руководством доктора

исторических наук, профессора В.А. Иванова, в частности д.ф.н., профессора, академика АН РБ Т.М. Гарипова, д.ф.н. Г.З. Имаеву, к.ист.н. А.И. Кортунова, кандидатов филологических наук – Г.М. Курбангалееву, А.Г. Косова, Т.Ю. Капишеву, Е.В. Попову, О.В. Печаткину и др. Мы также надеемся, что данное учебное пособие послужит ориентиром и объединяющим фактором для начинающих исследователей, аспирантов, студентов и магистрантов, чьи собственные научные разработки будут способствовать пропаганде научного мировоззрения и ценностей гуманитарного, гармонизирующего знания.

РАЗДЕЛ 1. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕАЛИЙ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

1.1. Язык – общество – культура. Социокультурная мотивированность языков Урала [2]

Проблема взаимоотношений языка, общества и культуры сотни лет привлекает внимание лингвистов, историков, этнографов, социологов, культурологов. Ее рассмотрению посвящены многочисленные труды зарубежных и отечественных исследователей – И.Г. Гердера, В. фон Гумбольдта, В. Вундта, Г. Штейнталя, Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Ли Уорфа, Л. Вайсгербера, А. Мейе, Э. Бенвениста, К. Леви-Стросса, К. Пайка, А. Вежбицкой, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатова, В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, Л.Н. Гумилева, Н.И. Толстого, Б.А. Серебренникова, В.А. Аврорина, В.Д. Бондалетова, Ю.А. Сорокина, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, В.В. Воробьева, А.С. Герда и мн. др.

Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что язык социален, т. к. он принадлежит обществу, народу. История и структура общества, его потребности, менталитет, процесс познания, идеология и культура в огромной мере обусловливают существование, функционирование и развитие языка. Однако вопрос о характере взаимодействия языка, общества и культуры нельзя считать окончательно решенным: в науке нет однозначного понимания природы языка, сущности культуры, не дифференцированы четко и не исчислены все социальные и культурные факторы, по-разному интерпретируется степень их влияния на различные подсистемы языка, не выяснена до конца роль языка по отношению к этнокультурному и индивидуальному сознанию человека. Между тем, прочный фундамент, обеспечивающий возможность исследований на стыке лингвистики, социологии, культурологии и этнографии, сформирован, он может быть также задействован в решении практических задач регулирования жизни многонациональных сообществ.

Большинство современных этнолингвокультурологических идей уходит своими корнями в прошлое. Еще в XVIII в. И.Г. Гердер заложил основы понимания языка не только как инструмента разума, но и как феномена, обусловленного социальными и культурно-историческими явлениями, – как выразителя «духа» народа, средства его единения и воспитания. Гердер полагал, что язык – это результат движения человеческого духа, элемент постепенно вызревающей культуры общества. Поскольку в «физиогномическом образе речи» отпечатывается «опыт историй», «рассудок и характер народа» (у некоторых народов есть

2 Автор – Е.Е. Хазимуллина.

различия в языке мужчин и женщин, в языке сословий, в способах выражения эмоций и т. д.), из сравнения языков можно восстановить философию человечества [20, с. 228].

В XIX столетии В. фон Гумбольдт рассматривал язык как результат трех различных, но взаимосвязанных воздействий: «реальной природы вещей, поскольку она оказывает влияние на душу (Gemüth), субъективной природы народа, своеобразной природы языка» [23, с. 319]. С одной стороны, «образ мысли и мироощущение народа, придающие... окраску и характер языку, с самого начала воздействуют на этот последний», но с другой – сам язык – действующий фактор: «...мышление не просто зависит от языка вообще, – оно до известной степени обусловлено также каждым отдельным языком» (там же, с. 163, 317). Культурно значимой оказывается внутренняя форма, являющаяся тем пределом, в рамках которого осуществляется развитие языков: с помощью грамматических и звуковых средств она варьирует содержательные элементы, созвучные общей природе человека. Согласно немецкой и русской лингвистической традиции XIX в., специфика внутренней формы языка во многом определяется наличием внутренней формы слова – этимона, первичного номинативного признака, отражающего мышление народа в глубокую «доисторическую» эпоху (*бык* – ‘ревущий’, *волк* – ‘режущий’, *медведь* – ‘едящий мед’, *пчела* – ‘жужжащая’ и т. п.). Основанные на чувственном восприятии, этимоны, однако, постепенно забываются, стираются, уступая место абстрактным значениям (см. работы Г. Штейнталя, А.А. Потебни, Ф.И. Буслаева).

Важные замечания о взаимодействии языка, общества и культуры высказал в то же самое время И.И. Срезневский: язык и народ существуют нераздельно, изменяются народы, их мышление и деятельность – изменяются и языки: «обусловливаясь влиянием природы, среди которой живет народ, образом его жизни, взглядом на свой мир внешний и внутренний», язык «крепнет все более по мере усиления образования народа» [61, с. 18]. К социокультурным факторам языкового развития Срезневский относил «связи народа промышленные, умственные, политические, религиозные, кровнородственные с другими народами» (там же, с. 26).

О влиянии на язык образа жизни народа говорил и А. Шлейхер, приводя в пример тот факт, что расселение племен приводит к дроблению языка на диалекты и впоследствии – к образованию новых языков (данные процессы он отражал в виде «родословного дерева»). Его последователь И. Шмидт высказал гипотезу о волновом распределении инноваций, вызываемых взаимовлиянием языков, контактирующих на определенной территории. Между смежными языками и диалектами границы оказываются размытыми, фонетические, лексические и грамматические сходства в этом случае не всегда могут быть объяснены общим

происхождением систем. Инновации, возникая в центре, перемещаются к периферии языковой области и постепенно затухают, подобно кругам на воде, образующимся от брошенного камня. Эта теория положила начало лингвистической географии.

Раскрывая влияние «этнопсихологии» на язык, последователи В. фон Гумбольдта Г. Штейнталь и М. Лацарус, полагали, что кровное родство (происхождение), сходная физическая организация, совместный образ жизни, единообразные склонности и желания, впечатления, получаемые извне, обусловливают схожие мысли и общий язык («все индивиды одного народа носят отпечаток этой особой природы народа на своем теле и на душе») (цит. по [29, с. 126]). Глубокое проникновение в суть функционирования и развития языка, его взаимосвязи с мышлением человека являет собой также психологическая концепция В. Вундта: «Язык содержит в себе общую форму живущих в духе народа представлений и законы их связи. Мифы таят в себе первоначальное содержание этих представлений в их обусловленности чувствованиями и влечениями. Наконец, обычаи представляют собой возникшие из этих представлений и впечатлений общие направления воли» (цит. по [29, с. 170]).

Как известно, Ф.Ф. Фортунатов, а впоследствии и его ученики – представители Московской лингвистической школы, наиболее полно осознали социальную обусловленность языка – зависимость изменений в звуковом, лексическом и грамматическом составе, в семантике и стилистической структуре от состава, развития и дифференциации общества, его истории и культуры. Заслугой Фортунатова следует признать создание конвергентно-дивергентной теории, проясняющей характер социально обусловленных изменений: «дроблению общества соответствует дробление языка на отдельные наречия, а объединению частей общественного союза соответствует и в языке объединение его наречий» (цит. по [29, с. 239]). Явления дифференциации и интеграции составляют «внешнюю историю» языка, «внутренняя» же его история зависит от каждого индивида, т. к. язык «существует главным образом в процессе мышления». М.М. Покровский призывал причины динамики значений искать в изменяющихся условиях жизни людей, в частности, он стремился изучать не отдельные единицы, а группы слов, относящихся к представлениям об одной и той же сфере быта, хозяйства народа, его культуры (данный метод находит широкое применение в современной лингвокультурологии).

Г. Шухардт, глава школы «Слова и вещи», автор теории «лингвистической непрерывности», главную причину развития языка видел в беспрерывных скрещиваниях и смешениях контактирующих языков: существует «полный параллелизм» между историей вещей и историей слов, – в силу чего резкие границы между языками отсутствуют. Распространение какого-либо явления (а вместе с ним и языковых

инноваций) зависит от характера общения, которому могут препятствовать либо естественные границы (горы, леса, воды), либо искусственно созданные барьеры (например, политические или религиозные, а также обычаи, суеверия и т. п.). Аналогичных взглядов придерживался Р. Мерингер, выдвинувший идею о расходящихся в разных направлениях «волнах культуры», складывающихся из «волн вещей» и «языковых волн»: внедрению языковых новшеств способствует адаптация предметов (в широком смысле) – построек определенного типа, видов домашних животных и т. д.

Метод изоглосс, разработанный в 20-ых гг. XX в. ареальной («пространственной») лингвистикой, позволил Дж. Бертони, М. Бартоли, В. Пизани, Дж. Бонфанте и др. ученым проверить и наглядно представить «волновые» процессы изменения языка, обусловленные социокультурными факторами. Следствия этнического (культурного) смешения Дж. Бонфанте видел в смешении языков: *французский = латинский + германский, испанский = латинский + арабский, румынский = латинский + славянский, чешский = славянский + немецкий, болгарский = славянский + греческий, русский = славянский + финно-угорский*. М. Бартоли разработал особые «нормы ареалов»: 1) языковые факты, распространенные на большем ареале, старше фактов, распространенных на меньшем ареале; 2) факты, распространенные на боковых (латеральных, маргинальных) ареалах, старше фактов, распространенных на центральном ареале; 3) «изолированный» ареал наименее подвержен воздействиям со стороны других языков или диалектов, обычно он в наименьшей степени захватывается и новообразованиями. В. Пизани полагал, что «новообразование может распространяться за счет ранее существовавших в языке фактов, когда оно обладает достаточным «престижем» у говорящих. Для того чтобы разрешить вопрос, где и в силу каких причин возникло новообразование, необходимо прежде всего охарактеризовать «новое» в сопоставлении с тем, что существовало вместо него» (цит. по [29, с. 208]).

Неолингвисты воспринимали язык как продукт творчества индивида: человек создает язык духовно, посредством воли, воображения, мыслей и чувств (ср. идею антрополингвистики Э. Бенвениста). В. Пизани считал язык системой изоглосс, соединяющих индивидуальные лингвистические акты, при этом каждый языковой факт образует свою изоглоссу, площадь распространения которой может не совпадать с границами диалекта и даже языка. Представители немецкой школы эстетического идеализма также трактовали язык как результат индивидуального творчества, но видели в нем лишь «осмысленную красоту», полагая, что причиной языковых изменений является «эстетическое чувство» или «лингвистический вкус». Вместе с тем продуктивной стала идея К. Фосслера о том, что язык – это определенная форма культуры, смена «духовных форм выражения»,

определяемых физическими, психическими, политическими, эстетическими и др. факторами.

Глава социологического направления лингвистики А. Мейе в процессе изучения различных групп индоевропейской семьи пришел к следующему выводу: «Язык существует лишь постольку, поскольку есть общество, и человеческие общества не могут существовать без языка» (цит. по [29, с. 420]). А. Мейе выделил несколько внешних мотиваторов языкового развития: 1) преемственность традиций говорения и общность «склонностей» в использовании языка каким-либо поколением в определенный период времени; 2) влияние торговых, политических, религиозных, интеллектуальных отношений, приводящих к изменению значений слов и к заимствованиям из других языков; 3) колонизации, войны, вызывающие субстрат-адстратные явления; 4) социальное расслоение, обусловливающее дробление языка. Ученый был убежден в том, что язык имеет не только физиологическую, анатомическую и психическую природу, но «прежде всего социальную», навязываемую индивиду обществом (до А. Мейе эта мысль была ясно высказана Ф. де Соссюром). Социальность языка проявляется, по мнению А. Мейе, в фонетических, семантических изменениях, в процессах заимствования, дробления и смешения языков.

Позже Ж. Вандриес интерпретировал язык как «результат приспособления способностей человека к социальным нуждам» (там же, с. 443), ср. мнение Г. Шухардта, который полагал, что на язык индивида накладывают отпечаток такие социальные факторы, как условия его жизни, возраст, характер, статус, культура и др. (данная идея получила свое развитие в современной социолингвистике). Результатом социальной адаптации — приспособления, в частности, выступают языковые нормы: члены какой-либо «общины» всегда «инстинктивно и бессознательно сопротивляются произволу» в употреблении типовых единиц, вследствие чего устанавливаются границы между вариантами национального языка. В связи с этим Ж. Вандриес видел главный «закон всякого развития языка» в борьбе двух противоположностей – тенденции к унификации и к дифференциации, – а понятие «относительного прогресса» определял исходя из степени адаптации языка к различным состояниям культуры. Язык зависит от коллективного разума, «диктующего свои законы индивидууму», – вот почему прогресс языков есть «один из видов развития общества» (там же, с. 458).

Признание социального характера языка, его культурно-исторической обусловленности было отличительной чертой советского языкознания – практически всех его школ и направлений, – что определялось прежде всего идеологией «социалистического строительства» на основе философии материализма. В исследованиях Л.В. Щербы, Е.Д. Поливанова, Н.Ф. Яковлева, В.В. Виноградова,

Г.О. Винокура и мн. др. были описаны различные аспекты взаимосвязей между социокультурными явлениями, историей общества и языковым развитием. Влияние внешних факторов (в частности, классовости) преувеличил автор «нового учения» Н.Я. Марр, рассматривавший стадии изменения языков (аморфную, яфетическую и флективную) как единый глоттогонический процесс, прерываемый «революциями», «скачками», вызванными сменой социально-экономических формаций.

Идея В. фон Гумбольдта о взаимообусловленности языка и мышления получила свое развитие в 30-40-х гг. XX в. в трудах Э. Сепира и Б. Ли Уорфа, которые на материале, существенно различающемся генетически и типологически, показали, что каждый язык имеет свой «особый покрой» – базисную схему (basic plan). Мотивированный историей, культурой, «духом», традициями того или иного общества, «гений языковой структуры», в свою очередь, определяет мышление и мировидение людей, поскольку в каждый гносеологический и коммуникативный акт он привносит категориальный аппарат – сложившиеся способы сегментации явлений природы. Язык есть «форма мысли» [58, с. 41, 117]. Б. Ли Уорф также полагал, что различные языки – это «параллельные способы выражения одного и того же понятийного содержания. Таким образом, лингвистическая относительность создается за счет нетождественности языковых «систем анализа окружающего мира» – «сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере соотносительности языковых систем» (цит. по [32, с. 116]).

Социокультурные потребности, по Э. Сепиру, обусловливают, в частности, понятийную сферу и таксономию языка: то, что обладает для народа большей значимостью, выражается в языке дифференцированно [58, с. 243, 273]. Однако причинно-следственную связь между грамматической структурой и культурой Сепир отрицал: «простые» и «сложные» языки можно обнаружить на любом уровне развития цивилизации. Полного параллелизма языковых и культурных явлений, с точки зрения Сепира, не существует в силу бессознательности использования и изменения языка говорящими. Данную позицию разделял и Б. Ли Уорф. Теория лингвистической относительности в современной науке получила второе дыхание, однако вопрос о степени обусловленности мировидения людей их языками, до сих пор остается дискуссионным (ср., к примеру, мнение А.А. Леонтьева: «Язык не есть демиург картины мира», он лишь один из ее строительных материалов [42, с. 27]).

После кризиса структурного направления начало второй половины XX в. ознаменовалось новым поворотом лингвистики к носителю языка: «Язык, – писал Э. Бенвенист, – также феномен человеческий. В человеке он связующее звено жизни психической и жизни общественно-культурной и в то же время орудие их взаимодействия. На основе этой триады

терминов – язык, культура, человеческая личность – могла бы быть создана другая лингвистика» [5, с. 44]. Антропоцентрический подход в языкознании реализовался в целом ряде последовательно возникших и активно разрабатываемых в настоящее время наук – социолингвистике, психолингвистике, этнолингвистике, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии. Все они претендуют на свой собственный предмет исследования, вычленяя отдельные аспекты социокультурной мотивированности языка.

Так, социолингвистика, сформировавшаяся в 20-е гг. XX в. благодаря трудам Л.П. Якубинского, В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, В.М. Жирмунского, Е.Д. Поливанова, А.М. Селищева, но получившая свое развитие лишь в 50-70 гг. на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии, изучает проблемы зависимости языка от социальной жизни, структуры и сознания общества. В работах современных исследователей А.Д. Швейцера, Ю.Д. Дешериева, В.Д. Бондалетова, Р. Белла, Л.П. Крысина, Н.Б. Мечковской, В.М. Алпатова, М.И. Исаева, В.Ю. Михальченко, Л.Л. Аюповой и мн. др. изучаются причины, характер, следствия языковых контактов, явления би- и полилингвизма, тенденции изменения языковых ситуаций, употребления языка представителями различных социальных, гендерных, возрастных, профессиональных и др. групп и т. д. Работа Н.Б. Мечковской представляет результаты анализа связи языка с религией как видом духовной культуры [44]. Экспериментальные методы социолингвистики, в совокупности со статистическими, позволяют верифицировать выдвигаемые ею гипотезы.

Психолингвистика зародилась в США и СССР в середине XX столетия, однако психолингвистический подход к языку был применен еще в начале 30-х гг. XX в. Л.С. Выготским и А.Р. Лурией. В центре внимания психолингвистов — Ч. Осгуда, Т. Себеоки, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, А.М. Шахнаровича, И.А. Зимней, Р.М. Фрумкиной, Л.В. Сахарного, А.А. Залевской и др. – находится речевая деятельность – процессы порождения, восприятия и понимания речи, т. е. язык «в действии». Методы анкетирования, опроса и психолингвистического эксперимента служат выявлению языковых, а также неязыковых компонентов, структуры сознания и мышления говорящей личности, содержания и уровня ее общей и речевой культуры.

Задачей этнолингвистики, получившей свое развитие в США с 70-х гг. XIX в. (в Европе и России – в к. XIX-н. XX в.), является изучение связей языка с социальной психологией и культурой. Ее теоретической базой стала теория лингвистической относительности Э. Сепира, Б. Ли Уорфа, Л. Вайсгербера и этнопсихология В. Вундта. Этнолингвистика смыкается с этнографией и социологией, собственно лингвистические принципы исследований были разработаны лишь в первой четверти XX в. Ф. Боасом – это сочетание методов сравнительно-

исторического языкознания, метода глоттохронологии М. Сводеша, а также историко-типологических и ареальных методов. До сих пор данная методология обладает высокой ценностью. На основе анализа фактического материала этнолингвисты стремятся установить универсальные и специфические свойства языков, выявить степень обусловленности языковой способности человека конкретной культурной реальностью, а также мышления – лексическими и грамматическими особенностями родного языка; реконструировать по данным языка этническую территорию, этногенез и традиционные культурные формы (Д.К. Зеленин, Е.Ф. Карский, А.А. Шахматов, А.А. Потебня, А.Н. Афанасьев, А.И. Соболевский, Р.А. Агеева, С.Б. Бернштейн, В.В. Иванов, Т.В. Гамкрелидзе, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян, Т.М. Судник, Н.И. и С.М. Толстые, Е. Бартминский и др.). В центре изучения современной этнолингвистики находятся языковые единицы, соотносимые с явлениями материальной и духовной культуры того или иного народа, региона; результаты подобной инвентаризации отражены, например, в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (под ред. Н.И. Толстого). В рамках коммуникативно-ориентированного направления этнолингвистики изучаются модели речевого поведения, принятые в той или иной культуре, определенной этнической или социальной группе (см. исследования И.А. Стернина, Ю.Е. Прохорова, С.Г. Тер-Минасовой, А.В. Сергеевой, Е.Л. Березович и др.).

Язык как форму отражения культуры, менталитета народа, стереотипов его мировосприятия и поведения рассматривают также представители когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Когнитивная лингвистика, сформировавшаяся в 80-х гг. XX в., явилась результатом интеграции сведений, накопленных в языкознании, логике, психологии, семиотике, культурологии, теории познания, теории информации, биологии, медицине и др. науках. Когнитивная лингвистика пытается ответить на вопросы о том, как организовано сознание человека, как человек мыслит и познает мир, каким образом результаты мышления и познания отражаются в языке. Представители лингвокогнитивного направления – Р. Лангаккер, Т. ван Дейк, Дж. Лакофф, Ч. Филмор, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, В.Г. Гак, Ю.Н. Караулов, А.А. Зализняк, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелев и мн. др. – разрабатывают учение о когнитивной и языковой картинах мира, о концептах, фреймах, гештальтах и т. п. формах представления неязыковых знаний человека, о сетевой структуре мозга, отражающейся в разнообразных связях между единицами языка. Язык, с точки зрения когнитивной лингвистики, является орудием речевой деятельности человека, средством накопления, хранения и передачи информации, средством выражения мышления и, наконец, орудием познания мира. О.В. Корнилов интерпретирует понятие языковой картины мира как производную национального менталитета [37, с. 113]. В

каждой национальной картине мира, выявляемой когнитологами на основе мифологии, философии, фольклора, языка, литературы, искусства и проч., фиксируется способ познания народом окружающей действительности, самого себя, система его ценностей, морально-этических установок, стереотипов мировидения, поведения и т. п.

С точки зрения лингвокультурологии, язык – это путь, по которому мы проникаем не только в современную ментальность народа, но и в воззрения древних людей на мир, общество и самих себя (эти воззрения отражаются в пословицах, поговорках, фразеологизмах, метафорах, различных символах культуры). Таким образом, язык здесь рассматривается не просто как орудие общения и познания, а как «культурный код нации» [43, с. 3]. А. Вежбицкая, В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.В. Воробьев, В.А. Маслова, С.Г. Воркачев и др. справедливо считают, что язык теснейшим образом связан с культурой: он ее выражает и сам развивается в определенных социально-культурных условиях; специфика языков во многом обусловлена различиями этнических культур. Лингвокультурология, оформившаяся в 90-х гг. XX в., интегрирует результаты исследования культурологии, культурной антропологии, языкознания, этнолингвистики, этнодиалектологии, лексикографии, лингвофольклористики, изучая явления культуры, отраженные в языке. В сферу ее интересов входят следующие вопросы: как культура участвует в образовании языковых концептов; к какой части языкового знака прикрепляются «культурные смыслы»; осознаются ли эти смыслы говорящим и слушающим и как они влияют на речевые стратегии; существует ли в реальности культурно-языковая компетенция носителя языка, на основании которой воплощаются в текстах и распознаются носителями языка культурные смыслы [43, с. 31].

Итак, современная лингвистика признает социальность языка – язык большинством исследователей определяется как исторически сложившаяся, социально обработанная знаковая система, служащая главным средством общения между людьми и представленная в устной и-или письменной форме реализации. Реализация языка осуществляется в речи индивидов – вариативно в силу различия социолингвистических параметров личности (возраста, пола, места рождения, образования, профессии, круга семейных и социальных связей, характера брака, интересов, потребностей, уровня языковых знаний и проч.). А.С. Герд называет случаи, когда речь билингва невозможно однозначно отнести к какой-либо определенной языковой системе [19, с. 55]. К наиболее действенным социальным факторам функционирования и развития языка относятся следующие: 1) общественно-политический строй, 2) социальная структура, 3) общественное сознание, 4) идеология общества, 5) национальная и языковая политика, 6) религия, 7) система морально-

нравственных ценностей общества, 8) уровень познания, развития науки, 9) уровень развития литературы, искусства, 10) средства массовой коммуникации, 11) система образования, 12) образ жизни народа, быт, 13) культура, 14) взаимодействие народов.

Термин «культура» характеризуется чрезвычайной многозначностью. Наиболее приемлемым для решения проблем этно-, психо-, социолингвистики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии является понимание культуры как совокупности материальных и духовных ценностей, накапливаемых обществом, – это то созданное людьми, что осмыслено ими как ценность и поставлено в определенный культурный ряд. Культурно значимые сущности (быт, жизненный уклад, способ хозяйствования, традиции, обряды, понятия, представления, стереотипы поведения и т. п.) находят отражение в языке и сохраняются в нем длительное время – на этом основании можно делать выводы о границах и содержании той или иной национальной культуры.

Различными направлениями лингвистической науки выработан целый ряд трактовок отношения языка к культуре – как комплементарных, так и резко контрастирующих друг с другом: 1) язык и культура – это формы сознания, отражающие мировоззрение народа; 2) язык и культура – семиотические системы, обладающие сходством и отличиями (язык, как принадлежность человеческого сознания, имеет биологические, психофизиологические аспекты); 3) язык и культура изоморфны друг другу; 4) язык и культура гомоморфны; 5) язык и культура соотносительны, взаимообусловлены; 6) язык не является частью культуры (это различные знаковые системы), но на протяжении своей истории он кумулирует и закрепляет в вербальных формах культурные смыслы, мотивы, трактовки, оценки, национальные когнитивные модели концептуализации мира; он – материал и метаязык культуры; 7) язык – это элемент, продукт и условие существования культуры: а) все в языке «культуроносно», б) в языке имеются культурно значимые компоненты, содержащиеся, главным образом, в языковой семантике, в) разноуровневые единицы языка способны передавать культурно значимую информацию.

Язык является своего рода «слепком» той или иной культуры, фиксирующим прогресс общества, его культурно-историческую эволюцию. Фиксация культурных событий осуществляется за счет постоянной реализации языком его номинативной и аккумулятивной (накопительной) функции, ср., например, идиомы (социально-исторические этюды) *как будто Мамай прошел, погиб как швед под Полтавой, ходить в Тулу со своим самоваром, без царя в голове*. Необходимо учитывать, что как культура имеет неязыковую форму реализации, так и язык используется не только в культуре, но в системе общественной коммуникации в целом, в том числе и в субкультурных сферах. Как орудие мысли человека, язык является одним из элементов и средств выражения культуры. В формах

языка, его семантике, лексике и грамматике в определенной мере отражается глубинная психология народа (ср. звукоподражательные наименования совы в башкирском *өкө* и немецком *Uhu* языках, *сова* ‘кричать, выть’ в русском и *eagle-owl* ‘орел-полуночник’ в английском языке; в русском языке существует фразеологизм *слепой как крот,* в башкирском – *һуҡыр тауыҡ һөйл* (слепой как курица), а в английском – *blind as a bat* – как летучая мышь). Поскольку менталитет народа представляет собой ценность, постольку язык, фиксирующий его, является формой существования культуры. Национально-культурный контекст делает языковое познание мира во многом специфическим. Однако в различных языках и культурах содержатся и универсальные черты, проистекающие из общечеловеческой природы и единства окружающего мира (ср.: *хитрый как лиса – хәйләкәр төлкө* (хитрая лиса) – *as clever as a fox* (хитрый как лиса); *жить как кошка с собакой – эт менән бесәй һымаҡ йәшәү* (жить недружно, как кошка с собакой) – *to lead a cat and dog life* (жить как кошка с собакой). Сходные черты могут обусловливаться также взаимодействием между народами, взаимовлиянием культур и языков.

По ряду причин исследование взаимообусловленности языка, общества и культуры становится остро актуальным в эпоху активных межэтнических контактов. Как известно, современная социальная действительность характеризуется наличием двух противоположных тенденций: с одной стороны, сообщества интегрируются, консолидируются в целях наиболее эффективного решения глобальных политических, экономических, экологических и иных задач, а с другой – составляющие их народы стремятся сохранить своеобразие национальной культуры, языка, менталитета, традиций. Последняя тенденция оказывается настолько сильной, что многие ученые называют XXI век «этническим ренессансом». Противодействие глобализации проявляется также в сохранении исторически сформированных региональных межэтнических общностей (историко-культурных зон, по А.С. Герду, или историко-этнографических областей, по терминологии Т.М. Гарипова), позволяющих малочисленным народам чувствовать себя относительно защищенными на определенной территории благодаря соседству и тесному содружеству с другими народами большей численности, проживающими компактно. Подобные объединения в определенной мере сдерживают ассимиляцию, поскольку принципом их существования является компромиссная толерантность (см. об этом [67, с. 21]) и мирное взаимодействие, с долговременным сохранением межэтнических границ.

Как и этнос, феномен региональной межэтнической общности основывается на психологической дифференциации членов данной группы и других субъектов, ей не принадлежащих, – «своих» и «чужих»; важнейшим идентификационным признаком для региональной общности выступает территория и «сопричастность» населяющих ее людей к ее

настоящему и историческому прошлому. Широко распространенное, «наивное» понятие Урала – места бытования Уральской региональной межэтнической общности, границы между Европой и Азией, срединного хребта России (в прямом и переносном смысле) – не вполне соответствует Уральскому автономному округу как административной единице. Для более точного его определения необходимо проведение специального исследования. Другой основой региональной межэтнической общности является прочная социальная связь, возникающая благодаря взаимодействию, а также сходству культур, представленных на данной территории, в силу тождественности географических, климатических условий и, как следствие, форм хозяйствования, экономики. Интегрирование народов в межэтническую общность осуществляется, как правило, на базе доминантной культуры и языка с наиболее широким спектром функционирования. Тем не менее, современные региональные объединения не представляют собой абсолютно гомогенных образований, в их пределах в той или иной степени сохраняются черты своеобразия этносов (в том числе благодаря мерам сознательно проводимой политики), их языков, менталитета и способов поведения, правда, культурная дистанция между народами в этом случае сокращается.

По верному замечанию В.А. Звегинцева, сферой осуществления языковых контактов является общество и психика человека [30, с. 204]. Отклонения от норм в использовании различных языков билингвами могут приводить к взаимопроникновению и постепенному смешению данных языков, но только тогда, когда они приобретают закономерный характер и распространяются на все общество или на значительные его части. Лексические заимствования из области культуры свидетельствуют о том, чему один народ учился у другого: «предметы, созданные как природой, так и промышленностью, переходят от одного коллектива к другому, равно как и определенные модели – технологические процессы, способы ведения войны, религиозные обряды или формы индивидуального поведения» [9, с. 503, 488]. Такое взаимодействие называется «культурной диффузией». Поскольку связь между языком и культурой является очень тесной, билингвизм со временем может приводить к «бикультуре», по терминологии А.С. Герда [19, с. 37], а затем и к полному растворению одной культуры в другой. Все эти процессы имеют место практически в любой историко-культурной зоне, являющейся результатом «многовековых смешений, трансформаций в области хозяйства, семейных отношений, языка, материальной и духовной культуры» (там же, с. 94). Мощным фактором, сдерживающим полную ассимиляцию народов Урала, выступают конфессиональные различия, а также стремление этносов с активным самосознанием к сохранению собственной идентичности.

Лингвокультурное пространство Урала должно определяться как область исторических контактов между различными народами, культурами

и языками: финно-угорскими (марийским, мордовским, удмуртским, хантыйским, мансийским), тюркскими (татарским, башкирским, чувашским), славянскими (русским, украинским, белорусским) и др. Лингвокультурологическому описанию в нем подлежат разноуровневые «культуроносные» единицы языка – с социальной и «культурно-исторической памятью» (ср. оппозицию «языческое / христианское» в единицах, восходящих к одному индоевропейскому источнику: *кудесник — чудо, чудодеяние, чудный*; *церквище* ‘нехристианский храм’, *капище* ‘языческий идол, место языческого служения’, отрицательная коннотация у слов необрядового характера *игрище, гульбище, идолище* не случайна (приводится по [72, с. 242]); единицы с внутренней формой, стилистической окраской, безэквивалентные наименования, фразеологизмы, паремии, ономастикон. Социокультурной значимостью обладает также таксономия, семантика и грамматика языка: широта словарного состава, его тематический спектр, проработанность, детализованность языковой картины во многом определяется практическими потребностями говорящих, связанными с условиями быта, хозяйствования народа и т. п. (еще Э. Бенвенист говорил о необходимости составления «словаря культуры» на базе лексики). Показательны в этом плане и языковые лакуны: наименования получают только те сущности, которые являются жизненно важными.

Особый предмет исследования – символы, архетипы, мифологемы, обряды, поверья, ритуалы, обычаи, закрепленные в языке, литературе и фольклоре; эталоны, стереотипы речевого поведения и речевой этикет. Изучение всех этих феноменов дает представление о коллективном сознании и бессознательном, о менталитете народа, его историческом опыте, способах освоения действительности и позволяет реконструировать разнообразные формы традиционной культуры. Фольклор наглядно представляет исследователю духовный мир: в сказках, былинах, песнях, причитаниях, заговорах, присловьях, загадках, приметах, пословицах, поговорках и др. жанрах содержатся знания народа о мире, самом себе, наиболее значимые понятия и образы. Анализ происхождения лексики определенных тематических групп (например, терминов родства, обозначений частей тела, наименований жилых помещений, хозяйственных построек, интерьера, утвари, традиционных блюд, одежды, обуви, украшений и т. п.), описание субстрат-адстратно-суперстратных явлений дает возможность судить о миграции и способах взаимодействия пришлых народов с относительно автохтонными. Для решения вопросов этноглоттогенеза необходимо учитывать, в частности, то, что в языках народов, живших некогда охотой и собирательством, широко представлены наименования животных и растений, разнообразных явлений окружающего мира. Народы же, основным источником существования которых является рыбная ловля, имеют в своем словаре множество названий рыб, а также

орудий и приемов рыбной ловли. Земледельческо-скотоводческий способ хозяйствования предопределяет наличие в языке единиц, обозначающих орудия, способы, этапы возделывания земли, переработки урожая, наименований домашних животных и приемов ухода за ними, а также элементов народного календаря, символов обрядовой магии и т. д.

По определению В.В. Воробьева, предмет лингвокультурологии составляют «...национальные формы бытия личности, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на культурных ценностях конкретно-исторического общества» [13, с. 126]. Культурные установки, «культурные аксиомы» (они «не нуждаются в объяснении и признаются естественными и единственно верными» [34, с. 6]), отражают духовные и поведенческие ориентиры того или иного коллектива (группы, социума) и содержатся в особых концептах, выступающих культурообразующим фактором. Следовательно, изучение концептов, как и выявление содержания собственно языкового сознания говорящих (например, методом массового ассоциативного эксперимента), также входит в задачи лингвокультурологии. С помощью метода анкетирования в исследовании пермской региональной языковой личности Т.А. Сироткина получила результаты, касающиеся содержания категории этничности: выяснилось, что в сознании русскоговорящих она складывается из базовых концептов «язык», «внешний вид», «вера», «особенности характера и поведения», «материальная культура», «духовная культура» [59, с. 290-291]. Согласно типологии В.И. Карасика, лингвокультурологию должны интересовать прежде всего: 1) специализированные этнокультурные и социокультурные концепты, в концентрированном виде выражающие особенности соответствующей культуры; 2) неспециализированные концепты, культурная специфика которых выражена в меньшей мере и требует поиска скрытых культурно значимых ассоциаций [34, с. 9].

Огромная работа по сбору и анализу фактического материала проводится в ряде крупнейших научных центров Урала – в Екатеринбургской школе этнолингвистики (см. исследования А.К. Матвеева, Е.Л. Березович, М.Э. Рут, Д.П. Гулика, Ю.Б. Воронцовой, Н.Д. Гультяевой, Т.В. Леонтьевой, В.В. Липиной, И.В. Родионовой и др.), в научной школе лингвокультурологии и стилистики под руководством Н.А. Купиной на базе Уральского государственного университета им. А.М. Горького, в Центре истории и культуры народов Южного Урала, действующем в Оренбургском государственном аграрном университете (см. работы Т.С. Паниной, Т.А. Камсковой, В.А. Колесниковой, А.В. Федоровой, Л.С. Паниной и др.), в Челябинском государственном педагогическом университете (Л.Т. Бодрова, И.А. Голованов, Э.С. Дергачева, И.А. Подкопаева, Т.В. Садовникова, Л.И. Стрелец и др. реализуют программу «Духовная культура Урала»), в Челябинском государственном университете (руководитель – Л.А. Шкатова), в Пермском

государственном университете (руководители – Т.И. Ерофеева, Е.Н. Полякова), в Магнитогорском государственном университете (руководители – С.Г. Шулежкова, Т.И. Рожкова), а также в ведущих вузах Башкортостана – Башкирском государственном университете (см. исследования Л.Г. Саяховой, К.З. Закирьянова, Л.М. Васильева, В.Л. Ибрагимовой, Л.Л. Аюповой, З.П. Здобновой и др.), Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы (см. труды Т.М. Гарипова, Р.Х. Хайруллиной, М.Г. Усмановой, Г.Х. Бухаровой, Г.М. Курбангалеевой) и др. (см. следующие параграфы данного раздела). В исследованиях уральских лингвистов выявляются закономерности развития национальных языков (различных их подсистем и уровней) во взаимосвязи с традиционной духовной, материальной культурой, социальными реалиями, решаются вопросы лингвоэтнического районирования и этноглоттогенеза. Итоги этой работы отражаются в специальных монографиях, научных статьях, словарях, атласах, кандидатских и докторских диссертациях [6-8, 63, 55, 3, 4, 12, 26, 27, 31, 33, 57, 14, 16, 17, 39-41, 74].

Лингвокультурологическое описание конкретного региона должно основываться на данных этнографии, культурологии, истории, антропологии, географии, фольклористики, семиотики, социологии, психологии, лингвистики, когнитологии, истории и других гуманитарных наук, в чье ведение входят язык, общество, личность и культура. Междисциплинарное, по сути, исследование предполагает системное рассмотрение различных объектов культуры, зафиксированных в языковых единицах и текстах (возможно, в сопоставлении с другими культурно-семиотическими кодами – в определении целей этнолингвистики Н.И. Толстого). Конечным итогом изучения лингвокультурного пространства Урала может стать модель регионального варианта взаимодействия конкретных языков и культур. Такой целостной модели в науке пока не существует ни в ее синхронной, ни в диахронической реализации. Однако теоретические подходы к решению этой сложной задачи уже намечены (см. [19, с. 59-81]).

1.2. Принципы и методы исследования историко-культурной зоны Урала[3]

Урал – особая историко-культурная зона – итог многовекового взаимодействия народов, смешения языков, трансформаций в области хозяйства, семейных отношений, материальной и духовной культуры. Современное описание, реконструкция отдельных исторических состояний и эволюции подобных зон требует привлечения данных целого ряда наук, а

3 Автор – Е.Е. Хазимуллина.

также выработки комплексных, междисциплинарных методов, способствующих объективизации результатов исследования, взаимной верификации сведений различных отраслей научного знания.

Необходимым предварительным этапом решения этих задач является тщательный отбор, во-первых, фактов, подлежащих рассмотрению, и, во-вторых, принципов их изучения. В поле зрения исследователей должны находиться по возможности все феномены, релевантные для этнолингвогенеза избранного региона: прежде всего, это сами народы, населявшие и населяющие Урал, языки, на которых они говорили и говорят, их религии и другие явления культуры, а также важнейшие социальные, географические, антропогенные и иные факторы, определяющие исторический контекст формирования и развития данной зоны. Таким образом, традиционно выделяемые и описываемые по общепринятым параметрам социальные коллективы (племена, народности, нации, этносы, субэтносы и др.) должны изучаться в совокупности со своей конкретно-исторической и культурной средой бытования, что позволит ответить не только на вопросы «кто?», «когда?», «где?», «как?» и т. п., но и «почему?». Экспланаторность подобных научных изысканий может быть достигнута только путем применения принципов историзма и социокультурной мотивированности.

Поскольку историко-культурные зоны складываются постепенно на какой-либо территории в условиях определенного климата, ландшафта и обусловливаются самыми разнообразными факторами, создание их синхронных, синхронно-диахронических или же эволюционных моделей подразумевает учет данных (с той или иной степенью полноты, в различных ракурсах их освещения), полученных историей, археологией, этнографией, антропологией, культурологией, социологией, психологией, языкознанием, литературоведением, фольклористикой, палеогеографией и др. дисциплинами. Целостная реконструкция историко-культурной зоны Урала должна основываться на восстановлении указанными науками отдельных состояний ареала – синхронных пластов, срезов, называемых историко-культурными типами, включающими в себя, например, тип археологической культуры, тип языка, антропологический тип, тип традиционной культуры, типы миграций, тип климата, тип ландшафта, тип хозяйствования и т. д. «Атомарные», «локальные» исследования необходимо выверять общенаучным системным подходом, применяемым с учетом того, что этническая история ареала – это непрерывное бытие географического ландшафта, на котором постоянно в течение тысячелетий происходит взаимодействие и смена культур, социальных типов. Каждое новое состояние – лишь ступень в цепи трансформаций от одного состояния к другому.

Привлекаемые для анализа факты должны быть связаны друг с другом исторически – генетически и логически, – только на этой базе

возможно создание внутренне непротиворечивых моделей, учитывающих и объясняющих максимальное количество процессов. Например, констатация миграции по археологическим материалам сама по себе для исследователя малоценна: необходимо установить ее причины, ход и последствия, смоделировать различные стадии контактов на данной территории пришлых групп и аборигенов, определивших историю их языков, культуры и антропологического типа. С другой стороны, лингвистические построения также требуют исторического наполнения, т. к. исторические процессы, приведшие к сложению комплекса общих черт в языках определенной группы, позволяющих считать эти языки генетически родственными, должны были в той или иной мере повлиять на развитие культуры и физического типа изучаемой группы народов, и следы этого влияния могут быть выявлены в исторических построениях вместе с данными языкознания. Недостаточно, в частности, собственно лингвистического отнесения того или иного языкового факта к исконным единицам или заимствованию – должна быть выяснена принципиальная историческая возможность или невозможность этнического контакта и, следовательно, взаимодействия языков. Постулирование смены языка на определенной территории необходимо подтвердить наличием субстратных явлений в языке-«победителе» или объяснить отсутствие таковых. Внешние факторы эволюции должны находить подкрепление в узусе языков, что позволяет более объективно интерпретировать собственно исторические события.

Таким образом, междисциплинарные связи различных гуманитарных наук призваны обеспечить адекватное, всестороннее, синхронно-диахроническое изучение этноконфессиональных и языковых процессов Урала при понимании двух основополагающих моментов: 1) общество и язык существуют нераздельно, они постоянно взаимодействуют на всем историческом пути того или иного народа (разнообразные социальные, политические, экономические, культурные, конфессиональные и т. п. процессы протекают при посредничестве языка, призванном осуществлять коммуникацию во всех сферах общественной жизни); 2) язык неизбежно подвержен влиянию всевозможных социально-культурных сил, он отражает общественно значимые явления, события, идеологию, культуру, нравственные, морально-этические, эстетические и др. ценности народа, однако в то же время язык сам способен формировать особые схемы категоризации и восприятия действительности. Последнее свойство имеет немаловажные следствия для практики повседневного общения между людьми, достижения ими взаимопонимания, формирования толерантного поведения в условиях межкультурной коммуникации; оно может проливать свет на многие процессы прошлого и современности.

Главным методологическим принципом должна выступать системность, предполагающая рассмотрение и моделирование сложных

нелинейных объектов (каковым является историко-культурная зона Урала) как особых систем, обладающих определенной структурой взаимосвязанных и взаимоопределяющих элементов, способных к самоорганизации и развитию под влиянием разнообразных внешних и внутренних факторов. Применение системного метода также способствует выявлению специфики, закономерностей, магистральных тенденций в развитии исследуемого региона, их сравнению с аналогичными явлениями и процессами в России и мировом сообществе.

Комплексное изучение историко-культурной зоны Урала подразумевает синхронно-диахроническое моделирование отдельных подсистем этносов и языков и дальнейшее их интегрирование в единую эволюционную модель. Данная стратегия предполагает возрастание степени научной абстракции, последовательное отвлечение от малозначимых фактов, акцентирование лишь основополагающих, исторически релевантных явлений и процессов изучаемого региона. Можно наметить три этапа данного междисциплинарного исследования, каждый из которых требует применения определенной совокупности методов: 1) отбор, описание и сравнение отдельных феноменов этно- и лингвогенеза различных периодов и ареалов изучаемой историко-культурной зоны; 2) воссоздание синхронных и диахронических микромоделей историко-культурных типов (в частности, финно-угорского, тюркского, славянского и т. д.); 3) сравнение различных состояний и создание макромодели историко-культурной зоны Урала, описывающей особенности этногенеза, лингвогенеза, генезиса культуры и религий. Синтез привлекаемых из разных наук сведений должен осуществляться на единых основаниях, принципах – историзма, системности, социокультурной мотивированности, этноцентризма и антропоцетризма.

Следует иметь в виду, что со временем границы историко-культурной зоны, как и ареалов внутри нее, могут изменяться. С учетом этого, объективными и значимыми будут совпадения локализации лингвистических, археологических, этнографических и иных фактов. Помимо составления компьютерных баз данных, подлежащих историко-лингвистическому анализу, необходимым в связи с этим представляется применение метода их картографирования, традиционно используемого археологией, лингвогеографией и другими науками. Для определения современных границ ареала, очевидно, не вполне соответствующих территории Уральского автономного округа как административной единице, целесообразно проведение социолингвистического опроса и психолингвистического эксперимента, направленных на выявление содержания категории Урала в сознании людей, населяющих данный регион.

Современная лингвистика сама по себе располагает необходимой методологической базой для проведения исследований историко-

культурных зон, однако она остро нуждается в достоверных сведениях о широком социально-историческом контексте, определяющем функционирование, развитие языков и языковую политику. Начнем рассмотрение этой базы с методов сбора языкового материала. Помимо сплошной выборки контрольных и показательных единиц из всего массива существующих региональных словарей, устных и письменных текстов различной стилистической ориентации, созданных на территории Урала, словесного и музыкального фольклора, важнейшими представляются также полевые методы, и прежде всего, методы работы с информантами – носителями современных вариантов языков, длительное время взаимодействующих на территории изучаемого региона. Естественная среда дает благодатный материал для исследования реального функционирования языков, репрезентирующих, кроме собственно лингвистических черт, особенности мировоззрения, менталитета, этнического самосознания, культуры, религии, традиций, социальных и психологических параметров говорящих.

Целям изучения генетически родственных языков Урала – финно-угорских, тюркских, славянских (их дивергенции, конвергенции, диалектного дробления) – служат методы и приемы сравнительно-исторического языкознания. Ретроспективный, историко-генетический, метод помогает вскрыть причинно-следственные связи, а также закономерности развития языковых явлений в их тесной связи с экстралингвистическими факторами. Типологические методы лингвистики способствуют выявлению сходных структурных, семантических и функциональных черт неродственных языков данного региона, а тем самым – решению фундаментальной проблемы поиска универсалий, обусловленных идентичными психофизиологическими параметрами и потребностями говорящих, особыми этнокультурными и социальными феноменами. Две эти группы методов обеспечивают стыковку языкознания и ряда исторических дисциплин: исследование языкового наследия народов Урала должно осуществляться на базе широкого культурно-исторического контекста, позволяющего адекватно интерпретировать результаты применения собственно лингвистических приемов внешней и внутренней реконструкции, хронологизации, диалектографии, что будет способствовать максимально возможному восстановлению и описанию картины прошлого. Выявление языковых универсалий типологическими методами позволяет верифицировать полученные данные и корректировать результаты наблюдений путем разграничения черт, присущих изначально родственным языкам или же языкам, структурно сближающимся в результате длительных контактов в пределах исследуемого региона.

Социолингвистические методы направлены на мониторинг современного состояния, тенденций развития взаимодействующих в изучаемом пространстве языков, а также прогнозирование возможного

изменения языковых ситуаций (в поле зрения в данном случае находятся такие явления, как заимствования, интерференция, трансференция, смешение языков Урала, языковая экология и политика). Методами и приемами социолингвистики (социолингвистический опрос, анкетирование, интервьюирование, эксперимент, анализ документальных источников, статистическая обработка материала и др.) наиболее полно раскрывается влияние на языковое развитие всевозможных социокультурных факторов. Междисциплинарные связи в данном случае проявляются в учете языкознанием сведений о социальной истории (об истории социально-экономических формаций, о политике и формировании производственных отношений, идеологии, религиозных миссий Урала, системы образования структуры массовой коммуникации и т. д.).

Психолингвистические методы используются для выявления содержания и структуры языкового и неязыкового сознания, компонентов индивидуального и коллективного бессознательного, управляющих речевой деятельностью говорящих (немаловажное значение здесь имеет изучение категории толерантности, играющей решающую роль в социокультурных процессах полиэтнического, поликонфессионального и полиязыкового региона). На это направлен метод психолингвистического эксперимента, который позволяет, к тому же, эксплицировать отношение индивидов и определенных социальных групп к родному языку, к другим языкам, к общению, в том числе межкультурному, в различных ситуациях.

Лингвокультурологический подход обеспечивает анализ взаимосвязей, исторического взаимовлияния языка и культуры как основных атрибутов общества. Лингвокультурологическое описание Урала основывается на широком круге данных этнографии, культурологии, истории, антропологии, географии, фольклористики, семиотики, социологии, психологии, лингвистики, когнитологии, истории и других гуманитарных наук, в чье ведение входят язык, общество, личность и культура. Междисциплинарное, по сути, исследование предполагает системное описание различных объектов материальной и духовной культуры, зафиксированных в текстах и языковых единицах с социальной и «культурно-исторической памятью», с внутренней формой, стилистической окраской, в безэквивалентных наименованиях, фразеологизмах, паремиях. Ономастикон также является ярким свидетельством исторического взаимодействия, интерференции и смешения различных этносов, их языков и культур. Конечным итогом изучения лингвокультурного пространства Урала должна стать модель регионального варианта взаимодействия конкретных языков и культур.

Связи языка с социальной историей и культурой позволяет вскрывать и этнолингвистический, тоже междисциплинарный по своей сути, подход. Применение метода глоттохронологии, в сочетании с историко-типологическими и ареальными, помогает реконструировать по данным

языка этническую территорию, этногенез и традиционные культурные формы. Коммуникативно-ориентированное направление этнолингвистики способствует изучению конкретных моделей речевого поведения, принятых в той или иной культуре, определенной этнической или социальной группе. Когнитивная лингвистика располагает широкой научной базой и методологией, служащей исследованию мотивированности языка различными формами общественного сознания, менталитетом этносов, а также взаимовлияния языков и национальных способов восприятия действительности, гносеологической деятельности того или иного народа. Каждая языковая картина мира (русского, башкирского, татарского и др. языков), описываемая с помощью методов когнитивной лингвистики, выявляемая на основе мифологии, философии, фольклора, языка, литературы, искусства и проч., представляет собой, прежде всего, производную национального менталитета, поскольку в ней фиксируется способ познания народом окружающей действительности, самого себя, система его ценностей, морально-этических установок, стереотипов мировидения, поведения и т. п. Несомненно, знание культурно-исторических, этноконфессиональных процессов прошлого и современности, привнесенное этнографией, культурологией, литературоведением, фольклористикой, способствует более точной интерпретации результатов психолингвистических экспериментов, лингвокогнитивных, лингвокультурологических и этнолингвистических исследований.

Методы ареальной лингвистики, в частности картографирование, способны наглядно представить картину существующего положения вещей: геосоциальную обстановку, изоглоссы распространения языков, диалектов, конкретных языковых и культурных явлений. Параллелизм между историей вещей и историей слов, как известно, нивелирует резкие границы между языками. Распространение какого-либо явления (а вместе с ним и языковых инноваций) зависит от характера общения, которому могут препятствовать либо естественные границы (горы, леса, воды), либо искусственно созданные барьеры (например, политические или религиозные, а также обычаи, суеверия и т. п.). Метод изоглосс позволяет демонстрировать «волновые» процессы изменения взаимодействующих в изучаемой историко-культурной зоне языков, обусловленные социокультурными факторами. Верификация полученных результатов может осуществляться с помощью «норм ареалов» М. Бартоли.

Итак, главной задачей междисциплинарного подхода является многопараметрическое и в то же время целостное, системное исследование этнического, конфессионального и языкового развития Уральского региона. Если отбор, описание и сравнение отдельных феноменов этно- и лингвогенеза различных периодов и территорий Урала возможны на базе отдельных наук, то решение задач воссоздания синхронных и

диахронических микромоделей историко-культурных типов, а также сравнение различных состояний и создание макромодели историко-культурной зоны Урала предполагает тесное взаимодействие комплекса дисциплин.

Применение современного общенаучного принципа историзма должно способствовать внутреннему единству, непротиворечивости получаемых результатов: ось одновременности (синхрония) не противопоставлена оси времени (диахрония); описание глубинной структуры отношений между наличными элементами историко-культурной зоны (этносами, их языками, культурой, религиями и т. д.) является одновременно первым этапом реконструкции ее прошлого состояния. Таким образом, историзм взаимодействующих наук призван обеспечить и системность исследования. В свою очередь, системное представление об этноконфессиональной истории и языковом наследии Урала, выработанное междисциплинарным подходом, может обладать высоким объяснительным и прогностическим потенциалом.

Комплексный, синхронно-диахронический, подход связан с пониманием постепенности региональных изменений. Его применение различными гуманитарными науками предполагает нахождение узловых, релевантных для этнолингвогенеза явлений, определяющих общий исторический контекст формирования и развития данной зоны. В качестве таковых могут, с нашей точки зрения, выступать историко-культурные типы (типы археологической культуры, типы языков, антропологические типы, типы традиционной культуры, миграций, тип климата, ландшафта, хозяйствования и т. п.), синхронное и диахроническое сопоставление которых позволит определить, во-первых, этнические, конфессиональные, языковые и культурные реалии как факторы, детерминирующие определенную динамику развития Урала, и, во-вторых, выявить общецивилизационные тенденции. Аналогичные задачи призваны решать и сравнительно-исторический и типологический методы, номинально совпадающие, но применяемые историей и языкознанием несколько по-разному. Первый из них в частности предполагает сопоставление социокультурных объектов в пространстве, во времени, а также выявление их сходств и различий. С помощью второго возможна классификация реалий и событий на основе присущих им наиболее существенных признаков, анализ закономерностей различных историко-языковых процессов, не связанных между собой общим происхождением или взаимным влиянием. И то, и другое в итоге будет способствовать определению наиболее вероятных перспектив этнического, культурного, конфессионального и языкового развития региона.

Применение принципов социокультурной мотивированности, этно- и антропоцентризма позволит адекватно описывать изучаемые объекты (этносы, языки) и эксплицировать самобытный опыт формирования

историко-культурной зоны Урала. Лингвоэтнокультурологический же анализ в целом, осуществляемый силами различных гуманитарных наук, служит выявлению подлинных детерминант разнообразных исторических процессов полиэтнического региона.

1.3. Особенности взаимодействия языкового и неязыкового сознания этносов Урала в условиях межкультурной коммуникации: национально-культурная обусловленность[4]

В современной лингвистике рассмотрение феномена сознания в качестве способности отражения действительности сквозь призму языка является чрезвычайно актуальным. Языковое сознание отвечает за область знаний о языке, за вербализованную часть осмысления окружающего мира. Неязыковые же знания, энциклопедические и, в частности, вербально не осмысленные (эмоциональные, цветовые, вкусовые, тактильные ощущения), соответственно, принадлежат сфере неязыкового сознания. В настоящее время в плане изучения языкового сознания наиболее разработан деятельностный подход, при котором рассматриваемое явление получает толкование механизма, регулирующего речевую деятельность индивида. Последняя определяется использованием языковых средств в процессах порождения речи говорящим и ее восприятия, понимания слушающим, в виду чего речевая деятельность может быть рассмотрена как своеобразный симбиоз языка (со стороны его системы и нормы) и речи (с позиции узуса и реального речевого акта).

Язык есть выразитель культуры, менталитета народа; в его единицах закрепляются значимые понятия и фиксируются существующие в обществе тенденции развития межнационального взаимодействия разного уровня (от бытового до государственного). В виду сказанного, важным элементом сознания выступает типичная для членов отдельного национально-культурного объединения и носителей конкретного языка этническая составляющая, зачастую проявляющаяся в особых способах речевого поведения, формирования мысли и лежащая в основе мировидения и миропонимания определенного народа. Кроме того, в сознании людей давно закрепилось мнение, что представителям той или иной национальности присущи отличительные черты, отражающиеся в специфике образа жизни, традиций, поведения. Суждения одной этнической общности о другой или о самой себе, обладающие устойчивостью, схематизмом и эмоциональной оценкой, принято называть этническими стереотипами. В содержании этнических стереотипов следует различать относительно устойчивое ядро (комплекс представлений об историческом прошлом конкретного народа, особенностях образа жизни и

4 Автор – Ю.С. Фомина.

трудовых навыках членов определенной этнической группы, о внешнем облике говорящих на том или ином национальном языке) и ряд изменчивых суждений относительно коммуникативных и моральных качеств данного народа. Изменчивость оценок обусловлена подвижностью ситуации межнационального взаимодействия, вследствие чего этнические стереотипы скорее отражают прошлый позитивный или негативный опыт контактирования народов.

Отмеченные проблемы современного языкознания получают свое развитие и в работах лингвистов Уральского региона. Так, М.Э. Рут в диссертационном исследовании «Образная номинация в русском языке: ономасиологический аспект» предлагает новую методику реконструкции народной картины мира по ономасиологическим данным [54]. Ей же принадлежит разработка оригинальных концепций ономастикона языковой личности и лингвокультурологической информативности имен собственных. Комплексная тема научных исследований «Образ России в национальной ментальности: лингвокультурологический аспект» заявлена кафедрой риторики и межкультурной коммуникации института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации при Уральском государственном педагогическом университете (руководитель – А.П. Чудинов) [73]. На кафедре общего языкознания и русского языка под руководством профессора Т.А. Гридиной ведется активная научная деятельность в области системного изучения механизмов речевого творчества в современной языковой ситуации: анализу подвергаются молодежный жаргон и детская речь [21]. Результатом научных изысканий в рамках последнего из указанных направлений является описание основных механизмов детского речетворчества и создание компьютерной базы данных с целью их последующего использования в процессе составления словаря «Инновации детской речи». Исследователями кафедры общего языкознания и русского языка разрабатываются принципы представления языковой реальности в словарях нового, антропоцентрического типа. Так, на основе собранных материалов составляются тематические словари, содержащие элементы сознания диалектоносителя, и мотивационный словарь детской речи. Кроме того, формируются учебные лингвокультурологические словари, орфоэпический словарь (с включением прецедентных текстов), что отражает лексикографический аспект изучения этно-, социо- и психолингвистических проблем современной языковой ситуации. Особое внимание уделяется изучению диалектных словарей, выступающих в качестве источника сведений о менталитете народа. Этнокультурная специфика обнаруживается и в исследованиях фрагментов языковой картины мира на региональном материале: раскрываются способы представления народной демонологии в диалектном высказывании; определяется специфика фразеологизмов со значением пространства; описываются социокультурные параметры языковой игры в

народных приметах и толкованиях сновидений, а также в сфере художественной речи; изучается функционально-семантическое поле сомнительности как отражение языковой ментальности [22].

Указанные проблемы выносятся на обсуждение созданного при кафедре в 1998 г. Уральского психолингвистического общества и представляются в виде докладов традиционно проводимой Всероссийской конференции «Язык. Система. Личность», материалы которой публикуются в одноименном периодическом сборнике [50]. Кроме того, на кафедре общего языкознания и русского языка с 2001 года издается сборник трудов молодых ученых «Linguistica juvenis» [1]. Таким образом, студенты и аспиранты имеют возможность представить результаты своих научных изысканий. Среди последних следует отметить работы, в которых подвергаются исследованию социо- и психолингвистические аспекты речевой деятельности, проблемы лингвокультурологического анализа и семантических процессов в современной языковой ситуации, вопросы языковой ментальности и дискурсивной презентации языковой личности. В целом деятельность Уральского психолингвистического общества направлена на расширение спектра возможностей изучения языкового сознания и механизмов речевой деятельности с привлечением экспериментальных методов психолингвистики. Так, подвергается психолингвистической интерпретации языковое сознание личности, изучаются процессы речепорождения и речевосприятия в онтогенезе, исследуются разные виды дискурсивной деятельности говорящих (в сфере рекламы, публицистики, художественного творчества), обсуждаются проблемы психологической реальности значения, методологии концептуального и когнитивного анализа с применением психолингвистических «технологий», особое место занимает рассмотрение творческой активности говорящих в сфере номинации и мотивации. Все это находит отражение в ежегодно издаваемом сборнике научных трудов «Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности» [52].

Перспективное направление теоретической лингвистики – систематику языка и речевой деятельности (психосистематику, или антропологическую лингвистику) – разрабатывает профессор кафедры общей лингвистики Южно-уральского государственного университета О.А. Турбина. Преподаватели кафедры культуры речи и профессионального общения под руководством Е.В. Харченко ведут научную деятельность в области социолингвистики, психолингвистики, теории коммуникации, прагмалингвистики, профессионального общения, особенностей языкового сознания носителей разных корпоративных (профессиональных и организационных) культур [71; 10].

Аналогичная исследовательская тематика реализуется на кафедре теории языка филологического факультета Челябинского государственного университета. Здесь важная роль отводится изучению особенностей

межкультурной коммуникации, в связи с чем в структуру кафедры включена научно-учебная лаборатория, исследующая проблемы языкового сознания населения мультикультурного Урало-Сибирского региона (лабораторией заведует доктор филологических наук, профессор Л.А. Шкатова).

Вопросы социолингвистики, этнолингвистики, сопоставительного языкознания и тюркской филологии решаются учеными кафедры языкознания и методики преподавания русского языка филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета. Исследованием функционирования единиц разных уровней в социолингвистическом пространстве занимаются сотрудники кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи, принимая активное участие в изучении речевой культуры жителей г. Оренбурга и Оренбургской области [38]. Следует отметить деятельность областного научно-методического Совета по межнациональным отношениям, в состав которого входят ученые ведущих вузов г. Оренбурга (например, Л.С. Панина, являющаяся одновременно членом редколлегии журнала «Этнопанорама»). По итогам проведенных межрегиональных научно-практических конференций составлен сборник «Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона» [60], продолжающий серию книг «Многонациональный мир Оренбуржья». В материалах сборника отражаются этапы этнокультурного развития и духовные традиции славянских народов Южного Урала, характеризуется положение русского языка и литературы в системе славянской духовности.

Проблеме динамической модели языка посвящены работы исследователей Пермского государственного университета. Так, Л.Н. Мурзин указывает, что в динамическом изучении языка выявляется формально-лингвистический и психолингвистический аспекты, причем в последнем выделяются элементы собственно психолингвистического плана, описывающие условия порождения речи вообще, и психомеханического характера, связанные с образованием и реализацией языковых форм в акте речи [46]. Данная концепция получает преломление в одном из приоритетных направлений филологического факультета – социолингвистике и психолингвистике, – когда исследователями учитывается специфика многонационального региона и обнаруживается общее и индивидуальное в языке и речевой деятельности [25; 48].

Следует отметить, что при кафедре общего и славянского языкознания с 1995 г. действует научная лаборатория «Речь города в социокультурном аспекте», занимающаяся изучением живого функционирующего языка различных социальных групп общества (руководитель – Т.И. Ерофеева). На базе лаборатории создана Школа социопсихолингвистики, объединившая ученых двух вузов г. Перми – классического и педагогического университетов. Участники школы

ежемесячно обсуждают ключевые проблемы современной лингвистической науки, в частности, ими рассматриваются вопросы, связанные с особенностями исследования языковой личности, ментального лексикона, актуального лексикона подростка, детской речи, городской разговорной речи, вариативности национального языка, внутриязыковой интерференции. Результатом научной деятельности школы является ежегодно выпускаемый сборник «Проблемы социо- и психолингвистики» [51].

Изыскания в области социолингвистики и речевой коммуникации являются актуальными для филологов Удмуртского государственного университета. Научно-исследовательская работа факультета удмуртской филологии сосредоточена на изучении истории пермских языков во взаимосвязи с другими языками, развития национальной литературы и фольклора в контексте взаимообогащения литератур народов России и зарубежных стран, взаимосвязи удмуртского и русского языков.

Членами кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Башкирского государственного университета активно разрабатываются такие направления лингвистики как социо- и психолингвистика, лингвокультурология, развивается этнолингвистика и широко внедряется в практику лингвокультурологическая концепция обучения русскому языку. Таким образом, наблюдается взаимосвязанное изучение языка и культуры, формирование языковой личности. В последнее время на кафедре под руководством профессора Л.Г. Саяховой разрабатывается теория и практика создания лингвокультурологических словарей, причем значительная часть лексикографических изданий есть результат диссертационных исследований ряда ученых [56; 45].

Изучением теоретических и практических аспектов социолингвистики и психолингвистики, в частности описанием языковой ситуации Республики Башкортостан, занимается группа ученых под руководством Л.Л. Аюповой при кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания. Результатом их деятельности является составление картотеки материалов, связанных с описанием языка молодежи г. Уфы и городского просторечия, издание Словаря регионализмов Башкирии. Второе направление исследовательской работы кафедры – «Русские говоры Башкирии и их взаимодействие с тюркскими языками» – возглавляет З.П. Здобнова. На протяжении нескольких лет лингвисты собирали ценнейший культурно-языковой материал лексики русских говоров Башкирии, который в последствии был подвергнут как монографическому описанию, так и лингвогеографическому (в атласах) и лексикографическому (в словарях) представлению [31].

Научный интерес также представляют темы «Инновационные технологии и методики в обучении межкультурной профессиональной коммуникации», «Исследование психолингвистических механизмов

понимания и порождение текста с использованием интегративного метода «встречного текста» и ассоциативной методики», разрабатываемые преподавателями кафедры иностранных языков естественных факультетов. Так, Н.П. Пешкова занимается изучением психосемантики и психолингвистики текста, моделированием психолингвистических механизмов речевой деятельности, продолжая развивать концепцию текста и смысла школы А.И. Новикова, одним из научных достижений которой стал метод графической экспликации глубинных содержательных и смысловых структур высказывания, применимый как в сфере обучения языкам, так и для решения широкого круга задач прикладной и компьютерной лингвистики [49]. Н.П. Пешкова является научным редактором сборника материалов ежегодной региональной научной конференции «Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология», проводимой в г. Уфе; она входит в состав редколлегии межвузовского сборника научных трудов «Лингводидактические и культурологические аспекты обучения иностранным языкам в вузе», издаваемого Башкирским государственным университетом; участвует в научно-исследовательском проекте «Урал: история, экономика, культура», имеющим своей целью разработку серии учебников по обучению письменной речи на русском, башкирском и европейских языках.

В Уфимском государственном авиационном техническом университете на кафедре иностранных языков развернута деятельность в области психолингвистики. Ряд работ по психолингвистическим проблемам семантики, проблемам моделирования динамических аспектов функционирования значения слова принадлежит Т.М. Рогожниковой [53]. Исследование ассоциативных процессов в разных возрастных группах, на материале различных языков, в условиях нормы и патологии позволили создать универсальную модель семантического развития, обладающую высоким обобщающим потенциалом. Данная модель позволяет по-новому взглянуть на процессы функционирования слова в индивидуальном сознании. В области фундаментальных исследований были заложены основы новой теории интегративного типа, развивающей психолингвистическую теорию слова А.А. Залевской в контексте идеи возможной эволюции человеческого сознания; создана психолингвистическая концепция функционирования полисемантичного слова в индивидуальном сознании; впервые предложен ранжированный подход и обозначена специфика и последовательность становления основных механизмов функционирования слова в сознании носителя языка; выдвинута гипотеза разноуровневой обработки информации и определена специфика обработки информации на сенсорном, эмоциональном и ментальном (интеллектуальном) уровнях; доказаны предположения о наличии механизма искажения информации,

действующего на уровне сенсорной обработки и спонтанно открывающегося канала движения новой информации на уровне ментальной обработки; исследован эффект инсайта и механизм блокировки переноса информации; теоретически и экспериментально обоснованы новые подходы к исследованию психических процессов, в частности, процессов ассоциирования через типологические модели, репрезентативные системы человека, через особенности действия репрезентационных механизмов. В сфере прикладных исследований получены теоретические результаты, использование которых способствует повышению эффективности процесса обучения языкам; разработан новый подход к проблеме обучения иностранному языку на основе ассоциативной методики, позволяющей формировать ассоциативное окружение лексической единицы и включать данную единицу в систему энциклопедических знаний человека; разработана методика составления специальных ассоциативных словарей и словарей особого типа, исходя из опорных слов текстов определенной тематики; модифицирована методика проведения межкультурных сопоставлений для выявления национально-культурной специфики ассоциативных реакций и ядра языкового сознания носителя языка. К тому же, Т.М. Рогожникова является ответственным редактором сборника материалов ежегодной региональной научной конференции «Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология» и входит в редакционную коллегию сборника научных трудов «Слово и текст: психолингвистический аспект», издаваемого Тверским государственным университетом. Под руководством Т.М. Рогожниковой исследует специфику и закономерности развития значения слова у одаренных испытуемых разных возрастных групп С.Г. Абабкова [2], изучает стратегии, используемые носителями татарского и башкирского языков при идентификации изолированного слова Л.В. Газизова [15], описывает особенности развития значения слова в индивидуальном сознании в условиях нормы и патологии Р.Н. Гарипова [18], рассматривает ассоциативную структуру значения и фонетической значимости слова Р.А. Даминова [24], прослеживает динамику семантических изменений в преклонном возрасте Т.Ю. Касаткина [35], обнаруживает инвариантные и вариативные элементы в ассоциативной структуре семантики слова у представителей разных психотипов С.В. Закорко [28].

Проблемы социо- и психолингвистики занимают важное место в научной деятельности преподавателей кафедры общего языкознания Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. В русле отмеченного направления изучаются особенности языкового и неязыкового сознания студенческой молодежи, обусловленные различными социокультурными и психологическими факторами [64-66; 68-70]. Кроме того, ученые исследуют речевое

поведение индивидов, реализуемое в условиях многоязычной среды общения в Республике Башкортостан.

Таким образом, лингвистов Уральского региона интересуют проблемы изучения языкового и неязыкового сознания индивидов, отдельных социальных групп и общества в целом. Наиболее разработанными являются проблемы языковой и народной картин мира говорящих, специфики национальной ментальности и национально-культурных стереотипов, особенностей языкового сознания представителей различных социально-демографических объединений и корпоративных культур, механизмов понимания и порождения речи. В ходе подобных исследований учитываются особенности языковой ситуации отдельных областей Уральского региона, которая предполагает наличие элементов межкультурной коммуникации, накладывающей значительный отпечаток как на сознание билингвов, полилингвов, так и на сознание говорящих, владеющих каким-либо одним этническим языком[5].

Литература

1. Linguistica Juvenis [Текст]: сборник научных трудов молодых ученых. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2002-2005. – (2002 г. Вып. 1. 77 с., Вып. 2. 71 с.; 2003 г. Вып. 3. 177 с.; 2004 г. Вып. 4. 230 с.; 2005 г. Вып. 5. Дискурс и текст. 164 с.).

2. Абабкова, С.Г. Некоторые вопросы идентификации одаренности в психолингвистическом исследовании семантики слова [Текст] / С.Г. Абабкова //

---

5 В ходе разработки данного материала использована информация, представленная на следующих официальных сайтах:

1. Башкирский государственный университет, г. Уфа (Режим доступа: http://www-old.bsunet.ru).
2. Оренбургский государственный педагогический университет, филологический факультет, г. Оренбург (Режим доступа: http://www.ospu.ru/?id2g=2).
3. Пермский государственный университет, кафедра общего и славянского языкознания, Школа социопсихолингвистики, г. Пермь (Режим доступа: http://psychsocling.narod.ru/index.htm).
4. Пермский государственный университет, филологический факультет, г. Пермь (Режим доступа: http://www.psu.ru/faculties/philology).
5. Психолингвистика (Режим доступа: http://psycholing.narod.ru/personal-links.html).
6. Удмуртский государственный университет, г. Ижевск (Режим доступа: http://v4.udsu.ru/abitur/fudf).
7. Уральский государственный педагогический университет, институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, г. Екатеринбург (Режим доступа: http://science.uspu.ru).
8. Уральский государственный университет им. А.М. Горького, филологический факультет, г. Екатеринбург (Режим доступа: http://www.peoples.ru/science/linguist/maria_rut/).
9. Челябинский государственный университет, филологический факультет, г. Челябинск (Режим доступа: http://oldcsu.csu.ru/main.asp?method=GetPage&p=82&redir=130).
10. Южно-уральский государственный университет, факультет лингвистики, г. Челябинск (Режим доступа: http://ling.susu.ru).

Человек. Язык. Культура: межвузовский сборник статей. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2005. – Вып. 5. – С. 3-7.

3. Аюпова, Л.Л. Лексика народов Башкортостана в русской речи. Глоссарий [Текст] / Л.Л. Аюпова. – Уфа: Изд-во БГУ, 1994. – 145 с.

4. Аюпова, Л.Л. Социолингвистика: актуальные проблемы [Текст] / Л.Л. Аюпова. – Уфа: Восточный университет, 1997. – 79 с.

5. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист; пер. с фр.; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с. – (Лингвистическое наследие XX века).

6. Березович, Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства [Текст] / Е.Л. Березович. – Изд. 2, испр. и доп. – М.: КомКнига, 2010. – 240 с.

7. Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования [Текст] / Е.Л. Березович. – М.: «Индрик», 2007. – 602 с.

8. Березович, Е.Л., Рут, М.Э. Ономасиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания [Текст] / Е.Л. Березович, М.Э Рут // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. – № 17. Гуманитарные науки. Вып. 3: Филология. – С. 33-38.

9. Блумфильд, Л. Язык [Текст] / Л. Блумфильд. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 608 с. – (Серия «Лингвистическое наследие XX века»).

10. Ваганова, Е.В. Языковое сознание студентов технических и гуманитарных специальностей как представителей различных корпоративных культур [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ваганова Екатерина Владиславовна. – Челябинск, 2008. – 176 с.

11. Васильев, Л.М. Методы современной лингвистики [Текст] / Л.М. Васильев. – Изд-е Башкирск. Ун-та. – Уфа, 1997. – 182 с.

12. Васильев, Л.М. Некоторые типологические параллели в славянских, романских, германских и тюркских языков [Текст] / Л.М. Васильев // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, 28 октября 2008 г., Ч. I. – Уфа: Издательство БГПУ, 2008. – С. 85-86.

13. Воробьев, В.В. О статусе лингвокультурологии [Текст] / В.В. Воробьев // Русский язык, литература и культура на рубеже веков: IX Межд. Конгресс МАПРЯЛ. №1: Тезисы докладов и сообщений. – Братислава, 1999. – Т. 2. – С. 125-126.

14. Воробьев, В.В., Саяхова, Л.Г. Русский язык в диалоге культур [Текст]: учеб. пособие для учащихся гуманитарного профиля / В.В. Воробьев, Л.Г. Саяхова. – М.: изд-во «Ладомир», 2006. – 245 с.

15. Газизова, Л.В. Межъязыковое сопоставление единиц ядра языкового сознания носителей различных языков [Текст] / Л.В. Газизова // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2003. – С. 57-63.

16. Гарипов, Т.М. Миноритарные языки Башкортостана: функционирование и развитие [Текст] / Т.М. Гарипов // Культурный и языковой плюрализм в Республике Башкортостан. – Уфа: АН РБ, ИГИ АН РБ, МКНП РБ, 2008. – С. 32-33.

17. Гарипов, Т.М., Кузеев, Р.Г. Волго-Уральский регион культурно-языкового взаимодействия уральских и алтайских этносов [Текст] / Т.М. Гарипов, Р.Г. Кузеев // Урало-алтаистика: Археология. Этнография. Язык. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 107-113.

18. Гарипова, Р.Н. Экспериментальное исследование специфики семантического развития слова в условиях патологии: предварительные результаты [Текст] /

Р.Н. Гарипова // Человек. Язык. Культура. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2005. – С. 13-22.

19. Герд, А.С. Введение в этнолингвистику [Текст]: курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. – 2 -е изд., исправл. – Спб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 457 с.

20. Гердер, И.Г. Идеи к философии истории человечества [Текст] / И.Г. Гердер; пер. и примеч. А.В. Михайлова. – М.: Наука, 1975. – 705 с. – (Серия «Памятники исторической мысли»).

21. Гридина, Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явления языковой игры) [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Гридина Татьяна Александровна. – М., 1996. – 563 с.

22. Гридина, Т.А., Коновалова, Н.И. Национально-культурные стереотипы языкового сознания (на материале малых фольклорных жанров) [Текст] / Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира». – М., 1997. – С. 50-51.

23. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт; пер. с нем.; общ. ред. Г.В. Рамшвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2001. – 400 с.

24. Даминова, Р.А. Результаты фоносемантического анализа ассоциативного окружения единиц ядра ментального лексикона [Текст] / Р.А. Даминова // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология. – Уфа: Изд. Уфимск. гос. авиац. техническ. ун-та, 2006. – С. 93-97.

25. Ерофеева, Т.И. Речевой портрет говорящего [Текст] / Т.И. Ерофеева // Языковой облик уральского города. – Свердловск, 1990. – С. 90-91.

26. Закирьянов, К.З. Общественные функции башкирского и русского языков в условиях билингвизма в Республике Башкортостан [Текст] / К.З. Закирьянов // Основы билингвологии. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – С. 141-145.

27. Закирьянов, К.З. Русский язык – язык межнационального общения [Текст] / К.З. Закирьянов // Основы билингвологии. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – С. 57-67.

28. Закорко, С.В. Структура семантики слова и разные психологические типы: история вопроса [Текст] / С.В. Закорко // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология: материалы конференции. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2006. – С. 119-122.

29. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях [Текст]. В 2 ч. Ч. 1. / В.А. Звегинцев.– М.: Учпедгиз, 1960. – 406 с.

30. Звегинцев, В.А. Очерки по общему языкознанию [Текст] / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1962. – 384 с.

31. Здобнова, З.П. Атлас русских говоров Башкирии [Текст]. В 2 ч. / Уфа: Гилем, 2008. – 229 с.

32. Зубкова, Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания [Текст]: учеб. пособие / Л.Г. Зубкова. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 237 с.

33. Ибрагимова, В.Л. Особенности реализации семантико-деривационного потенциала глаголов пространственного расположения в русском и башкирском языках [Текст] / В.Л. Ибрагимова // Межвузовский научный сборник статей «Исследования по семантике». – Уфа: РИЦ БГУ, 2008. – Вып. 24. – С. 301-305.

34. Иная ментальность [Текст] / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.

35. Касаткина, Т.Ю. Процессы ассоциирования у пожилых людей [Текст] / Т.Ю. Касаткина // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология: материалы конференции. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2006. – С. 153-159.

36. Кибрик, А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания

(универсальное, типовое и специфичное в языке) [Текст] / А.Е. Кибрик. – Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 336 с.

37. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [Текст] / О.А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

38. Косянова, О.М. Формирование этнокультуроведческой компетенции студентов национальных групп педвузов при обучении неродному языку [Текст]: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Косянова Ольга Михайловна. – Н. Новгород, 1995. – 230 с.

39. Кузеев, Р.Г., Гарипов, Т.М. Волго-Уральская историко-этнографическая область (история формирования и современное функционирование [Текст] / Р.Г. Кузеев, Т.М. Гарипов // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978-1979 гг.: тезисы докладов. – Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1980. – С. 10-12.

40. Кузеев, Р.Г., Гарипов, Т.М. Преемственность и сменяемость этнических культур (ирано-тюркские историко-лингвистические связи в Урало-Поволжье) [Текст] / Р.Г. Кузеев, Т.М. Гарипов // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке: III всесоюзная конференция востоковедов «Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке», Т. 2. Акад. наук СССР, Всесоюз. ассоц. востоковедов, Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1988. – С. 14-16.

41. Курбангалеева, Г.М. О некоторых закономерностях формирования лексики русских говоров Башкирии [Текст] / Г.М. Курбангалеева // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): международная научно-практическая конференция, 17-19 марта 2006 г., Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова. – М.: ЭЛПИС; Кострома, 2006. – С. 619-622.

42. Леонтьев, А.А. Важнейшие проблемы сопоставления русского языка и языков народов Востока [Текст] / А.А. Леонтьев // Актуальные проблемы преподавания русского языка в странах Азии, Африки, Среднего и Ближнего Востока: доклады и тезисы докладов. – М.: МГУ, 1972. – С. 23-33.

43. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

44. Мечковская, Н.Б. Язык и религия: лекции по философии и истории религий [Текст]: пособие для студентов гуманитарных вузов / Н.Б. Мечковская. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.

45. Муллагалиева, Л.К. Реалии русской культуры. Лингвокультурологический словарь [Текст]: учеб. пособие для учащихся средних школ и учителей русского языка / Л.К. Муллагалиева; под редакцией профессора Л.Г. Саяховой. – Уфа: БИРО, 2001. – 220 с.

46. Мурзин, Л.Н. Язык, текст и культура [Текст] / Л.Н. Мурзин // Человек-текст-культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 59-63.

47. Напольских, В.В. Введение в историческую уралистику [Текст]: монография / В.В. Напольских. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. – 268 с.

48. Овчинникова, И.Г., Кибанова, А.В. Вариативность этнического сознания: соотношение элитарной, профессиональной и массовой субкультур (на материале ассоциативного эксперимента) [Текст] / И.Г. Овчинникова, А.В. Кибанова // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 5. – С. 90-94.

49. Пешкова, Н.П. Психолингвистические аспекты типологии научного текста [Текст]: дисс. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / Пешкова Наталья Петровна. – Уфа: Баш. гос. ун-т, 2002. – 353 с.

50. Проблемы изучения языковой картины мира и языковой личности [Текст]: материалы международной конференции «Язык. Система. Личность». – Екатеринбург:

Урал. гос. пед. ун-т, 2004. – 248 с.

51. Проблемы социо- и психолингвистики [Текст]: сборник статей / Отв. ред. Т.И. Ерофеева. – Пермь: Перм. ун-т, 2002-2004. – (2002 г. Вып. 1. 104 с.; 2003 г. Вып. 2. 104 с., Вып. 3. 96 с.; 2004 г. Вып. 4. 100 с., Вып. 5. 99 с.).

52. Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности [Текст]. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – Вып. 1. – 180 с.

53. Рогожникова, Т.М. Единицы ядра ментального лексикона и мозговые волны [Текст] / Т.М. Рогожникова // Языковые и речевые единицы в разных языках: сборник научных статей. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – С. 121-136.

54. Рут, М.Э. Образная ономастика в русском языке. Ономасиологический аспект [Текст]: дисс. … д-ра филол. наук: 10.02.01 / Рут Мария Эдуардовна. – Екатеринбург: ЕГУ, 1994. – 553 с.

55. Рут, М.Э. Русская народная астронимия [Текст]: учеб. пособие / М.Э. Рут. – Свердловск: УрГУ, 1987. – 67 с.

56. Самситова, Л.Х. Реалии башкирской культуры. Словарь безэквивалентной лексики башкирского языка [Текст] / Л.Х.Самситова; под ред. М.В. Зайнуллина и Л.Г. Саяховой. – Уфа: Китап, 2006. – 216 с.

57. Саяхова, Л.Г. Языковая личность в контексте лингвокультурологических проблем образования [Текст] / Л.Г. Саяхова // Языковая личность: Лингвокультурология. Лингводидактика. Лексикография / Под редакцией В.В. Воробьева, Л.Г. Саяховой. – Уфа: Изд-во БГУ, 2001. – с. 63-81.

58. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 655 с.

59. Сироткина, Т.А. Отражение этнокультурного сознания в региональном этнонимиконе [Текст] / Т.А. Сироткина // Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире», Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 24-26 марта 2009 г. – М.: Макс Пресс, 2009. – С. 290-291.

60. Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона [Текст]: материалы межрегиональных научно-практических конференций. – Оренбург: ГУП Оренбургской области «Бузулукская типография», 2011. – 242 с.

61. Срезневский, И.И. Мысли об истории русского языка [Текст] / И.И. Срезневский; вступ. ст. С.Г. Бархударова. – Изд. 2-е, стеротипное. – М.: КомКнига, 2006. – 136 с. – (История языков народов Европы).

62. Степанов, Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю.С. Степанов. – Изд. 4-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 312 с.

63. Традиционная культура Урала: опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области [Текст] / Сост. О.В. Востриков. – Екатеринбург: Свердловский областной Дом фольклора, 2000-2004. – (Вып.1. Народный календарь; Вып.2. Народная свадьба; Вып.3. Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи; Вып.4. Досуг; Вып.5. Магия и знахарство. Народная мифология; Вып.6. Быт: заботы по хозяйству. Обработка волокна и рукоделие. Приспособления для обработки волокна и рукоделия. Волокно, пряжа, ткань / В.В. Липина).

64. Фомина, Ю.С. О некоторых компонентах фразеологической картины мира в языковом сознании студентов БашГПУ [Текст] / Ю.С. Фомина // Русский язык и методика его преподавания: традиции и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень: Изд-во Тюменского госуниверситета, 2007. – С. 47-51.

65. Фомина, Ю.С. Тезаурусный уровень языковой личности студента полиэтнического вуза [Текст] / Ю.С. Фомина // Вестник Башкирского университета,

2009. – Т. 14, №4. – С. 1381-1385.

66. Фомина, Ю.С. Языковые и неязыковые компоненты сознания, обусловленные поликультурной ситуацией Республики Башкортостан [Текст] / Ю.С. Фомина // Вестник Томского государственного университета. Общенаучный периодический журнал. – Март 2010. – №332. – С. 26-29.

67. Хазимуллина, Е.Е. Толерантность как субъективный фактор языковой ситуации (на примере Республики Башкортостан) [Текст] / Е.Е. Хазимуллина // Вопросы филологии. – М.: Изд-во ИИЯ, РАЛН, Института языкознания РАН. – 2006. – № 2(23). – С. 19-23.

68. Хазимуллина, Е.Е., Фомина, Ю.С. Концепт «русский» в сознании студентов вузов г. Уфы [Текст] / Е.Е. Хазимуллина, Ю.С. Фомина // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сборник научных трудов. – Архангельск: Поморский университет, 2005. – Вып. 2 – С. 43-50.

69. Хазимуллина, Е.Е., Фомина, Ю.С. Содержание понятия «электорат» в сознании студенческой молодежи г. Уфы [Текст] / Е.Е. Хазимуллина, Ю.С. Фомина // Демократия и местная власть: сборник научных трудов. – Уфа: РИО БИСТ, 2005. – С. 124-127.

70. Хазимуллина, Е.Е., Фомина, Ю.С., Попова, Е.В. Языковая личность студентов филологических и нефилологических специальностей БашГПУ в условиях билингвизма и полилингвизма [Текст] / Е.Е. Хазимуллина, Ю.С. Фомина, Е.В Попова // Проблемы лингвистического краеведения: материалы межвузовской научно-практической конференции. – Пермь: Изд-во Пермского гос. пед. ун-та, 2004. – С. 226-240.

71. Харченко, Е.В. Межличностное общение: модели вербального поведения в профессиональных стратах [Текст]: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Харченко Елена Владимировна. – Челябинск, 2004. – 470 с.

72. Хроленко, А.Т. Теория языка [Текст]: учеб. пособие / А.Т. Хроленко, В.Д. Бондалетов; под ред. В.Д. Бондалетова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 512 с.

73. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале [Текст] / А.П. Чудинов // Русская речь. – 2001-2002. – (2001 г. №1. С. 34-41, №3. С. 31-37, №4. С. 42-48; 2002 гг. №1. С. 42-46, №2. С. 48-52, №3. С. 42-46).

74. Языки Евразии в этнокультурологическом освещении [Текст]: юбилейный сборник статей в честь 50-летия научно-исследовательской деятельности – Уфа: Вост. ун-т, 2005. – 272 с.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие идеи высказывали зарубежные и отечественные лингвисты XVIII-XIX вв., рассматривая язык в качестве социального и культурно-исторического явления? Составьте опорную схему, отражающую противоречивость и преемственность этих идей.

2. Определите роль теории «лингвистической непрерывности» и метода изоглосс в решении проблемы взаимодействия языка, культуры и общества. С опорой на «Атлас русских говоров Башкирии» З.П. Здобновой (Уфа: Гилем, 2008) проследите распространенность на территории Башкортостана лексем *айран*, *буран*, *гнус*, *дупляк*, *елань*, *клушка*, *кумыс*, *наледь*, *обабок*, *отдушина* (в значении ‘прорубь в реке’), *покров*, *полынья*, *саманный*, *сохатый*, *спозаранок*, *суглинок*, *урман*.

3. Назовите внешние мотиваторы языкового развития, выделенные А. Мейе. Могут ли сдерживать языковое развитие внутрисистемные факторы? Приведите примеры.

4. Как переосмысливается содержание теории лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Ли Уорфа в современном языкознании? Оцените возможность применения данной теории для адекватного решения проблемы соотношения языка и культуры.

5. Какие аспекты взаимодействия языка и общества рассматриваются социолингвистикой, психолингвистикой и этнолингвистикой? Отразите их в интеллектуальной карте (mind-map).

6. Систематизируйте основные представления ведущих отечественных и зарубежных исследователей-когнитивистов о характере связей языка и мышления? Составьте глоссарий терминов, называющих основные формы репрезентации неязыковых знаний в сознании человека (например, *концепт, гештальт, схема, фрейм, образ, понятие* и др.).

7. Определите предмет лингвокультурологии как научного направления. Представьте в опорной схеме отношения между языком и культурой с учетом уровня современных знаний.

8. Какие принципы лежат в основе осмысления понятия «региональная межэтническая общность»? Подберите видеоряд, отражающий социокультурные сходства и различия этносов Урала, сделайте презентацию.

9. Дайте определение понятия «лингвокультурное пространство Урала». Выявите культурологическую семантику 1) слов, называющих: а) части жилища, б) части тела человека и животного, в) предметы быта, орудия хозяйства; 2) фразеологизмов, описывающих чувства человека. Сопоставьте русские наименования с башкирскими / татарскими / чувашскими / марийскими / мордовскими и др.

10. Каковы этапы синхронно-диахронического моделирования отдельных подсистем этносов, языков и создания на их основе единой эволюционной модели? Назовите методы, используемые в ходе изучения историко-культурной зоны Урала.

11. Какова роль социо- и психолингвистических методов и приемов в исследовании историко-культурной зоны Урала? На основе проведения свободного психолингвистического эксперимента и социолингвистического опроса установите достоинства и недостатки этих методов.

12. Перечислите крупнейшие научные центры Урала, работающие в русле лингвокультурологии. Какие проблемы современного языкознания решают ведущие уральские лингвисты? Отразите свои наблюдения в интеллектуальной карте (mind-map).

РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

2.1. Языковая ситуация Республики Башкортостан (реализация полиэтнических отношений в рамках речевой практики индивидов)[6]

Языковые и коммуникативные особенности личности, реализуемые в процессе конкретного вида деятельности, без сомнения, испытывают непосредственное влияние социального окружения индивида. Каждое общество диктует свои правила употребления языковых единиц сообразно ситуации речевого взаимодействия говорящих; в то же время язык, выступая важным компонентом, консолидирующим социум, есть выразитель культуры и менталитета народа. Особое значение при этом приобретает языковая ситуация, формирующаяся в рамках определенного общества.

На территории Республики Башкортостан представители 13 национальностей (башкиры, белорусы, евреи, казахи, латыши, марийцы, мордва, немцы, русские, татары, удмурты, украинцы, чуваши) проживают компактно на протяжении долгих лет, что позволяет им сохранять собственную языковую среду, в отличие от нескольких десятков наций, расселенных дисперсно и не имеющих возможность свободно общаться на своем родном языке. По итогам Всероссийской переписи населения 2002 года национальный состав Башкортостана определен 130 этническими группами, среди которых значительно выделяются по своей численности русские (1490715 человек), башкиры (1221302 человека) и татары (990702 человека, в том числе 4510 кряшен). 24 национальных образования считаются многочисленными, включающими более 500 человек, к ним относятся чуваши – 117317 человек, марийцы – 105829, украинцы – 55249, мордва – 26020, удмурты – 22625, белорусы – 17117, армяне – 8784, немцы – 8250, узбеки – 5145, азербайджанцы – 5026, казахи – 4092, таджики – 2939, евреи – 2367, латыши – 1508, грузины – 1341, вьетнамцы – 1204, чеченцы – 1195, молдаване – 1069, греки – 1038, корейцы – 722, туркмены – 701, цыгане – 684, поляки – 660 и езиды (курды) – 577. Остальные группы немногочисленны, их общее количество составляют 5792 человека (это абхазы, аварцы, арабы, болгары, буряты, гагаузы, даргинцы, ингуши, кабардинцы, калмыки, карачаевцы, карелы, киргизы, китайцы, коми, коми-пермяки, кумыки, курды, лакцы, лезгины, литовцы, осетины, персы, пуштуны, табасараны, турки, уйгуры, финны, эстонцы и другие этносы). Кроме того, 4366 опрошенных не указали свою

---

6 Автор – Ю.С. Фомина. Статья впервые опубликована в сборнике материалов III международной научно-практической конференции 14-15 октября 2010 г. «Политика государственного языка: новый этап и новые задачи». – Уральск: «Агартушы», 2010. – С. 85-88.

национальную принадлежность [25]. Многие представители перечисленных этносов являются носителями родных национальных языков: языком своей нации, согласно переписи населении 2002 года, владеют 74,7% башкир, 83,7% марийцев, 65,3% мордвы, 86,8% татар, 84,4% удмуртов, 35,7% украинцев, 77,6% чувашей[7]. Государственными же языками Республики Башкортостан на всей ее территории выступают башкирский и русский языки: башкирский язык как язык башкирской нации, осуществившей свое право на самоопределение, и русский язык как государственный язык Российской Федерации.

По мнению М.Г. Хайруллиной, в настоящее время языковая ситуация Республики Башкортостан, отличается совершенствованием национальных языков, расширением их общественных функций, с одной стороны, и распространением русского языка в качестве языка межнационального общения, с другой [44, с. 255]. Например, представители русского, башкирского, татарского, чувашского, марийского и удмуртского этносов имеют реальные возможности полноценного овладения родным языком посредством получения среднего образования. Являются предметом изучения дисциплины «Родной язык» в русскоязычных школах Башкортостана армянский, белорусский, латышский, мордовский, немецкий, польский, украинский языки и иврит. На территории республики печатные издания выходят на девяти языках (русском, башкирском, татарском, чувашском, марийском, удмуртском, еврейском, турецком и английском), действует многоязычное радио- и телевещание.

Широкое языковое разнообразие, с точки зрения Т.М. Гарипова, «позволяет досконально себя исследовать особенно успешно с помощью трех наиболее авторитетных в мировой лингвистике классификаций:

---

7 Национальный состав Республики Башкортостан согласно итогам Всероссийской переписи населения 2010 года определен 160 национально-этническими образованиями. (При этом 97572 респондентов не предоставили информацию относительно своей национальной принадлежности.) Многочисленными являются 27 групп: русские – 1 432 906 человек, башкиры – 1 172 287, татары – 1 009 295 (в том числе кряшен – 3 801), чуваши – 107 450, марийцы – 103 658, украинцы – 39 875, удмурты – 21 477, мордва – 20 300, белорусы – 11 680, армяне – 9 407, узбеки – 7 945, немцы – 5 909, азербайджанцы – 5 737, казахи – 4 373, таджики – 4 127, евреи – 1 900, вьетнамцы – 1 337, латыши – 1 117, грузины – 1 045, цыгане – 1 004, чеченцы – 992, молдаване – 872, езиды – 797, туркмены – 783, корейцы – 777, греки – 753 и поляки – 504. Значительная часть представителей названных этносов владеет родными национальными языками наряду с русским – государственным языком Российской Федерации, что также отражено в материалах переписи населения 2010 года. Так, носителями родного языка является 81,4% удмуртов, 73,5% марийцев, владеют 67,7% башкир, 66,7% татар, 64,4% чувашей, 51,2% мордвы, 29,8% украинцев (См.: Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сборник [Текст]. В 2 ч. Ч.2 – Уфа: Башкортостанстат, 2013. – 189с.).

ареально-генетической, структурно-типологической и этносоциологической» [13, с. 68]. Подобным способом может быть описана и этноязыковая модель Республики Башкортостан. Так, в соответствии с ареально-генетической типологией языков мира, отмечает исследователь, в Башкортостане распространено не менее семи языковых семей, включающих множество групп и подгрупп. Согласно второй классификации все индоевропейские языки (включая идиш) относятся к флективному строю с преобладанием синтетизма; для тюркских языков характерны агглютинация и сингармонизм, которые сочетаются с элементами флексии в пределах уральских языков; эргативность в комплексе с номинацией присущи кавказским языкам, а вьетнамский язык близок к корневому, то есть китайскому типу. По словам Т.М. Гарипова, наиболее значительные нововведения для нашего ареала обнаруживаются в третьей классификации, где противопоставлены языки собственно народов Башкортостана (их оказалось 26) и языки национальных диаспор (их около 20); еще до 10 языков выступают как древние, классические либо иностранные, изучаемые в республике (латинский, старославянский, тюрки, руника, сербо-хорватский и эсперанто), а равно и немногие иные [11]. Большинство названных языков имеют статус национально-литературных, исключение составляет цыганский, не имеющий своей письменности. Русский, башкирский, татарский и некоторые другие языки, выступают в роли межнациональных; кроме прочего, русский официально признан международным языком ООН.

Язык, являясь одним из определяющих признаков этноса, испытывает постоянное социальное воздействие. Что касается изменений в области структуры языка, то они обусловлены «необходимостью сделать язык более доступным для изучения и приспособить к условиям действительности с целью обеспечить ему возможность развивать свои общественные функции» [14, с. 69]. Функциональное же развитие языка зависит, в частности, от языковой компетенции, ценностных ориентаций членов общества, особенно важным оказывается владение индивидами языком своего этноса. В этой связи показательны работы исследователей, основанные на изучении особенностей современного функционирования и будущего развития языков, активно взаимодействующих на территории многонациональной Республики Башкортостан. Так, в 2005 году группа лингвистов Башкирского государственного педагогического университета предложила проект «Языковая модель современного Башкортостана: основные тенденции и перспективы развития» (см. Гарипов [12]). В процессе его осуществления в рамках специально разработанной программы был проведен социолингвистический эксперимент в ряде ведущих вузов республики с охватом свыше 1000 респондентов (прежде всего, студентов гуманитарных университетов – классического и педагогического). Эксперимент позволил выявить некоторые особенности

владения тем или иным родным языком, а также одним, реже несколькими неродными. К примеру, из числа опрошенных 69% обозначили в качестве родного русский язык, 16% – башкирский и 15% – татарский. Около половины испытуемых указали, что знают два языка, причем вторым языком выступает русский у 19% участников эксперимента, английский – у 12%, немецкий – у 8%; владение тремя языкам зафиксировано у 8% респондентов. В то же время при установлении степени владения языками многие ответы индивидов носили противоречивый характер: родной язык оказывался в графе «Слабое владение языком», а неродной – напротив, в «Хорошем владении языком». Данный факт, несомненно, вносит существенные коррективы в самооценку респондентов.

Подобное исследование проводилось сотрудниками Центра изучения национальных и языковых отношений АН РБ в 2006 году. Всего было опрошено 598 человек: 185 башкир, 177 русских, 177 татар и 49 представителей другой национальности (см. Гарипова [14]). Исходя из полученных результатов, родным языком признают язык своего этноса 99,4% русских, 88,1% башкир, 88,6% татар. Однако зафиксированные ответы вовсе не доказывают наличие способности владения своим национальным языком у всех испытуемых, хотя о развитости этнического самосознания у большинства опрошенных свидетельствуют такие причины выбора родного языка, как «это язык моих родителей» (указанная 48,6% башкир и 53,1% татар) и «это язык народа, к которому я себя отношу» (поставленная русскими на первое место в 40,3% случаев). Несмотря на то, что для значительного числа респондентов незнание языка своего этноса не является препятствием для признания его родным, существует предположение о возможной потере этническим языком своих коммуникативных функций, и тогда преимущество остается за языком, носителей которого больше.

Башкортостан – многонациональное образование, и в условиях развития национально-языковых отношений среди населения наблюдается активное владение не только одним, но двумя, тремя и более языками, то есть речь идет о билингвизме, трилингвизме и полилингвизме. Названные языковые явления выступают необходимым социальным условием совместного существования народов многонационального государства, вследствие чего, как отмечает К.З. Закирьянов, «решается проблема преодоления языкового барьера при общении разноязычных граждан» и получает дальнейшее развитие проблема урегулирования межнациональных отношений [19, с. 68]. Выделяется несколько типов билингвизма, активно функционирующих на территории республики Башкортостан, главным из которых является национально-русский, основанный на владении родным и русским языками (башкирско-русский, татарско-русский, мордовско-русский, марийско-русский, чувашско-русский, удмуртско-русский). Другие типы билингвизма связаны со

знанием 1) либо двух родственных языков (башкирско-татарский, татарско-чувашский, чувашско-башкирский, русско-украинский) – это гомогенный билингвизм; 2) либо родного языка и языка неродственного ему (татарско-марийский, башкирско-удмуртский), а также 3) родного, чаще русского, и иностранного языков (русско-английский, русско-немецкий, русско-французский), последние два типа представляют собой гетерогенный билингвизм. Необходимо указать и встречающиеся типы полилингвизма: башкирско-татарско-русский, русско-татарско-чувашский, реже башкирско-русско-английский, русско-английско-французский и другие.

Национально-русский билингвизм (впрочем, как и полилингвизм), с точки зрения Л.Л. Аюповой, есть явление неоднородное. Представители нерусских национальностей, овладев русским языком, приобщаются к мировой цивилизации посредством обращения к культуре, искусству, образованию, науке страны в целом, но в то же время непаритетный характер билингвизма приводит к сужению сфер его функционирования и к снижению уровня владения некоторыми этническими языками [2, с. 18]. Изучая проблему взаимодействия русского и родных национальных языков на территории Республики Башкортостан, Т.М. Гарипов считает необходимым говорить не столько о национально-русском, сколько о русско-национальном двуязычии (исследователь полагает, что данные понятия не идентичны и требуют разграничения), так как «в составе билингвистических явлений все ощутимее становится удельный вес русского компонента» [10, с. 37]. Способность башкир, татар, марийцев, удмуртов и представителей других нерусских национальностей говорить на русском языке всегда вызывала одобрение, по этой причине для многих этнических групп типичным стал даже не русско-национальный билингвизм, а русскоязычный монолингвизм.

2.2. Толерантность как субъективный фактор языковой ситуации (на примере Республики Башкортостан)[8]

Языковые ситуации таких многонациональных республик, как, например, Башкортостан, являются чрезвычайно сложным объектом исследования, поскольку лингвистическая реальность здесь складывается под влиянием огромного числа факторов: политических, экономических, социальных, исторических, культурных, религиозных, семейно-бытовых и др. С одной стороны, подобные, многомерные, языковые ситуации – это результат естественного функционирования ряда языков и культур большого числа народов, проживающих на данной территории, с другой –

8 Автор – Е.Е. Хазимуллина, в количественной обработке материала принимала участие Ю.С. Фомина. Материалы впервые опубликованы в журнале «Вопросы филологии», № 2 (23) / Изд-во ИИЯ, РАЛН, Института языкознания РАН. – М., 2006. – С. 19-23.

целенаправленного языкового планирования и строительства. Изучать, а тем более прогнозировать развитие активно взаимодействующих, обусловленных самыми разнообразными объективными и субъективными факторами, языков крайне сложно и совершенно немыслимо без широкой экспериментальной базы – во избежание искажения действительного положения вещей. Вместе с тем постоянный мониторинг языковых ситуаций полиэтнических регионов, безусловно, необходим не только для решения научных задач, но и, что еще важнее, для оптимизации межнациональных отношений, предупреждения конфликтов и формирования толерантного общества.

По результатам переписи 2002 г. в Башкортостане проживает 4 104 336 человек. Русские составляют 1 490 715 чел. (36,3%), башкиры – 1 221 302 чел. (29,8%), татары – 990 702 (24,1%), представители других национальностей – 401 619 (9,8%); 4 366 человек не указали свою национальность [25, с. 4]. С одной стороны, многовековой опыт взаимодействия более чем ста этносов Башкирии является «важнейшим залогом этнополитической стабильности Башкортостана» [21, с. 9]. С другой стороны, правительством республики целенаправленно создается законодательная база, обеспечивающая права граждан на определение своей национальной принадлежности, использование родного языка, выбор языка общения и языка обучения, свободу совести и вероисповедания. В частности, это Законы «О языках народов Республики Башкортостан», «О национально-культурных объединениях граждан в Республике Башкортостан», «О свободе совести и религиозных объединениях в Республике Башкортостан». Действуют также государственные программы «Сохранение, изучение и развитие языков народов Башкортостана на 2000-2005 годы», «Народы Башкортостана», «Программа по изучению, возрождению и развитию фольклора народов Республики Башкортостан». Существующие в республике национально-культурные объединения регулируют внутриэтнические процессы и выполняют функции «посредников» в диалоге между государством и этническими сообществами» [21, с. 11].

Важнейшим условием удовлетворения социальных и коммуникативных потребностей самых многочисленных народов данного региона являются СМИ: газеты в Республике Башкортостан выходят на 9 языках (русском, башкирском, татарском, чувашском, марийском, удмуртском, турецком, английском и еврейском); телепередачи – на русском, башкирском, татарском и чувашском языках. В школах изучается 14 родных языков: русский, башкирский, татарский, чувашский, марийский, удмуртский – это языки обучения, а мордовский, украинский, немецкий, латышский, белорусский, еврейский, польский и армянский языки изучаются как школьный предмет [28, с. 27]. Русский, башкирский и татарский являются также языками обучения в среднеспециальных и

высших учебных заведениях. Воспитание в дошкольных образовательных учреждениях республики осуществляется на башкирском, русском, татарском, чувашском, марийском, удмуртском, украинском и мордовском языках. Все эти социально-политические факторы в известной мере способствуют сохранению культурного богатства республики и неизбежно обусловливают специфику языковой ситуации многонационального региона.

Два языка – русский и башкирский – на территории Башкортостана имеют статус государственных, татарский же – язык значительной части ее населения, представленный практически во всех сферах деятельности общества, – таким статусом не обладает и является официальным. Языковая политика, проводимая правительством республики, направлена на создание благоприятных условий функционирования прежде всего государственных языков, а также языков компактно проживающих этносов. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, не удается обеспечить равномерное развитие всех языков Башкортостана. Это связано как с юридическим статусом каждого конкретного языка, с численностью и компактностью проживания его носителей, так и с субъективными устремлениями говорящих, обусловленными принципами конформизма, большинства, статусом родного языка в сознании индивида, его отношением к неродным языкам, их престижностью и др.

Выявлению подобных объективных и субъективных факторов, влияющих на развитие языковой ситуации, в значительной мере способствует применение социолингвистических и психолингвистических методов исследования. Так, например, благодаря серии ассоциативных экспериментов, а также многочисленных опросов, творческих заданий, наблюдений нам удалось обнаружить некоторые типы толерантности, основанные на отношении индивидов к родному и неродным языкам, управляющие межкультурной коммуникацией и определяющие языковую ситуацию Башкортостана в целом (максимально полное описание иных факторов языковой ситуации Башкортостана представлено в монографии [3]).

Известно, что специфика межкультурной коммуникации обусловлена различиями этнокультурных ценностей, норм, стереотипов мышления и восприятия участников акта общения. С нашей точки зрения, статус родного языка в индивидуальном сознании человека также является особым фактором, мотивирующим речевую деятельность представителей разных национальностей, независимо от их возраста, особенно на этапе установления первичного контакта.

Несмотря на неопределенность понятия «родной язык» в социолингвистике, практически каждый из опрошенных нами (это более 1000 студентов различных факультетов, курсов Башгоспедуниверситета и Башгосуниверситета, а также взрослой части населения республики)

подразумевает под ним либо язык собственной мысли, либо язык той нации, к которой индивид себя причисляет. Наш материал не показал ни единого случая негативного отношения к родному этническому языку; даже если человек не владеет языком своей нации, он продолжает относиться к нему с любовью, уважением, трепетом, так как этнический язык связан в его сознании с родителями, детством, родиной, национальными традициями и культурой. Зачастую в данном случае индивид с уважением относится и к тем людям, которые используют в общении свой родной, этнический, язык.

Сложность, неоднозначность, даже противоречивость языкового сознания билингвов и полилингвов Башкортостана иллюстрируют, например, следующие высказывания: «Я считаю своим родным языком башкирский, хотя и общаюсь на русском» (студ. фак.-та баш.-рус. филологии 5 курса); «По национальности я татарка, но думаю я на русском языке… в то же время что-то мне мешает назвать русский язык родным, ведь я не считаю себя русской» (студ. фил. фак. 4 курса) и т. п. Фактически мышление таких людей осуществляется в большей степени с помощью русского языка, но родным они продолжают считать свой этнический язык.

В целом многоязычная, многонациональная среда способствует терпимому отношению к «чужой» речи – «во избежание конфликтов», «ради мирного сосуществования». Толерантность – это реальная категория языкового сознания жителей Башкортостана. Реальная, но отнюдь не однородная. Различные типы толерантности, обусловленные соотношением статуса родных и неродных языков, управляют речевой деятельностью говорящих. Почти идеальной с точки зрения эффективности коммуникации является *положительная толерантность*, основанная на признании уникальности всех языков мира, восторженном отношении к неродным языкам и жажде их изучения. По нашим наблюдениям, данный тип толерантности присущ, как правило, людям, владеющим в той или иной степени двумя, тремя и более языками.

Компромиссная толерантность является самой распространенной в Башкирии формой терпимого отношения к «чужим» языкам и культурам: «Я отношусь к чужим языкам с интересом и хочу, чтобы и к моему языку относились с уважением»; и, напротив, «Если мы хотим, чтобы уважали наш родной язык и культуру, то мы, прежде всего, должны научиться уважать язык и культуру других народов».

Наконец, *избирательная толерантность* представляет собой потенциальный фактор конфликтной коммуникации, так как она основана на неодинаковом отношении индивида к различным неродным языкам. Показательны в этом плане следующие высказывания наших респондентов: «я знаю, что нужно быть терпимой ко всем языкам, но иногда человеку очень трудно сдерживать себя»; «я даже замечаю в себе более приязненное отношение к носителям русского языка, будь они люди

любой национальности»; «татарский, по симпатии к языку, стоит у меня на последнем месте»; «Мой родной язык – татарский. Также мне нравятся другие языки: русский, немецкий… Не нравится башкирский. Не всегда понимаю, что они говорят»; «я импонирую английскому, который завоевал титул мирового»; «совсем для меня чужим я считаю английский язык»; «очень нравится французская речь, а вот немецкий язык не очень нравится»; «иногда возникает негативное отношение к языкам, которые навязывают» и т. п. Можно с уверенностью утверждать, что в данном случае в сознании людей существует некая «иерархия» родных и неродных языков, которой они руководствуются в общении.

Выделение названных типов языковой толерантности хорошо согласуется с данными, полученными нами в ходе свободного ассоциативного эксперимента. На слово-стимул ***«башкирский»*** студентами были даны следующие реакции: *все родное, близкое; родной; язык, на котором я общаюсь дома; не нравится; непонятный; некрасивый язык; совершенно чужой и дурацкий; башкирский язык меня просто бесит.* ***«Татарский»*** вызывает большее количество весьма разнообразных реакций: *интересный, желанный, но недостижимый язык; родной язык; мой любимый родной язык; мой язык; близкий; самый ясный, родной, знакомый с детства; язык родителей; хороший язык; лучше, чем башкирский; похожее на башкирский; красивый язык / речь; некрасивый язык; шумный; острый язык; писклявый голос; болтовня; невнятица; акцент (прикольный, мягкий); акцент, который иногда у меня бывает.* Слово-стимул ***«русский»*** вызывает реакции *великий и могучий; всемирный; самый родной и лучший; самый прекрасный язык; преклонение перед этим языком; самый удобный, легкий для понимания; язык, на котором я говорю; что-то родное, т. к. я говорю на русском; наш; свой, но неродной; второй по родству.*

Выбор языка общения в каждом конкретном акте коммуникации в полиэтнической среде во многом определяется отношением говорящего к своему родному, а также к другим, неродным, языкам, особенно на этапе установления первичного контакта. Нередко можно услышать фразы-реакции на «чужую» речь типа «Понаехали из аулов! По-русски ни слова сказать не могут!» или «А-а-а, урус малай / kызым…» («русский парень / девушка» – с интонацией снисходительности). По многочисленным замечаниям наших респондентов, после такого «приветствия» всегда остается неприятный осадок, который, на наш взгляд, может способствовать формированию стереотипа негативного восприятия «чужого» как ответной (цепной) реакции.

Думается, что при прогнозе дальнейшего развития языковой ситуации республики, а также при планировании политических мер не стоит игнорировать подобные данные, поскольку свободный (ненаправленный) ассоциативный эксперимент, по мнению ряда

исследователей, способен актуализировать не только контролируемые сознанием, но и бессознательные, скрытые или скрываемые элементы психики людей. Учесть следует и то, что негативные реакции на неродные языки были получены даже от образованной молодежи (студентов старших курсов университетов) и людей среднего возраста – одной из самых важных составляющих интеллектуальных, нравственных и политических ресурсов данного региона.

Естественным следствием активных межкультурных и межнациональных контактов в республике являются двуязычие (в основном национально-русское) и многоязычие, которые, к сожалению, далеко не всегда можно рассматривать как положительный факт. Отмеченное выше несовпадение этнической самоидентификации и родного языка как главного средства мышления индивида свидетельствует об ассимилятивных процессах. Другой объективный их показатель – постепенное смешение не только одноструктурных, но и разноструктурных языков, например башкирского и русского, в речи билингвов и полилингвов. Подобные конструкции являются достаточно типичными: *Мин бит* ***тебе сказала*** *(Я же тебе сказала); Һин* ***где****? (Ты где?); Мин* ***тебя люблю*** или ***Я тебя*** *яратам (Я тебя люблю);* ***Он сегодня звонить*** *итте (звонил); Мине шулай* ***охота что-нибудь сделать*** *(Мне так охота…); Ышанмаһан ышанма,* ***дело твое*** *(Верь-не верь…);* ***Быстрей*** *югер (беги);* ***Я сегодня*** *иланым (плакала);* ***Кто там вчера*** *уйнаны? (играл); Бында инде* ***будь добр*** *(И вот здесь уж…); Һин (ты)* ***за все ответишь.*** Наглядной иллюстрацией такого положения вещей могут служить высказывания студентов: «В регионе, где я живу, нет четкой границы между родным и русским языком. Родным мы можем считать и русский… В семье мы общаемся на башкирском языке, хотя многие слова заменены русскими. Точного перевода этих слов почти никто не знает» (студ. фак.-та баш.-рус. филологии 5 курса); «Да, очень трудно, когда в семье у тебя несколько языков. Например, у моих родителей родной язык татарский. Получается, что у нас разные родные языки, хотя мы одна семья и стараемся разговаривать на одном языке. Получается русско-татарский язык» (студ. фак.-та физической культуры 1 курса).

Конечно, и в русский язык, функционирующий на данной территории, проникают тюркизмы (см., исследования Т.М. Гарипова, Л.Л. Аюповой, К.З. Закирьянова, А.П. Майорова и др.). Например, в речи современной молодежи можно встретить шутливые употребления: – *Как* ***халяр****?* (*хәлдәр* – дела) или – ***Рахмат*** *тебе большой!* (*рәхмәт* – спасибо); – *А мне* ***барыбер****!* (*барыбер* – все равно). Весьма любопытным феноменом сознания жителей Башкирии (кстати, не только билингвов, полилингвов, но и русскоязычных монолингвов) являются межъязыковые парадигмы, выявленные нами с помощью психолингвистического эксперимента, например: *ярар – әйбәт – булһын – ладно – хорошо – о’к – все о’кей – all*

right; Россия – Русь – Russia; русский – Russian; йорт – дом (юрта, изба, хижина, хата, чум) – home – house; китап – книга – book; издательство «Китаптар» – издательство das Buch; барыбер – бирбар – до лампочки – по барабану – пофиг – по фене – (на)плевать; девушка – апайка – герла и др. Таким образом, поликультурная и полиязыковая среда исследуемого региона способствует развитию более широкого лингвистического кругозора говорящих. Подобные парадигмы – это своеобразное проявление «социолингвистической нормы», о которой пишет В.Ю. Михальченко [29, с. 40].

Экспериментальные методы исследования показывают, что, с одной стороны, сохранению малых этнических языков способствуют адекватные меры языковой политики, некоторые особые задачи коммуникации (например, дифференциация «своих» и «чужих»), сознательная любовь говорящих к родному языку: «Бессмертие народа – в его языке, поэтому я дорожу своим башкирским языком» (студ. фак.-та баш.-рус. филологии 5 курса); «Неродной язык никогда не станет для меня более значимым, чем родной» (студ. отделения тат.-рус. фил. 4 курса). Неслучайно «сохранение нации» в сознании студентов-билингвов и полилингвов занимает 10 место в иерархии ценностей после здоровья, семьи, образования и др., тогда как в сознании русскоязычных монолингвов – 14-19.

С другой стороны, доминирующая роль русского языка обусловливается рядом объективных причин: в полиэтническом обществе он выполняет функцию средства межнационального общения (это важно не только для межэтнических браков, совместной социальной деятельности, молодым людям, по их собственным замечаниям, интересны иные культуры, способы познания мира и мышления). Многие сознательно выбирают русский как основной язык общения (что и приводит к постепенному забвению этнического языка), поскольку считают, что он, как и английский, способен дать им возможность реализовать себя в профессиональной сфере. Некоторые говорящие отмечают, что часто малым этническим языкам не хватает внутренних ресурсов для выражения мыслей и чувств современного человека: *«По национальности я татарка. Я очень люблю разговаривать на татарском, стараюсь еще лучше освоить его. Но иногда получается так, что свою мысль я не могу высказать на татарском, говорю на русском»* (студ. отделения тат.-рус. фил. 4 курса); ср. также: *«Хотя я пишу и думаю по-башкирски, русский язык для меня существует как эталон. Иногда незаметно, подсознательно проверяю какое-нибудь слово по-русски. Когда обращаешься к русской речи, она помогает глубже понять тайны родного языка. Можно представить себе на минуту, что мы лишились бы вдруг знания русского языка. Насколько оскудел бы наш внутренний мир!»* (студ. фак.-та баш.-рус. филологии 5курса).

Такой объективно положительный фактор, как толерантность, как это

ни парадоксально, тоже приводит к постепенному отказу от родного этнического языка (если все языки равны, а русский к тому же «великий» и «могучий», «перспективный», практичнее использовать именно его). Вместе с тем некоторые меры проводимой языковой политики, направленные на поддержание жизнеспособности башкирского языка, способствуют формированию стереотипов негативного отношения граждан к нему как к неродному и «навязываемому»: *«Мне одно не нравится в Башкортостане: как бы родным считается башкирский и во всех школах изучается башкирский язык…»* (студ. отделения тат.-рус. филологии 4 курса); *«Оказывается, если мы живем в Башкирии, значит, мы башкиры и должны говорить на башкирском языке»* (студ. тат.-рус. филологии 4 курса); *«В последнее время татарский язык вытесняется башкирским»* (студ. фак.-та тат.-рус. филологии 4 курса). Об этом свидетельствуют и данные статистики: если в 1994-1995 учебном году башкирский язык в школах республики изучали 27 180 школьников небашкирской национальности, то в 1997-1998 г. их число составило 105 789 [28]. Увеличение количества часов обязательного изучения башкирского языка в школе ведет к постепенной утрате других этнических языков, что вызывает справедливый протест представителей небашкирской национальности, в том числе и в виде неприятия «чужих» языков в каждом конкретном акте общения, – предпочтение в этом случае также отдается русскому языку.

Наконец, не последнюю роль играет так называемый фактор большинства: количество отказов постепенно переходит в «качество» языковой реальности. Такой, весьма неоднозначной, предстает социолингвистическая ситуация в Башкортостане благодаря экспериментальным методам исследования. Учитывая объективные противоборствующие тенденции, а также факторы, потенциально способные дестабилизировать обстановку (например, категорическое неприятие говорящими неродных языков), в дальнейшем, на наш взгляд, следует целенаправленно гармонизировать развитие языковой ситуации, межъязыковых и межэтнических отношений с помощью дополнительных разумных политических и образовательно-просветительских мер.

2.3. О двух вариантах компенсации асимметрии языковой и когнитивной картин мира в условиях полилингвизма[9]

Вот уже более двухсот лет проблемы взаимодействия и взаимовлияния языков находятся в поле зрения лингвистов. В процессе формирования сравнительно-исторического, типологического, теоретического языкознания, а также ареальной лингвистики и

9 Автор – Е.Е. Хазимуллина, в сборе языкового материала для данного исследования принимали участие также Ю.С. Фомина и Р.Ф. Каримов. Материалы впервые опубликованы в журнале «Мир русского слова». – 2009. – №3. – С.14-19.

современной социолингвистики постепенно выкристаллизовывалось научное знание о причинах, условиях, т. е. экстра- и интралингвистических мотиваторах, языковых контактов, их характере, интенсивности, вариативности и разнообразных следствиях, о способности одного языка изменяться под воздействием другого – в трудах В. фон Гумбольдта, А. Шлейхера, Г. Шухардта, И. Шмидта, М. Бартоли, Дж. Бертони, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А. Мейе, Е.Д. Поливанова, В.В. Виноградова, Л.В. Щербы, Л.Б. Никольского, Р.Т. Белла, Ф.К. Бока, Г.В. Степанова, В.Д. Бондалетова, Ю.Д. Дешериева, А.Д. Швейцера, А.С. Герда, В.Ю. Михальченко, М.И. Исаева, В.М. Алпатова и др. ученых. Теперь это знание позволяет достаточно точно прогнозировать развитие конкретных языковых ситуаций, во многом благодаря тому, что открытость лингвистики влиянию смежных гуманитарных и естественнонаучных дисциплин наделяет ее существенно большей объяснительной силой. В данном исследовании взаимодействие языков осмысляется сквозь призму задач и терминологического аппарата когнитивной лингвистики, в частности рассматриваются социальные, психологические и собственно лингвистические факторы вариантного формирования языковых картин мира вследствие потребности говорящих погасить «когнитивный конфликт» в процессе межкультурной коммуникации полилингвального региона (на примере Республики Башкортостан).

Поликультурная и полиязыковая среда способствует формированию в сознании большинства граждан стран СНГ сложных когнитивных пространств, характеризующихся конфигурацией гетерогенных элементов и моделей познания. «Этнокультурносинкретичные» картины мира складываются в результате активного социально-политического, экономического, культурного и бытового взаимодействия различных народов – естественным образом (при условии толерантности), а также под влиянием регулирующей деятельности государств (проводимой национальной, языковой политики, идеологических, образовательных и др. мер). Поскольку темпы языкового развития не могут быть такими же бурными, как и процессы мировой интеграции, асимметрия между языковой картиной мира конкретного этноса и его все расширяющимся и углубляющимся когнитивным пространством представляется вполне мотивированной.

В стремлении адекватно выражать свои мысли, во избежание неудач в межкультурной коммуникации говорящие вынуждены компенсировать подобную асимметрию тремя традиционными способами: 1) созданием новых единиц, называющих релевантные элементы синкретичных когнитивных пространств, путем комбинации наличных ресурсов родного языка; 2) заимствованием наиболее пригодных средств контактирующих языков; 3) контаминацией элементов разных, в том числе разноструктурных, языков. Как известно, все эти процессы могут быть

стихийными, бессознательными или же целенаправленными, осознанными; они могут приводить к положительным и к некоторым негативным последствиям. Например, неудачная номинация с помощью ресурсов родного языка может отвергаться говорящими и усиливать тенденции заимствования иноязычных элементов; с другой стороны, массовые разноуровневые заимствования чреваты языковой ассимиляцией и смешением языков. Не случайно явления интерференции, трансференции, калькирования, варваризации и пуризма характеризуются не только научной, но и непреходящей общественной значимостью (ср., например, античные учения о «порче» языка, дискуссии славянофилов и западников, а также пуристскую просветительскую и речетворческую деятельность нашего современника – М. Эпштейна и его последователей).

Приспосабливаясь к различным условиям функционирования во множестве регионов Российской Федерации, русский язык как средство межнационального общения, не разрушая своего тождества, варьируется, принимая элементы иных языков, тесно взаимодействующих с ним в общем коммуникативном и социокультурном пространстве. Так, на территории Республики Башкортостан в ситуации естественного полиязычия складывается особый региолект (региональный вариант русского языка; ср. [15, с. 13]), используемый русскоязычными монолингвами в устном общении с носителями башкирского, татарского и др. языков. Означивание адаптированных сознанием говорящих элементов тюркской культуры в данном региолекте закономерно осуществляется с помощью тюркской лексики: заимствуются наименования географических и уникальных социальных объектов, предметов быта (блюд, напитков, одежды, утвари и т. п.), животных, рыб, растений, видов местности, явлений культурной жизни тюрок (их религиозных верований, обрядов, традиций, родственных, общественных отношений) – в основном существительные. Так, в различные периоды истории русским языком были освоены следующие тюркизмы: *айда, аркан, бай, байрам, барс, башка, башлык, беркут, буран, бурундук, деньги, кабан, кайма, карагач, каракули, каракуль, карандаш, колпак, колчан, кумач, кумыс, курган, куркуль, кушак, лошадь, майдан, медресе, сундук, табун, тюбетейка, тюк, тюрьма, тюфяк, юрта, яшма*; *(не смыслит / не понимает) ни бельмеса*, ср. тат. *белмәстән* ‘не зная; вслепую’), *баш на баш, кирдык башка* и др. Процесс адаптации подобных наименований не только русским региолектом Башкирии, но и всем русским языком продолжался в течение нескольких веков, поэтому их «иноязычность» практически не осознается говорящими. К «недоосвоенным» тюркизмам, также компенсирующим асимметрию языковой и когнитивной картин мира, относятся этнографизмы, называющие специфические явления жизни тюркоязычных народов, «иноязычные вкрапления» и относительно поздние заимствования: *батыр, мулла, имам, хаер, ураза-байрам, никах, курултай,*

кунак, Кыш бабай, айран, корот, каймак, буза, самса, кыстыбый, баурсак, бешбармак, кумган, аптарган / аптраган и т. п. Наиболее широкий список тюркизмов русского языка, включающий региональные и диалектные наименования, содержит известный словарь Е.Н. Шиповой [46] (см. также труды Н.А. Баскакова, Н.К. Дмитриева, И.Г. Добродомова, Э.М. Ахунзянова, В.Д. Аракина, Г.С. Амирова и др. исследователей).

В состав русского регионолекта Башкорстостана закономерно входят и уникальные имена собственные, активно употребляемые населением республики: *«Акбузат»* (название ипподрома в г. Уфе), *Юрюзань* (торговый центр г. Уфы и разговорное название микрорайона, в котором находится этот торговый центр), *Шакша* (микрорайон г. Уфы), *«Ашхана»* (столовые, бистро), *«Айташ»* (супермаркет г. Уфы), *«Ханум»* (ресторан в г. Уфе), *«Алтын-тау»* (казино), *«Тамыр»* (детская киностудия Башкортостана), *«Юлдаш», «Шарк»* (радиоканалы Башкортостана), *«Кургазак»* (название минеральной воды), *«Шайтаночка»* (марка водки), *«Зифа»* (наименование стирального порошка), *«Шихан»* (сорт пива), *«Уныш», «Темле»* (наименования сортов хлеба) и др. В речи можно встретить следующие их реализации: – *Ты где живешь? – На Юрюзани; – Сегодня в «Айташ» зайдем?; – Давай по «Шихану» приколемся; – Купи «Темле», он вкусный.*

Все эти единицы встраиваются в ментальность носителей русского языка, вживляя в нее образы тюркской культуры, ее онтологии и гносеологии. Они входят в различные языковые поля, наделяются определенным статусом, значимостью, становятся способными к семантическому и формальному деривационному развитию, обогащая русский язык интригой лексической конкуренции. Вторичные значения образуют, например, заимствования *калым* – лит. ‘выкуп за невесту’, разг. ‘подработка’ (конкурирует с разг. *шабашка*, образованным на базе др.-евр. *шабаш*); *карга* – диал. ‘ворона’, диал., лит. ‘злая старая женщина’ (синонимы – исконные слова *ведьма, Баба-яга* и др.); *кабан* – лит. ‘свинья’, разг. ‘крепко сложенный мужчина’ (ср. рус. *здоровяк*), жарг. *кабан* ‘600-й Мерседес’ (ср. жарг. *мерс, мерин*); *курултай* – лит. ‘Госсобрание Республики Башкортостан’, жарг. ‘большая толпа, тусовка’ (ср. жарг. *тусовка, тусняк*); *урман* – диал. ‘густой лес’, жарг. ‘общежитие техникума лесного хозяйства’ (конкурирует с жарг. *лесники*, употребляющимся в том же значении). Прилагательные, наречия и глаголы чаще образуются на базе заимствованных существительных с помощью средств русского языка: разг. *закадычный* ‘надежный’, диал. *каймачный* ‘с каймаком, на каймаке’, лит.-разг. *саманный* ‘сделанный из самана (строительный материал, изготовленный из соломы, навоза и глины)’, разг. *аллаяровский* ‘деревенский’, жарг. *по-аллаяровски* ‘по-деревенски’, жарг. *по-айбатовски* ‘хорошо’, разг. *калымить* ‘подрабатывать’, разг. *калымщик* ‘тот, кто калымит’, диал. *уразничать* ‘есть в ночное время’, разг. *табуниться*

‘собираться толпой, держаться группой’. От тюркского прилагательного *якши* ‘хороший’ образуется разговорный глагол *якшаться* ‘быть в хороших отношениях с кем-либо’ → ‘дружить, знаться (с кем-либо)’.

Русскими монолингвами, в целях установления контактов с тюркоязычным населением, часто используются, в основном шутливые (или ироничные), фразы типа *Как халляр / Как халляр-малляр?; Аллабирса хорошо / Дела идут Аллабирса хорошо; Полный кирдык!; Рахмат тебе большой!; А мне барыбер!; Какая красивая кызымка!; Ну, девушка просто зур матур!; Так, кызымка, много не шали!; А что, азык-тулек уже закрыли?; У тебя деньги бар или юк?; Пойдем сегодня в китапхану?;* междометные высказывания: *Уф / Ай, Алла!; Екарны бабай!;* диффузные, «игровые» наименования – *шурум-бурум, фалян-туган, бера-бара;* дублетные: *чайхана, китапхана, кунакхана, нанайка, картатайка, малайка, кызларки* и т. п. Очевидно, что «гетерогенные социально-коммуникативные системы», по терминологии А.Д. Швейцера [45], неизбежно включают в себя «символьные» единицы [26], сигнализирующие о принадлежности говорящего к данной многонациональной общности.

Все эти примеры свидетельствуют о том, что доля тюркизмов в исследуемом регионе гораздо весомее по сравнению с вариантами русского языка, бытующими, например, в центральной части России, не подверженной столь активному влиянию тюрок. Многие из подобных единиц нашли свое отражение в словарях, составленных лингвистами Башкортостана (см. [1], [39], а также работы Т.М. Гарипова, К.З. Закирьянова, А.П. Майорова и др.). Основной путь заимствования тюркизмов в русский регионе Башкортостана – прямое, активное общение с тюркоязычными билингвами и полилингвами. Важнейшее условие этих процессов – толерантное в целом отношение русского населения к языкам и культурам других народов республики (о различных типах толерантности в изучаемом регионе см. [43]). Таким образом в некоторой степени выравнивается соотношение неязыкового содержания мышления русских, обусловленного инокультурным влиянием, и их родного языка; при этом объем заимствованных тюркских элементов (около 4 % относительно общего числа заимствований из других языков), с нашей точки зрения, не может дестабилизировать данную языковую систему. Однако, с учетом введения с 2006 г. обязательного изучения башкирского языка во всех образовательных учреждениях республики, тенденции заимствования тюркизмов в русский регионе будут сохраняться.

Более значительному воздействию со стороны русского языка как средства межнационального общения подвержены тюркские и другие языки республики. Преобладающее в Башкортостане русско-национальное двуязычие в силу влияния ряда экстра- и интралингвистических факторов,

в том числе «конфликта когнитивных систем», имеет тенденцию к трансформации в «смешанный языком с двумя терминами». Наглядной иллюстрацией данного феномена могут служить, например, всевозможные комбинации гетерогенных, свободно варьирующихся репрезентантов семантической модели «я люблю тебя»: *Мин һине люблю; Мин тебя люблю; Мин тебя яратам; Я тебя яратам; Мин һине любить итәм.* По замечаниям наших респондентов, в своей речи они используют некий «русско-башкирский язык», однако этот процесс чаще всего не является осознанным. Включение иноязычных элементов в родную или же, напротив, неродную речь билингвов и полилингвов может составлять 50% (при средней длине фразы – 4-8 слов), например*: Бөҙгә кисә, что задавали?; Һин ҡасан приедешь домой?; У вас бармы соленый балыҡ?; Я сегодня апайға звонить иттем; На второй парте мин ултырам; Надоело уже уҡырға ла уҡырға; Миңә шулай охота что-нибудь сделать; Он на утреннике сфотографировался Ҡыш бабай менән. Завтра у нас лекция буламы әллә практический дәрес?; Ну да, сегодня же теплый йәйге көн һымаҡ; Ты почему вчера ночью бөҙҙең ишеккә шаҡылдап йөрөнөң?*

Русская лексика в данном случае используется наряду со средствами родного (этнического) языка для обозначения элементов единого семантического ряда. И здесь имеет место не только «когнитивный конфликт», т. к. часто русскими замещаются башкирские наименования действий и состояний (*пойдем, поедешь, привезти, смотреть, гулять, кончиться, слушаться, опоздать, напугать, проспала, учиться, звонить, отстань, давай, (не) забывай, (не) ожидала, понял, виноват, (не) готова*), предметов и явлений (*комната, книга, картина, суп, кольцо, деревня, магазин, утренник, воздух, пример, дело, настроение*), степени уверенности / неуверенности говорящего в происходящем (*наверное, конечно, вряд ли, вроде, неужели*), логические операторы речи (*вообще, вообще-то, значит, тоже, даже, потому что, но, все-таки, если…то*), этикетные формулы (*пожалуйста, извини*). Приходится констатировать, что это общеупотребительная лексика, имеющая аналоги в башкирском языке. Частотны также русские слова со стилистической окраской разговорности и-или эмоциональности: *книжка, спичка, елка, елочка, звездочка, солнышко, окно (перен.)* ‘временной промежуток между занятиями’; слова-паразиты, характерные для современной русской речи: *короче, блин, значит* и т. п.

Реже замещаются башкирские наименования лиц по родству (*инәй, ҡыҙым, улым, апай, атай*), местоимения (*мин, миңә, минән, һин, һиңә, беҙ, беҙгә, үҙем*), наречия (*тиҙ* «быстро», *тиҙерәк* «быстрее», *һәйбәт* «хорошо, замечательно», *һыуыҡ* «холодно», *барыбер* «безразлично», *ҡасан* «когда», *бер ҡасан да* «никогда», *иртә* «рано», *кисә* «вчера», *бөгөн* «сегодня», *иртәгә* «завтра», *ҡайҙа* «куда, где», *ҡайҙан* «откуда», *шунан*

«оттуда») и числительные (*бер* «один», *ике* «два», *биш* «пять»). По-видимому, все эти единицы входят в состав базового уровня категоризации башкирского языка. Не поддаются субституции и «культуроносные» наименования, выполняющие, по определению В.А. Аврорина, магическую функцию, типа *Аллаға шөкөр*, *Алла бирһә*. Воспроизводятся в готовом виде или же контаминируются устойчивые сочетания обоих языков: ***Надоело уже уҡырға ла уҡырға***; *Он на утреннике сфотографировался* ***Ҡыш бабай*** *менән; Где будешь встречать* ***Яңы йыл****?; Мы вчера* ***День учителя*** *байрам итеп; Тышты шундай* ***свежий воздух****; Бында инде* ***будь добр****;* ***Ышанмаһан ышанма дело твое*** (ср., однако: *Одна нога здесь, икенсеһе там*).

Смешение языков проявляется и в парадоксальных, но достаточно активных процессах образования «новых» слов по моделям русского языка типа *ҡыҙым-**к**-а, нәҙек-**ск**-ий,* ***на****-примерға, алты-**к**-а, яндыр-**галк**-а, йонд-**ызд-очк**-а* и т. п. Данные наименования получают русифицированное же морфологическое оформление. Особый интерес представляют типичные для речи билингвов и полилингвов трансформации способов выражения грамматических значений: 1) аналитические формы глагола, в которых основное и / или дополнительное действие называется с помощью русского инфинитива: *Он сегодня* ***звонить итте*** («звонил»)*; Мин һине* ***любить итәм*** («люблю»); ***Әйҙәгеҙ*** *тышта* ***гулять итеп киләйек*** («давайте гулять пойдем», ср. ***киләбеҙ****); Иртәгә* ***опоздать итеп киләм*** («приду с опозданием»); *Ты мне* ***һөйләшергә мешать итмә*** («разговаривать не мешай»); 2) синтетические «башкирско-русские» формы: *Ты что на меня так ҡарайыш?* («смотришь» – *ҡарайһың*).

Влияние русского языка на башкирский прослеживается также в области фонетики (приближается к русскому произношение специфических гласных [ә], [ө] и согласных [h], [ҙ], [ҫ], [ҡ], [ң] башкирского языка, особенно в ускоренном потоке речи, что находит отражение в письменной речи наших респондентов). Частично русифицируется и синтаксис, в частности, нарушается порядок слов, частей сложноподчиненного предложения: *Короче, һин хеҙер баҙарға*; *Позвони мне иртәгә*; *Ҡайҙа ни смотри, везде студенттар*; *Мин уйлайым, что ул виноват; Мин бит тебе сказала, что бөгөн не пойду; Если беҙ сессия бирә алмаһаҡ, то беҙҙе университеттан отчислять итәләр.*

Результаты проведенных нами психолингвистических экспериментов позволяют судить о наличии особых, межъязыковых, парадигм, характеризующих сознание билингвов и полилингвов: *ярар – әйбәт – булһын – ладно – хорошо – о'к – all right; йорт – дом (юрта, изба, хижина, хата, чум) – home, house; китап – книга – book; барыбер – бирбар – все равно – до лампочки – по барабану – пофиг – по фене – наплевать* и т. п. Элементы подобных парадигм характеризуются свободной

взаимозаменяемостью в речи; основным фактором, регламентирующим их реализацию, по нашим наблюдениям, является сфера или ситуация общения. Это и есть «термины смешанного языка», о которых писал Л.В. Щерба [47; 48]. Более тесной связью в данных парадигмах и частотностью употребления в речи характеризуются, конечно, башкирские и русские наименования.

Таким образом, в процесс взаимодействия оказываются вовлеченными все уровни башкирского языка. Приведенные факты имеют как социокультурное обоснование (высокая языковая плотность, межэтнические браки, урбанизация, влияние прагматизма на статус родного языка в сознании индивида, толерантное отношение к неродным языкам etc.), так и собственно лингвистическое: действие универсальной тенденции к экономии средств выражения мыслей говорящего (по мнению наших респондентов, фонетика русского языка «проще», морфемная структура слов более емка, слова короче), полифункциональность русского языка и слабое знание билингвов взаимодействующих языков, особенно их литературных вариантов. Третьим мощным фактором влияния на башкирский язык становится достаточно проработанная категоризация современной действительности средствами русского языка (в том числе с помощью единиц иноязычного происхождения), фиксирующего не только бытовую, мифологическую, религиозную, философскую, художественно-поэтическую, но и научную картины мира. Как справедливо отмечает В.Ю. Михальченко, «двуязычие помогает восполнить языковой дефицит» [29], однако количество таких «восполнений» постепенно изменяет качество языковой реальности.

Условия каждого конкретного коммуникативного акта создают дополнительное, «наслаивающееся», по определению Дж. Гамперца, варьирование (см. [9]), влияют на оформление речи исследуемой категории говорящих. Например, в общении с русскоязычными монолингвами билингвы и полилингвы используют по возможности русский язык (со «слабыми» или «сильными» интерферентными явлениями), при этом усиливается их речевой контроль. К сожалению, в устной речи, которая в основном исследовалась нами, нет протяженных связных текстов. Но и данный материал в целом показывает, что постоянное противоборство двух «разноязычных реакций» в сознании таких говорящих приводит к постепенному смешению гетерогенных языков.

Бесспорно, дивергенция и конвергенция – естественные пути языкового развития. Еще И.А. Бодуэн де Куртенэ в своей статье «О смешанном характере всех языков» (1901) указывал на то, что «нет и не может быть ни одного чистого, не смешанного языкового целого» [5, с. 63], и Б.А. Серебренников вместе с другими учеными хорошо показал это на широком фактическом материале [32]. Однако в свете сказанного следует заключить, что процессы глобализации, а значит и компенсации

асимметрии когнитивных и языковых картин мира путем массового заимствования, способствуют нивелированию многообразия языков и культур мира. Поскольку, как отмечал Г. Шухардт, «возможность языкового смешения не знает никаких ограничений», в целях сохранения языкового богатства Башкортостана необходимо качественное, сознательное изменение уровня речевой культуры говорящих. Заимствование должно быть обоснованным. Выбирая в речи новое, иноязычное наименование, возможно, более яркое, экспрессивное, точное средство выражение наших мыслей, следует понимать, что оно может целиком вытеснить старое, исконное. Язык является, конечно, самоорганизующейся системой, но его функционирование и развитие определяется главным образом экстралингвистическими факторами, укрепляющими или же, напротив, ослабляющими его жизнеспособность.

2.4. Языковая личность студентов филологических и нефилологических специальностей БашГПУ в условиях билингвизма и полингвизма[10]

Как известно, изучение реального модуса существования и функционирования языка является важнейшей задачей современной лингвистики, решение которой невозможно без учета говорящей личности, особенностей ее языкового и неязыкового, в том числе национально-специфического, мышления, системы культурных ценностей и целевых установок, неизбежно проявляющихся в речевом поведении каждого человека и обусловливающих конкретное употребление языковых единиц. Цель данного исследования – выявить особенности языковой личности студентов филологических и нефилологических факультетов разных курсов Государственного педагогического университета многонациональной Республики Башкортостан, изучающих дисциплину «Русский язык и культура речи», – в соответствии с трехуровневой моделью языковой личности Ю.Н. Караулова [23].

В качестве одного из методов исследования использовался лингвистический эксперимент, который позволил получить в ноябре 2003 г. «срез» языкового и неязыкового сознания испытуемых, а также определить некоторые общие и национально-специфические, социальные и индивидуальные, устойчивые (вневременные) и инвариантные (преходящие) его свойства и элементы. В весьма неоднородном составе испытуемых (всего – 556 чел.) были выделены следующие группы: 1) *русскоязычные монолингвы* – 235 человек; 2) *монолингвы, не владеющие*

---

10 Авторы – Е.Е. Хазимуллина, Ю.С. Фомина, Е.В. Попова. Статья впервые опубликована в сборнике материалов межвузовской научно-практической конференции 24-25 ноября 2004 г. «Проблемы лингвистического краеведения» / Изд-во Пермского гос. пед. Университета. – Пермь, 2004. – С. 226-240.

русским языком свободно, – 5 человек (каждый из них владеет только одним языком: татарским, башкирским, чеченским или удмуртским); 3) *билингвы* (свободно владеют национальным и русским языками либо русским и иностранными) – 241 человек; 4) *полилингвы* (владеют национальным, русским и иностранными языками) – 75 человек (см. таблицу).

Факультет	Курс	Кол-во человек	Рус. моно-лингвы	Нерус. моно-лингвы	Би-лингвы	Поли-лингвы
1. Филологи-ческий	1 (далее ФФ1)	66	36	-	25	5
	2 (ФФ2)	20	5	-	14	1
	5 (ФФ5)	61	29	-	26	6
2. Факультет иностранных языков	1 (ФИЯ1)	28	18	-	7	3
	2 (ФИЯ2)	58	23	-	28	7
3.Художествено-графический	3 (ХГФ3)	28	17	1	8	2
4. Факультет физической культуры	1 (ФФК1)	94	44	4	43	3
5. Естественно-географический	3 (ЕГФ3)	115	35	-	55	25
6. Физико-математический	1 (ФМФ1)	86	28	-	35	23

Все студенты данных факультетов в момент эксперимента изучали либо уже изучили в вузе дисциплину «Русский язык и культура речи».

С целью выявления уровня элементарной грамотности **на первом этапе** эксперимента испытуемым было предложено выполнить 8 заданий, направленных на проверку знаний действующих норм современного русского языка: орфоэпических, фонетических, морфологических, лексических, орфографических и пунктуационных.

Представляется вполне естественным крайне низкий уровень знания русского языка группы монолингвов, не владеющих свободно русским языком[11]. Незначительное варьирование среднего коэффициента грамотности русскоязычных студентов, билингвов и полилингвов (66,7%, 62,45% и 62,48% соответственно[12]) свидетельствует о том, что *в целом нет определенной зависимости между количеством усваиваемых языков и качеством владения студентами русским языком*.

Более чуткими к произносительным нормам русского языка оказались русскоязычные студенты, они же лучше других владеют

11 Было бы неверно усреднять результат данной группы, так как ее составляет всего 5 студентов.

12 Погрешность составляет не более 12%.

нормами грамматики и лексики. Удивительно, однако, то, что паронимы *одевать – надевать, патриотический – патриотичный* и т. п. несколько лучше различают билингвы, а полилингвы значительно хуже других. Варьирование состава фразеологизмов (*кануть в лепту, говорить правде в глаза, растут как грибы на солнышке*) как отклонение от нормы оценивают прежде всего русские монолингвы, но вернее всех идиомы к их значениям возводят полилингвы. Правилами орфографии немного лучше других владеют билингвы, а уровень знания русской пунктуации у всех примерно одинаковый (самыми трудными для всех оказались пунктограммы тире и двоеточия в бессоюзных сложных предложениях, а также запятых при однородных членах предложения с повторяющимися союзами).

По общему уровню грамотности, как и ожидалось, лидируют филологические факультеты БГПУ: ФИЯ1 – 72,75% и ФФ5 – 72,47%. Однако на данных факультетах прослеживаются две разные тенденции: если на ФФ наблюдается рост грамотности исследуемой личности (ФФ1 – 64,06%, ФФ2 – 69,35%, ФФ5 – 72,47%), то уровень грамотности студентов ФИЯ несколько снижается ко второму году обучения (это 70,18%). Более высокий первоначальный уровень грамотности студентов ФИЯ объясняется, по-видимому, лучшей подготовленностью абитуриентов. Некоторое снижение уровня грамотности закономерно, так как русский язык на ФИЯ изучается в гораздо меньшей степени, чем иностранные языки. Уровень грамотности студентов ЕГФ3 составляет 63,61%, ХГФ3 – 61,8%, ФФК1 – 59,42% и ФМФ1 – 59,32%.

Примечательно то, что правильный вариант ударения *краси'вее* лучше других знают студенты ХГФ3 (это 82,14%; ср.: ЕГФ3 – 56,78%, ФФК1 – 45,74%, а ФМФ1 – 27,91%). Они же, как ни странно, в большем количестве владеют литературным вариантом *нет носков* (96,43,%; ср.: ФФ5 – 85,25%, а ФИЯ2 – 60,34%), но правильную форму *в аэропорте* на ХГФ не знает никто, тогда как на ФИЯ1 ее знают 3,57%, ФИЯ2 – 15,52%, ФФ5 – 31,15%, а на ФФК1 – 37,23% (здесь заметен «след» практических занятий по данной дисциплине).

Числительные успешнее всех склоняют студенты ФИЯ1, а формы глагола все филологи спрягают значительно лучше, чем «нефилологи». В знании лексических норм также лидируют филологи (но преимущественно ФФ5); неожиданным стало то, что значение слова *аксиома* знает большее количество студентов ФФК1 (53,19%) по сравнению с ФМФ1 (36,05%) и филологами (ФФ5 – 34,43%; ФИЯ2 – 51,72%).

Как отклонение от нормы варьирование компонентов фразеологизмов рассматривают прежде всего филологи, студенты других же факультетов относятся к нему достаточно спокойно. При отнесении фразеологизмов к их значениям (значения были даны в задании) бо'льшие затруднения у студентов вызвали идиомы *Дамоклов меч* и *Троянский конь*

(правильные ответы составили от 56,98% до 89,29%). Нелишне будет отметить, что при выполнении этого задания проявили если не эрудицию, то бо′льшую сообразительность студенты ФИЯ2 (100% соотнесли фразеологизм *вернуться в свои пенаты* со значением *вернуться в родной дом*; ср.: ФФК1 – 94,68%, ФМФ1 – 93,02%). При отсутствии в задании значений некоторые студенты нефилологических факультетов затруднились и в комментировании общеупотребительных фразеологизмов: *у черта на куличках, куда Макар телят не гонял, сыграть в ящик, заблудиться в трех соснах, иметь руку, синий чулок* и др.

Лучшие знания в области орфографии и пунктуации русского языка демонстрируют, конечно, филологи, а среди них – студенты ФИЯ. Следует отметить также, что неплохое знание этих разделов по следам практических занятий показали студенты ФМФ1 и ЕГФ3.

Некоторые результаты проведенного опроса требуют особого комментария. Самый высокий процент знания нормы *апостро′ф* показали студенты ФИЯ1 (82,14%; ср.: ФФ5 – 54,1%, ФИЯ2 – 41,38%, ФМФ1 – 41,86%), но реально, по нашим наблюдениям, данной нормы придерживаются единицы. Аналогична ситуация со словом *щаве′ль*: знают норму 100% студентов ФИЯ1, 91,38% – ФИЯ2, 91,8% – ФФ5, 77,66% – ФФК1, 60,87% – ЕГФ3, но процент реализации этой нормы гораздо ниже.

Совершенно неожиданным является результат знания нормы *зави′дно*: 46,96% – ЕГФ3, остальные же студенты, несмотря на широкую пропаганду преподавателями литературного варианта, уверены, что ударение в этом слове надо ставить на первом слоге (это 100% ХГФ3, около 80% всех филологов и 60-70% ФФК1 и ФМФ1). По-видимому, во всех этих случаях можно констатировать неуклонную тенденцию к закреплению в сознании студентов разговорных или даже просторечных вариантов нормы. То же самое касается и грамматической нормы слова *тюль*: м.р.→ж.р. (разброс знания литературного варианта – от 53,49% ФМФ1 до 92,86% – ФИЯ1). Филологи консервативнее студентов нефилологических специальностей в употреблении формы *«я пылесошу»*, в целом же почти каждый второй студент считает данную форму нормативной, и около 60% всех «нефилологов» считает правильной форму *«ложу книги»* (с тем или иным ударением).

Нельзя однозначно утверждать, что уровень владения студентами русским языком целиком обусловливается качеством преподавания ортологических дисциплин в вузе. Отчетливо прослеживается зависимость языковых знаний, во-первых, от специализации факультета и, во-вторых, от того, какую школу заканчивал студент: общеобразовательную или гимназию (лицей), обычную или национальную, городскую или деревенскую. Во многом также сказывается влияние «коллективного бессознательного», общих речевых тенденций, стихии разговорного языка, проникающего практически во все сферы массовой коммуникации. Однако

важным с точки зрения методики преподавания русского языка и культуры речи в вузе представляется то, что наилучшие результаты в обучении, как показывает наше исследование, дает прием «остранения»: больший резонанс в сознании испытуемых вызывают «странные», неожиданные способы подачи, а также новизна самого языкового материала.

С сожалением следует констатировать факт недостаточного умения наших студентов создавать грамотные, глубокие письменные и особенно устные высказывания. Приведем некоторые примеры: *1. Экспре**с**ивная окраска – это* ***язык являющем средством выражения*** (ФФК1); *2.* ***Значение слова*** *представляет собой* ***употребляемость слова*** (ФМФ1); *3. Антонимы – противоположные слова, которые* ***оказывают друг на друга противоположное значение*** (ФМФ1); *4.* ***Научный стиль это польза в научных сферах*** *в учебниках книгах и другой литературе. Это познание чего-то нового* ***безоспаримого канкретного*** (ФФК1); *5. Наша задача –* ***раскласть слова по схеме классификации слов*** *В.Вартбурга* (ФФ5); *6. Необходимо выделить слова,* ***начало которых с одинакового префикса*** (ФФ5); *7. Есть* ***более другой*** *подход: семан**ч**ический* (ФИЯ1); *8. Я выбрала 100 общеупотребительных слов и* ***поработала над ними*** *с такими целями* (ФФ5); *9.* ***Найти и справить лексические ошибки*** (ФФК1).

Речь «национально-русских» билингвов часто характеризуется и наличием интерференции: *нипо**щ**ем, кап**щ**еный, **щ**исла, **щ**аще, тек**ы**ст, флек**ц**ия, билингвиз**а**м, узкому кругу спе**с**иалист**у**, сосу**ч**ествованию, су**ч**ность, малад**ис**, к определению пол**ю*** и т. п. Иногда подобное произношение вызывает в аудитории не только смех, но и насмешки студентов (толерантность, к сожалению, не является всеобщим качеством).

С целью выявления некоторых особенностей языкового и неязыкового мышления, социального и индивидуального, общего и национально-специфического в сознании исследуемой языковой личности был проведен **свободный ассоциативный эксперимент**. Испытуемым было предложено записать 3-4 (и более) любые ассоциации, вызываемые следующими, весьма разнородными, словами: общеизвестным и общеупотребительным словом *русский*, иноязычными, менее употребительными словами русского языка *боа, ноктюрн, электорат*[13] и четырьмя широко известными и употребительными на территории Башкортостана и г. Уфы словами *йорт* (дом), *китап* (книга), *ярар* (ладно, хорошо) и *барыбер* (все равно).

По общему числу ассоциаций лидируют филологические факультеты БГПУ, а среди языковых групп – полилингвы и русскоязычные студенты. Большее количество языковых реакций (основанных на знании системы

---

13 Эксперимент проводился в ноябре 2003 г., в период предвыборной кампании, и слово «электорат» употреблялось в СМИ достаточно часто. Однако выяснилось, что, несмотря на это, 68,1%.

русского и тюркских языков) было дано самыми старшими студентами ФФ5, немного меньшее – ФИЯ1 и 2. При этом следует отметить положительную динамику количества языковых ассоциаций испытуемых старших курсов филологического факультета по сравнению с младшими. Известный тезис о том, что *с возрастом и с повышением уровня образованности происходит расширение языковых знаний человека*, подтверждается также большим количеством языковых реакций ХГФ3 и ЕГФ3 по сравнению с ФМФ1 и ФФК1.

Неязыковых ассоциаций больше всего возникло у студентов ФФ2 и ФИЯ1, в группе русских монолингвов – на русскоязычные стимулы, а в группе полилингвов – на тюркские. Реакции нерусских монолингвов как на русские, так и на тюркские слова крайне малочисленны и однообразны: *русский* – народ 1, пьяница 1, нац. языки 1; *боа* – нац. языки 1; *электорат* – нац. языки 1; *ноктюрн* – нац. языки 1; *йорт* – дом 1, нац. языки 1; *китап* – книга 1, нац. языки 1; *ярар* – хорошо 2, нац. языки 1; *барыбер* – все равно 1, нац. языки 1.

Знакомые слова, безусловно, вызывают большее количество ассоциаций, чем малознакомые (в порядке убывания количества реакций следуют *русский, боа, ноктюрн, электорат, китап, йорт, ярар, барыбер*). Малознакомые слова вызвали целый *ряд ошибочных ассоциаций*, основанных либо на созвучии слов в языке, либо на сходстве их словообразовательной структуры; в этом случае были также попытки филологов и некоторых студентов ЕГФ3 и ХГФ3 определить слово, исходя из его фонетической или же генетической значимости, что, несомненно, иллюстрирует *речетворческий потенциал* исследуемой личности. Например:

1) *боа* – горох, фасоль (ср. *бобы*), дерево (ср. *баобаб*), орехи, фрукт, медведь «Маугли» (ср. *Балу*), цирк, страна, остров, племя, вода, полено, куклы, «в речке засыпь» (ср. *дамба*), узор, абба, баба, баб (боа-баб), река, индейцы, светильник, люстра (ср. *бра*), крик (ср. *ба!*); что-то живое, размеренное, круг, темно, объемное тело, гигантское; иностранный, нац. языки, французское слово;

2) *ноктюрн* – ногти, что-то с ногтями (подобные реакции были на всех факультетах), натюрморт и - вторичные ассоциации: рисунок, картина, вино, яблоки, фрукты, цветы, краски, палитра, пейзаж, художник, кисть, маникюрные ножницы, пилочка; загадочный, нежный, нежность, легкость, спокойный, тонко (-кий), яркий; иностранный, нац. языки;

3) *электорат* – электричество (все факультеты), кабель, ток, заряженные ядра, эл. микросхемы, чипы, кипятильник, физика, уроки физики и сам преподаватель, Ньютон, дрель, щит, агрегат; собрание, деканат, ректорат, собрание электриков; что-то тяжелое, громоздкое, большое; нац. языки;

4) *китап* – Китай, кит, кит вверх; прыжок вверх, вниз; холодок

чужого языка, жесткий, плоский; нац. языки, башкирский, татарский, английский, испанский;

5) *йорт* – йогурт (все факультеты), йод, юла; грубо, резко, твердый, неприятный; родной язык, нац. языки, татарский язык, что-то башкирское, национальное;

6) *ярар* – дистанция, расстояние (ср. *йырак* ‘далеко, далекий’); белиберда, гром, радость, неприятный язык; татарский язык, что-то из татарского языка, башкирский язык, нац. языки;

7) *барыбер* – бобер, барабашка, рыба, наличие чего-либо (бар), один (число) – ср. *бер* ‘один’; кишмиш; тарабарщина, тарабарщина татарская; бардак, что-то смешное; сумбурное, ерунда, чудовище; нац. языки, национальное, уфимская феня, что-то из татарского языка.

Ядерными во всех выявленных ассоциативных полях стали, конечно, *понятийные, парадигматические и синтагматические* связи слов-стимулов. Например, самыми частотными, а следовательно, характеризующими общественное сознание испытуемых были следующие реакции на слово *русский* (в порядке убывания): язык, человек, народ, национальность, нация, Россия; в группе русскоязычных монолингвов (235 чел.) – родной 12, Родина 11. Частотные ассоциации со словом *электорат* – народ, избиратели, люди, собрание, Гос. Дума, выборы, политика, президент, правительство; *боа* – пушистый (-ое), красивый (-ое), мягкий (-ое), шикарный (-ое), из перьев, шарф, накидка, змея, украшение, перья, мех. Слово *ноктюрн* ассоциировалось прежде всего со следующими словами: (музыкальное) произведение, музыкальная пьеса, музыка, искусство, ночь, мелодия; а слово *китап* – книга, (книжный) магазин, издательство, библиотека, знания, учеба, чтение, образование. *Йорт* – дом, двор, жилище, жилье, здание, помещение, очаг, тепло, уют, семья; родные, мама (у билингвов и полилингвов). *Ярар* – ладно, хорошо, согласие (-шение, -сен), о’кей, пойдет. *Барыбер* – все равно, безразлично, без разницы, безразличие, равнодушие, не имеет значения.

Данным материалом не подтверждается распространенный тезис о том, что гуманитарии чаще дают синтагматические, а «негуманитарии» – парадигматические ассоциации. На наш взгляд, *количество ассоциаций этих типов обусловлено скорее широтой парадигматических и синтагматических связей самого слова в системе языка, а также уровнем языковых знаний каждого конкретного испытуемого*.

Бесспорно, доминируют и *ситуативные реакции*, отображающие реальные свойства и связи называемых словом-стимулом предметов и явлений, например: *русский* – баня, пельмени, пряники, самовары, балалайки, матрешки, водка, **Чечня**, мороз, **кризис**, общение, белый, русый, христиане, Пушкин, **Путин**, ВОВ, Кремль, царь. *Электорат* – кандидат, претендент, власть, заседание, урна, пульт, партии, демократия, гласность, телевизор, популярность, голоса, листовка, черный пиар, борьба

за власть, **7 декабря, зима**[14] и т. д. *Боа* – шея, праздник, вечернее платье, будуар, вечеринка, ночь, сумерки, сигареты, светская львица, сцена и т. д. *Ноктюрн* – рояль, ноты, пальцы, музыкант, Шопен, Моцарт, звуки, исполнение, концерт, Франция и т. д. *Китап* – переплет, страница, текст, буквы, слова, обложка, полка, **пыль, бабушка**[15], учеба, учу, **медресе**[16] и др. *Йорт* – изба, юрта, квартира, **общага**[17], хижина, деревня, бабушка, мама, колодец, куры, сарай, земля, скот, крыльцо, труба, герань, тепло, уют и т. д. *Ярар* – ответ, **уговорил**[18], посмотрим, готовность, **дружба**, татарин, Башкортостан, кивок головой. *Барыбер* – полная апатия, пофигист, бесшабашный, взмах рукой, **общежитие, Ахметов Эдик**[19], отстань, непробиваемость и т. д.

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляют *оценочные ассоциации*, свидетельствующие о мировоззрении и ценностных ориентациях обобщенной языковой личности студентов. Отрицательная оценка преобладает в ассоциативном поле слова «русский» (76 реакций, положительных – 64) и «электорат» (22 и 11 соответственно). А положительная оценка – в ассоциативных полях слов «боа» (30 к 12), «ноктюрн» (10 к 1), «китап» (12 к 2) и «йорт» (26 к 6). Например:

1) *русский* – душевный 2, человек широкой души 2, сердечный, великодушный, открытый 2, честный 3, свободный, преданный, готовый прийти на помощь, гостеприимный, серьезный, веселый, сообразительность 2, красивый и т. д.; дурак 3, ленивый, пьяница 4, алкаш, русак, невоспитан, непостоянный, диагноз;

2) *электорат* – умы человечества, умники и умницы[20], деловито, серьезно, большие люди; толпа, сборище, быдло 3, хапуги, попса, помои, параша и т. д.;

3) *боа* – красота 8, изящество, изысканность, нежность, шик, интеллигентность; экстравагантность 2, вычурность, излишество, буржуи, дамочка, фифочка, разврат, опасность и т. д.;

---

14 Это преходящая, но актуальная в период проведения эксперимента информация: выборы депутатов Госдумы и Президента РБ должны были состояться 7 декабря 2003 г. Выделенные в предыдущем контексте реакции студентов также являются симптоматичными, и хотелось бы верить, что *Чечня* и *кризис* являются к тому же преходящими.

15 Данные реакции единичны, субъективны.

16 Единичная, этнокультурологическая ассоциация.

17 Не единственная, но тоже преходящая ассоциация.

18 Наряду с этой, от испытуемых, владеющих тюркскими языками, были получены и другие глагольные ассоциации в форме м. р. ед. ч.: *согласен, одобрил* и т. д. (не «согласна» или «одобрила»). Данный факт обусловлен известными языковыми и неязыковыми факторами.

19 Преходящие, субъективные реакции.

20 Возможно, в двух этих единицах есть элемент иронии, хотя реакции были даны без кавычек (вне контекста точная интерпретация затруднительна).

4) *ноктюрн* – высшее, красивое, прекрасное, впечатляющий, высокодуховность[21]; неприятный и т. д.;

5) *китап* – интересная 4, хорошая, святыня, поучительно, любопытно; ужас, му'ка и т. д.;

6) *йорт* – лучший, святыня, убежище, пристанище; старый 2, чужой 2 и т. д.

Ассоциации, основанные на *прецедентных высказываниях* (это цитаты и названия литературных произведений, кинофильмов, имена персонажей, реклама, анекдоты, названия песен, уфимские, башкирские, российские реалии и т. д.), позволяют наглядно представить культурологический уровень исследуемой языковой личности. Чаще других приводят прецедентные тексты студенты-филологи, и самой частотной на слово «русский» стала реакция *великий и могучий* 9, другие реакции: *стиль* 3, *экстрим* 8, *размер* 2, *лес* 5, *продукт* 2, *транзит* 1, *Иванушка-дурачок*, *Иван-дурак*, *Илья Муромец*, *женщина* 2 (видимо, некрасовская), *мишка, медвежонок* (возможно, олимпийский), *Проблемы в России – дураки и дороги* 1, *стихотворение М.Карима «Не русский я, но россиянин»* 1.

Как и ожидалось, слово «ноктюрн» ассоциируется у студентов со стихотворением В. Маяковского, однако, были и другие реакции: *А вы (ноктюрн сыграть) могли бы?* 2, *водосточная труба* 1, *духи (такие были)* 7, *конфета* 3, *Пьеро* 1, *название пирога из к/ф. «Москва слезам не верит»* 1, *торт* 1. Слово «электорат» вызвало минимальное количество подобных ассоциаций: *щи да каша* 1, *Жванецкий* 1, *правильный выбор* 1, *Ю. Шевчук с песней «Не быдло народ»* 1. «Боа» ассоциируется у наших студентов с известным, не очень приятным, анекдотом: *блевотина* 1, *блевота* 1, *звук изо рта* 1. Со словом «ярар» никакие прецеденты в их сознании не связаны, а вот слово «китап» вызвало большое количество прецедентных ассоциаций. Многие вспомнили, что видели это слово на витринах магазинов, вывесках, остановках и т. д.: *(книжный) магазин* 56, *магазин «Знание»* 1, *вывеска (на книжных магазинах «китаптар»)* 2, *остановка «Китаптар»* 1, *Академ-книга* 1, *Мой книжный мир* 1, *издательство (в РБ)* 25, *библиотека* 22, *читальный зал* 1, *ул. Зорге* 1, *букинист* 1, *источник знаний* 1, *знания* 33, *кладовая* 1, *сокровищница* 1, *друг* 1, *свет* 1, *сила* 1, *крепость* 1. И, наконец, «барыбер» ассоциировалось с известной песней: *зайцы в полночь на поляне* 1.

Наряду с общими, социальными, языковыми и неязыковыми реакциями были получены *индивидуальные, связанные с личностным опытом студентов, их мироощущением и мировосприятием, и даже странные ассоциации*. Например:

1) *русский* – «веселость», огонь (ФФ2); усы, день (ФФ5); еда, АКМ-

---

21 Разовое, случайное слово – студенческий окказионализм.

74 (ФИЯ1); разложение общества (ФИЯ2); техника, изделие, труд, дед Мороз (ФМФ1); собственно, профессия, вальс (ЕГФ3); ковчег (ХГФ3);

2) *электорат* – чипы (ФМФ1); зануда (ФФК1); Ленин (ФФ1)[22]; нечто параллельное обыкновенным людям (ФФ5); система, управление (ФИЯ1); мягкая игрушка (ХГФ3);

3) *ноктюрн* – грусть, печаль, слезы, Лондон (ФМФ1); Виктюк (ФФ1); осень, осенний, 19 век, вкус, душа (ФФ5); желтый, красный (ФИЯ1); синий, смерть, холод Эрик Сатл (ХГФ3); варенье, лекарство, казус, изделие (ЕГФ3);

4) *боа* – мед, вода, куклы (ФМФ1); дух (ФФК1); А. Дункан, Лайза Минелли, кружево 3, вязка, материя (ФФ1); Е. Онегин (ФФ2); красный, Б. Моисеев (ФФ5); розовый, увиливать, узор, ошейник (ФИЯ1); тошнота, палка (ФИЯ2), смешной, город, кусочек земли, осень (ЕГФ3);

5) *китап* – кличка (ФФК1); прогулка (ФФ2); календари (ФФ5); издательство das Buch, интервью, отдых, умения (ФИЯ2); Коран, художник (ХГФ3); азык-тулек, зарубежка, давление на выбор нации, положение в обществе (ЕГФ3);

6) *йорт* – монголы (ФМФ1); дикий край, пчелиный улей (ЕГФ3); кумыс, кони, овцы, куры, лето, мед (ФФ2); тәрмә (название юрты в 16 в.), палатка, пчела, сруб (ФФ5); муж, дети, понимание (ФИЯ1); идиллия, кефир, соседи, язык (ФИЯ2); бытие, лыжи (ХГФ3);

7) *ярар* – обида (ФМФ1); согласие на все, отношение, хватит (ФФ1); мед, солнце, уважение, успокоение (ФФ2); бабушка, годен, дружба, татарская щедрость (ФФ5); базар, мир, национальное TV, надежда (ФИЯ1), all right, богатырь (ФИЯ2); ал4а, куда налить (ФФК1); одолжение, никогда, приду, Салават Юлаев (ЕГФ3); деревня, запутанность (ХГФ3);

8) *барыбер* – халява, ехать, идти, ненадобность (ФФК1); да, кино, мнение человека, общага, похожее, Салават Юлаев, стена, худграф (ЕГФ3); в двойном количестве, пофигиты (ФФ1); по фене, невежество, помимо, юмор, печаль (ФФ2); ага!, вкусно, глушь, деревня, напрямик, параллельно, пустяк (ФФ5); боль, «безынтерес», холод (ФИЯ1); идет, отстань, параллельность, халатность (ФИЯ2).

Подобные реакции свидетельствуют о том, что, несмотря на всеобщие процессы интеграции и просвещения, в неязыковом сознании людей есть множество индивидуальных, специфических компонентов, поэтому по-прежнему является актуальным высказывание А.А. Потебни, характеризующее наше общение: «Всякое, даже самое полное, понимание есть в то же время непонимание» [35].

Целый ряд ассоциаций раскрывает *самосознание студентов*: например, *русский* – Родина, язык, на котором я говорю (ФФ1), я (ФФ5, ФИЯ1), свой (ФФ5, ФИЯ2), я, наш, мы, родной (ЕГФ3); *боа* – не мое

22 Возможно, обусловлено прецедентом «электрификация всей страны».

(ФИЯ2), своя вещь (ФФК1); *йорт* – родной дом (все факультеты), место, где я жил, рос (ФМФ1), мой дом (ФФ1), наш дом (ФИЯ2) и др. Очень актуальными (но преходящими) в сознании студентов являются следующие реалии: *учеба, учить, изучение, образование, школа, урок, предмет такой* (русский язык), *зарубежка, филфак, общага, общежитие* и т. п.

Особенностью языкового сознания исследуемой личности (кстати, не только билингвов, полилингвов, но и русских монолингвов) является *наличие межъязыковых парадигм*, иногда включающих элементы молодежного сленга, например: *ярар – әйбәт – булһын – ладно – хорошо - о'к – все о'кей – all right*; *Россия – Русь – Russia; русский – Russian; йорт – дом (юрта, изба, хижина, хата, чум) – home – house; китап – книга – book; издательство «Китаптар» – издательство das Buch; барыбер – бирбар – до лампочки – по барабану – пофиг – по фене – (на)плевать*.

Для того чтобы выявить ценностные ориентации студентов, **на третьем этапе** эксперимента им было предложено разместить 22 общечеловеческих понятия в порядке убывания их значимости для каждого испытуемого: *человек (как самоценная личность), общество (общественные интересы), мир (не война), безопасность, любовь, семья, здоровье, дружба, честность, деньги, образование, престиж, культура, карьера, работа, политика, сохранение нации, религия, экология, развлечения, спорт, секс.* Опрос был анонимным, таким образом, можно надеяться на некоторую объективность полученных сведений, вместе с тем оценка данных велась с учетом ряда свободных, во многом бессознательных, ассоциаций студентов. Результаты в какой-то степени превзошли наши ожидания, поскольку в российском общественном сознании уже закрепились стереотипные представления о тотальной коммерционализации, развращенности, безнравственности и т. д. молодежи.

Ядро ценностей исследуемой личности составляют такие общечеловеческие понятия, как *здоровье* (студенты всех факультетов ставят его на 1 место), *любовь* (это по-прежнему характерно для россиян и для молодых людей, настроенных, как правило, романтически), *семья* (любви и семье отводится то 2, то 3 место). Семья становится более значимой категорией для семейных студентов преимущественно старших курсов (ФФ5, ЕГФ3). Примечательно то, что в век войн и терроризма особенно важным для студентов является понятие *мир* (не война), его ставят на 4-8 места. Другой по-прежнему значимой категорией остается *дружба* (2-8 места). *Образование* особенно престижно в современном мире, и в иерархии ценностей студентов оно занимает 3-7 места. Наименее значимыми понятиями, формирующими периферию шкалы ценностей, являются *политика* (16-20 места), *сохранение нации* (14-19) и *развлечения* (14-18).

Место той или иной категории в иерархии ценностей исследуемой

личности нередко обусловлено спецификой и профессиональной направленностью факультета. К примеру, студенты ЕГФ3 *экологию* ставят на 11 место, тогда как все другие – на 12-17. Студенты ФФК1 важное место отводят *спорту* (9), для других же спорт не имеет такого важного значения (15-20). А студенты ХГФ3 особо ценят явления культуры – 5 место.

Что касается филологических факультетов, то здесь снова прослеживается определенная динамика. Если студенты ФИЯ1 *карьеру* ставят на 10 место, а *престиж* – на 14, то студенты ФИЯ2 – на 8 и 18 места соответственно, при этом *интересы общества* студенты ФИЯ2 ставят на 13 место, а ФИЯ1 – на 15[23]. Сравнение ценностных ориентаций студентов филологического факультета показало, что для студентов старших курсов уменьшается значимость *интересов общества* (ср. ФФ1 – 10, а ФФ5 – 15), *образования* (ФФ1 – 3, а ФФ5 – 6), *карьеры* (ФФ1 – 9, ФФ5 – 11) и *спорта* (ФФ1 – 15, ФФ5 – 18). Однако большую значимость приобретают *деньги* (ср.: ФФ1 – 11, ФФ5 – 7) и *секс* (ср.: ФФ1 – 17, ФФ5 – 10)[24].

Обобщая результаты данного исследования, необходимо отметить следующее. Во-первых, изучаемая языковая личность, безусловно, представляет собой сложный, многогранный и динамичный феномен. Сознание студентов БашГПУ не является однородным, а речевое поведение единообразным, несмотря на наличие в этих компонентах языковой личности определенного социального, общего, ядра.

Во-вторых, уровень языкового и неязыкового знания студентов обусловлен целым рядом факторов: средой формирования каждой отдельной личности, качеством и направлением ее школьного и вузовского обучения и воспитания, влиянием «коллективного бессознательного»[25], возрастом, ценностными ориентациями и, по-видимому, некоторыми врожденными способностями и свойствами.

В-третьих, в силу взаимодействия всех этих факторов исследуемая языковая личность является не только «фокусом скрещения разных социально-языковых форм и норм коллектива» [8], но и – в силу специфического речетворческого мышления – яркой, по-своему уникальной их реализацией.

В-четвертых, многоязычная среда общения в Башкортостане и г. Уфе способствует, с одной стороны, усложнению содержания и организации сознания людей, а с другой – развитию их языкового чутья и более

---

23 Содержание категории «карьера» в сознании студентов факультета иностранных языков, на наш взгляд, специфично: оно частично обусловлено возможностью их трудоустройства за рубежом. Не случайными в связи с этим представляются парадигмы: *русский – международный* (ФИЯ1) и *русский – Запад* (ФИЯ2), – выявленные в ходе свободного ассоциативного эксперимента.

24 Не будем забывать, что студенты 5 курса являются в основном семейными.

25 То есть мировоззрения, стереотипов социального, в том числе речевого, поведения, стихии разговорного языка, проникающего во все сферы массовой коммуникации и т. п.

внимательного отношения к богатству языков. Особенно наглядно это демонстрирует разнообразие типов полученных нами языковых и неязыковых ассоциаций: понятийные, синтагматические, парадигматические (в том числе межъязыковые), эпидигматические (синхронные и диахронические), значимостные (генетические, фонетические, стилистические), ситуативные, метонимические, синестетические, оценочные, «прецедентные» и др.

И последнее. Обобщенная исследуемая языковая личность – это в известной степени схема, модель. Реально она, конечно же, представлена очень разными, неповторимыми индивидуальностями. Каждый второй студент БашГПУ свободно владеет двумя, а то и тремя языками; случаи очень глубокого знания русского языка встречаются практически на всех факультетах. В массе своей студенты являются целеустремленными, деятельными, общительными, отзывчивыми, умеющими самостоятельно думать и корректными в своем поведении, в том числе речевом.

2.5. Концепт «русский» в сознании студентов вузов г. Уфы[26]

На сегодняшний день в лингвистике одной из самых актуальных по-прежнему остается проблема адекватного описания способов концептуализации действительности в сознании человека и языковой картине мира. Как известно, важнейшей единицей, структурирующей неязыковые знания о мире и одновременно репрезентирующей их в языке, является концепт. Понимаемый как средоточие всевозможных видов наших представлений, знаний, ценностных ориентаций, оценки и т. д., находящих частичное отражение в языковых единицах и категориях, концепт, пожалуй, более всего открыт исследованию с помощью психолингвистического метода свободного ассоциативного эксперимента. В условиях полного отсутствия какой-либо установки на результат способно актуализироваться не только содержание сознания человека, но и некоторые элементы бессознательного в его психике, что позволяет гораздо точнее описывать реальные процессы и результаты концептуализации.

В рамках исследования, направленного на изучение особенностей сознания и речи студентов филологических и нефилологических факультетов Башкирского государственного педагогического университета и Башкирского государственного университета в условиях билингвизма и полилингвизма, с помощью метода свободного ассоциативного эксперимента мы получили, на наш взгляд, интересные сведения о концепте «русский», которые представляются в данной статье.

---

26 Авторы – Е.Е. Хазимуллина, Ю.С. Фомина. Материалы впервые опубликованы в сборнике научных трудов «Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира». Вып. 2. – Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск, 2005. – С. 43-50.

В весьма неоднородном составе испытуемых (всего – 622 чел.) были выделены следующие группы: 1) русскоязычные монолингвы – 270 человек; 2) монолингвы, не владеющие русским языком свободно, – 6 человек (каждый из них владеет только одним языком: татарским, башкирским, чеченским или удмуртским); 3) билингвы (свободно владеют национальным и русским языками либо русским и иностранными) – 266 человек; 4) полилингвы (владеют национальным, русским и иностранными языками) – 80 человек (см. таблицу).

Факультет	Курс	Кол-во чел.	Рус. моно-лингвы	Нерус. моно-лингвы	Би-лингвы	Поли-лингвы
1. Филологический БГПУ	1(далее ФФ1)	66	36	-	25	5
	2 (ФФ2)	20	5	-	14	1
	5 (ФФ5)	61	29	-	26	6
2. Факультет иностранных языков БГПУ	1 (ФИЯ1)	28	18	-	7	3
	2 (ФИЯ2)	58	23	-	28	7
3. Художественно-графический БГПУ	3 (ХГФ3)	28	17	1	8	2
4. Факультет физической культуры БГПУ	1 (ФФК1)	94	44	4	43	3
5. Естественно-географический БГПУ	3 (ЕГФ3)	115	35	-	55	25
6. Физико-математический БГПУ	1 (ФМФ1)	86	28	-	35	23
7. Филологический БГУ	4 (ФФ4)	66	35	1	25	5

Испытуемым было предложено записать 3-4 (и более) любые ассоциации, вызываемые словом русский. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, которым чаще всего пользуются студенты и школьники, зафиксированы следующие значения слова-стимула:1. Народ, составляющий основное коренное население России; 2. Относящийся к русскому народу, к его языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к России, внутреннему устройству, истории; такой, как у русских, как в России.

Следует отметить, что 47 человек ответили отказом, не дали никаких ассоциаций, от других же 575 реципиентов языковых реакций было получено в 2,5 раза больше, чем неязыковых (1025 и 399 соответственно), что скорее всего связано с употребительностью, частотностью данного слова, а также широтой его парадигматических, синтагматических и

эпидигматических связей в системе русского языка. К примеру, самыми многочисленными, а следовательно, характеризующими общественное сознание испытуемых, являются языковые понятийные ассоциации, основанные на знании лексического значения слова «русский»: *язык* – 357, *человек* – 195, *национальность* – 68, *народ* – 66, *Россия* – 37, *нация* – 36, *характер* – 19, *дух* – 18, *менталитет* – 14, *культура* – 3, *традиции* – 3, *гражданин* – 3. При этом, судя по количеству реакций, более актуальной для жителей многонациональной страны и республики, в которой компактно проживает 13 различных этносов, оказывается информация о языке, нежели понятия «человек», «народ», «нация» (ср. в этом аспекте ответы студентов: *человек, знающий русский язык* – 1, *говорящий на русском языке* – 1, *на русском языке* – 1).

Ко всем этим реакциям примыкают единичные понятийные ассоциации, основанные на знании лексического значения, зафиксированного в словарях: *народность* – 1, *принадлежащий к нации* – 1, *человек этой нации* – 1, *человек русской нации* – 1, *национальный язык* – 1, *человек с определенным менталитетом* – 1, *национальный дух* – 1, *нрав* – 1, *предмет, принадлежащий России* – 1, *живет в России* – 1, *житель России* – 1, *человек, живущий в РФ* – 2, *живущий в России* – 1, *из России* – 1. Понятийные реакции составляют ядро языковой сферы концепта «русский», в общей сложности их было получено 836.

К ядерным относятся также парадигматические и синтагматические ассоциации студентов. Примечательно то, что в силу свободной лексической сочетаемости слова «русский», круг синтагматических ассоциаций широк (их всего 85), однако многие реакции являются типичными, то есть основанными на социальной речевой практике. Например: *мужик* – 15, *«новый»* – 9, *поэт* – 6, *медведь* – 5, *мат* – 4, *алфавит* – 4, *танец* – 4, *писатель* – 3, *обычай* – 3, *рок* – 3, *костюм* – 2, *богатырь* – 2, *барин* – 2, *исконный* – 2, *простор* – 2, *мороз* – 2. Такие реакции, как *напев*, *диалект*, *говор*, *сказ*, *эпос*, *глагол*, *перевод*, *оригинал*, *собственно*, *парень*, *мужчина, олигарх*, *художник*, *пир*, *душой*, *народный, традиционный* являются единичными. В основе данных представлений лежат синтагматические модели «прилагательное + существительное в Им. или Т.п.», «прилагательное + прилагательное (+существительное)», а также «прилагательное + наречие (+существительное)».

Парадигматические ассоциации тоже достаточно показательны, они даются с учетом различных ЛСВ слова «русский» и на основе знания студентов о морфологических, лексических и словообразовательных парадигмах языка, например: *российский* – 3, *русская* – 1, *русские* – 1, *английский* – 3, *китайский* – 1, *татарин* – 1, *русак* – 1, *россиянин* – 5, *Русь* – 3, *русый* – 1. Выявлены также межъязыковые связи слова-стимула в сознании испытуемых: *Russian* – 1, *Russia* – 1 (последняя реакция является вторичной, весьма неожиданно то, что оба ответа были получены от

студента ФФК1, не филолога); 2 ассоциации студентов основаны на их знании о частеречной семантике слова «русский», употребляемого в нетождественных смыслах: *какой* – 1 и *существительное* – 1.

Хотелось бы отметить, что данным материалом не подтверждается распространенный тезис о том, что гуманитарии чаще дают синтагматические, а «негуманитарии» – парадигматические ассоциации. На наш взгляд, количество ассоциаций этих типов обусловлено скорее парадигматическими и синтагматическими связями самого слова в системе языка, а также уровнем языковых знаний каждого конкретного испытуемого.

Немаловажным элементом языкового сознания студентов являются такие прецедентные факты, как *лес* – 13, *солдат* – 8, *экстрим* – 8, *стиль* – 6, *Иван* – 5, *великий* – 5, *могучий* – 4, *великий язык* – 1, *могучий великий народ* – 1 (данная ассоциация может быть интерпретирована и как оценочная), *женщина* – 3 (вероятно, Некрасовская: «Есть женщины в русских селеньях…»), *размер* – 4, *поле* – 3, *продукт* – 2, *шоколад* – 2, *транзит* – 2. Другие прецедентные реакции являются единичными: *«Рус. яз.» – стих.-е, стих.-е М. Карима «Не русский я, но россиянин», Иван-дурак, Иванушка-дурачок, Илья Муромец, медвежонок, мишка* (возможно, имеется в виду символ олимпиады-80); *проблемы в России: дураки и дороги*; *театр* (вероятно, подразумевается Русский драматический театр г. Уфы, который здесь сокращенно называется «русским», наряду с «башкирским» и «татарским»); *картошка, чипсы* (чипсы «Русская картошка»); *не понимай* (выражение «твоя моя не понимай»). Как видим, прецедентные реакции студентов являются достаточно разнообразными – это факты русского фольклора, поэзии и прозы, эстрады и киноисскуства, наименования продуктов питания, товарные знаки и др. Все они позволяют наглядно представить специфику культурологического содержания, нашедшего свое отражение в сознании студенческой молодежи.

По общему числу языковых ассоциаций лидируют филологические факультеты БГУ и БГПУ, а среди языковых групп – билингвы и русскоязычные студенты. При этом следует отметить положительную динамику количества языковых ассоциаций испытуемых старших курсов филологических факультетов по сравнению с младшими. Известный тезис о том, что с возрастом и с повышением уровня образованности происходит расширение языковых знаний человека, подтверждается также большим количеством языковых реакций ХГФ3 и ЕГФ3 по сравнению с ФМФ1 и ФФК1. Несомненно, на содержание концепта «русский» в сознании студентов оказывает влияние как специфика вуза, так и профессиональная направленность факультета.

Среди неязыковых ассоциаций доминируют предметные, понятийные и ситуативные, отображающие реальные свойства и связи

называемых словом-стимулом предметов и явлений. Например, предметные реакции указывают на традиционные атрибуты России, иллюстрируя при этом достаточно стереотипное восприятие действительности исследуемой категорией людей: *водка* – 22, *дом* – 9, *баня* – 8, *матрешки* – 6, *хлеб* – 5, *зима* – 5, *балалайка* – 3, *пельмени* – 3, *береза* – 3, *земля* – 3, *природа* – 2, *пейзаж* – 2, *снег* – 2, *валенки* – 2, *самовар* – 2, *борщ* – 2, *квас* – 2, *платок* – 1, *сарафан* – 1, *сувенир* – 1, *дед Мороз* – 2, *блины* – 1, *пряники* – 1, *сушка* – 1 (аналог баранок), *еда* – 1, *ресторан* – 1, *кухня* – 1, *повар* – 1, *стол* – 1, *деревенский мужик* – 1, *песня* – 1, *народные танцы* – 1, *охота* – 1, *рулетка* – 1 (данная реакция может быть интерпретирована как понятийная: жизненный принцип русских полагаться на случай, – и как прецедентная: продуктовый магазин в Уфе «Русская рулетка»). Указывались также внешние признаки представителей русской национальности: *светлый* – 5, *белый* – 4, *блондин* – 2, *светловолосый человек* – 2, *светлой внешности* – 1, *рослый* – 1.

Вторичные реакции, характеризующие русскую землю, простор, пейзаж – *широкий* – 1, *широта* – 1, *просторный* – 1.

По-видимому, в связи с тем, что российская экономика является все-таки развивающейся, актуальными для сознания людей стали некоторые реалии технической сферы нашей жизни: *изделие* – 2, *техника* – 1, *автомобиль* – 1, *Жигули* – 1, *самолет* – 1, *АКМ-74* – 1 (автомат Калашникова модернизированный). Были актуализированы также наименования профессий: *летчик* – 1, *врач* – 1.

Часть ассоциаций студентов можно квалифицировать как исторические, поскольку они указывают на явления, значимые с точки зрения прошлого и настоящего Российского государства. Это общие атрибуты геральдики: *флаг* – 3, *герб* – 1; символы государственности – *Москва* – 4, *Кремль* – 1, *Красная площадь* – 1, *Волга* – 1; важнейшие исторические реалии, события и личности: *царь* – 1, *князья* – 1, *крестьянин* – 1, *христиане* – 1, *РСФСР* – 1, *РФ* – 1, *эмигрант* – 1, *ВОВ* – 1, *Петр I* – 1, *Пушкин* – 1, *Некрасов* – 1, *Путин* – 5, *Чечня* – 1. В данном ряду ассоциация *советский* – 1 может быть осмыслена и как реакция сопоставления, и, по-видимому, как реакция противопоставления, как и ассоциация *Запад* – 1. Ответ студентов *древность – 2*, скорее всего, актуализирует их представления о древности истории, культуры русских.

Самосознание студентов, или осознание ими себя как граждан России, как носителей русского языка, как русских или же как соотечественников русских, иллюстрируют следующие ассоциации: *родной* – 18, *Родина* – 11, *я* – 7, *свой* – 2, *наш* – 2, *отечественный* – 2, *мы* – 1, *свое* – 1, *что-то родное* – 1, *родной язык* – 1, *язык, на котором я говорю* – 1, *знакомый* – 1, *земляк* – 1, *брат* – 1. Реакции *страна* – 2, *группа* – 1, *большой* – 2, *многочисленный* – 1 (о народе), *международный* – 1 (о языке), на наш взгляд, тоже являются идентифицирующими, но как бы с внешней,

а не внутренней позиции.

Спектр понятийных неязыковых ассоциаций очень широк. Здесь представлены реакции, указывающие на происхождение русских: *человек славянского происхождения* – 1, *славянин* – 1, *восточный славянин* – 1.

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляют оценочные ассоциации, свидетельствующие о мировоззрении и ценностных ориентациях студентов. Положительная оценка качеств, поведения и образа жизни русских выражена в следующих реакциях: *патриот* – 7, *истинный патриот* – 1; *добрый* – 5, *добродушный* – 1, *человек широкой души* – 2, *душевный* – 1, *душевный человек* – 1, *великодушный* – 1, *сердечный* – 1; *открытый* – 3, *простой* – 4, *правдивый* – 1, *честный* – 3; *готовый прийти на помощь мужик* – 1; *здоровый* – 1 (возможно, о внешности), *крепкий* – 1, *сильный* – 3, *красивый* – 2 (менее вероятно о языке), *стойкий* – 1, *энергичный* – 2; *гостеприимный* – 1, *хлебосольный* – 1, *щедрый* – 1; *мудрый* – 1, *сообразительный* – 1; *рискованный* – 1, *свободный* – 1; *серьезный* – 1; *великий народ* – 1, *величественный* – 1.

Положительная оценка русского языка содержится в следующих ответах студентов: *богатый РЯ* – 1, *богатый* – 1, *правильный* – 1, *сложный и богатый язык* – 1 (оценка синкретична). Не являются оценочными, но подчеркивают статус русского языка в исследуемой общественной группе реакции *речь* – 6, *наречие* 1, *разговор* – 1, *общение* – 1 и, к сожалению, *ненормативная лексика* – 1; часть подобных реакций на формально-грамматических основаниях мы отнесли к языковым синтагматическим.

Мелиоративная оценка выражается также существительными и наречиями: *духовность* – 2, *душа* – 13, *широта души* – 1, *широкая душа* – 1, *величество* (неверно употребляется слово «величие») – 1, *доброта* – 2, *жизнестойкость* – 1, *могущество* – 1, *сила* – 3, *национальная сила* – 1, *держава* – 1, *щедрость* – 1, *преданность* – 1, *гордость* – 2, *находчивость* – 1, *смелость* – 1, *веселость* – 1, *патриотизм* – 1, *красота* – 1, *единство* – 1, *уют* – 1, *тепло* – 1, *труд* – 1, *хорошо* – 1.

С другой стороны, немало реакций свидетельствует и об отрицательной оценке русских и их деятельности: а) прилагательные и глаголы – *пьяный* – 2, *пьянствовать* – 1, *ленивые* – 1, *ленивый* – 1, *непостоянный* – 1, *недоделанный* – 1, *невоспитан* – 1, *много думают* – 1; б) существительные и наречия: *алкаш* – 1, *пьяница* – 2, *пьянство* – 1, *дурак* – 2, *дураки* – 1, *глупость* – 1, *лень* – 1, *неуважение* – 1, *апатия* – 1, *тоска* – 1, *меланхолия* – 1, *беспредел* – 1, *трудно* – 1, *неудача* – 1, *диагноз* – 1, *разложение общества* – 1, *кризис* – 2, *нацизм* – 1 (последняя реакция была дана студентом из группы монолингвов).

Таким образом, следует констатировать, что, вопреки достаточно распространенному в обществе представлению о преобладании негативной оценки всего русского и самих русских, наш материал показывает обратное: доминирует положительная оценка (97 к 30). Русские

монолингвы, билингвы, а также полилингвы положительные и отрицательные реакции привели в примерно одинаковых пропорциях.

Отдельный пласт представляют собой переменные составляющие концепта «русский» в сознании студентов, актуальные в момент их обучения в вузе: *словарь* – 7, *учебник* – 5, *учебник по СРЯ* – 1, *предмет* – 4, *РЯ (предмет изучения)* – 2, *урок* – 3, *литература* – 3, *филолог* – 1, *филфак* – 2, *современный русский язык* 1, *книга* – 1, *буквы* – 1, *текст* – 1, *учеба* – 1, *школа* – 1, *профессия* – 1, *правило* – 1.

Наряду с общими, вполне объяснимыми языковыми и неязыковыми реакциями были получены индивидуальные, связанные с личностным опытом студентов, их мировосприятием, и даже странные и ошибочные ассоциации. Например: *огонь* (ФФ2); *усы, день* (ФФ5); *вальс* (ЕГФ3); *ковчег* (ХГФ3); *рыцари* (ФФК1); *молодой* (ФФ2). Один студент (из группы монолингвов, не владеющих русских языком свободно) на все наши стимулы давал одну и ту же реакцию: *национальные языки* 1. Подобные реакции свидетельствуют о том, что, несмотря на всеобщие процессы интеграции и просвещения, в неязыковом сознании говорящих остаются специфические, индивидуальные компоненты, поэтому по-прежнему является актуальным высказывание А.А. Потебни, характеризующее наше общение: «Всякое, даже самое полное, понимание есть в то же время непонимание» [35].

Подводя общие итоги данного исследования, необходимо отметить следующее. Концепт «русский» в сознании студентов вузов г. Уфы в целом представляет собой достаточно ясную, хотя и неоднородную, структуру, состоящую из собственно языковых и неязыковых элементов. Ядерную часть исследуемого концепта формируют социальные, устойчивые, представления о лексическом значении слова «русский», его синтагматических и парадигматических связях в системе языка, а также стереотипы восприятия русских и всего того, что связано с русскими, с Россией: быта, культуры, традиций, истории, языка и т. д. Это самые частотные, самые многочисленные реакции. В периферийной области концепта содержатся единичные, подчас случайные, преходящие элементы, обусловленные индивидуальным восприятием мира, жизненным опытом людей. Содержание концепта «русский» варьируется в сознании студентов в зависимости от их возраста, специфики образования, ценностных ориентаций, владения одним или несколькими языками и т. д. В целом же оно является фокусом скрещения социальных и индивидуальных языковых и неязыковых форм концептуализации окружающей действительности.

2.6. Содержание понятия «электорат» в сознании студенческой молодежи г. Уфы[27]

Неотъемлемым атрибутом демократического устройства общества является участие граждан в выборах в государственные структуры власти. Студенческая молодежь всегда была и остается одной из самых важных составляющих интеллектуальных, нравственных и политических ресурсов нашей страны. Однако многие политологи и социологи отмечают, что большинство наших граждан пассивно, мотивация их политических действий не всегда сознательна и в силу этого проблемы переустройства России не могут решаться эффективно.

Так являются ли современные студенты в полной мере политически грамотными, а их жизненная позиция активной? Насколько осознанно осуществляют они свое конституционное право выбора?

В рамках собственно лингвистического исследования нами были получены данные, позволяющие судить не только об уровне развития языковых знаний студентов, но и об уровне их неязыковых, фоновых, знаний, а также некоторых ценностных ориентациях. В частности, с помощью метода свободного ассоциативного эксперимента, удалось выявить содержательные признаки понятия «электорат» в сознании испытуемых. Следует отметить, что эксперимент проводился в ноябре 2003 г., то есть в период предвыборных кампаний кандидатов в Президенты Башкортостана, в депутаты Государственной Думы Российской Федерации, и слово «электорат» употреблялось в средствах массовой информации достаточно часто.

Всего исследованием было охвачено 622 человека, из них 556 человек являлись студентами различных факультетов Башкирского государственного педагогического университета и 66 человек – студентами филологического факультета Башкирского госуниверситета. Однако, несмотря на частотность слова «электорат» в СМИ, общее число реакций на него составило 613, что крайне мало по сравнению с реакциями студентов на другие стимулы (у 46,2% всех испытуемых данное слово не вызывало никаких ассоциаций).

Слово «электорат» является заимствованным, но в силу актуальности выражаемого им понятия для носителей современного русского языка оно адаптировано и составляет серьезную конкуренцию исконному синониму «избиратели». В словарях фиксируются следующие значения термина «электорат»: 1) избиратели, участвующие в выборах в государственные или другие крупные общественные структуры [33, с. 909]; 2) избиратели, голосующие за определенную политическую партию; население, которое

---

27 Авторы – Е.Е. Хазимуллина, Ю.С. Фомина. Материалы впервые опубликованы в сборнике научных трудов «Демократия и местная власть». – Уфа: РИО БИСТ, г. Москва, 2005. – С. 124-127.

может и должно принимать участие в выборах данного избирательного округа [38, с. 508].

В первую очередь студенты приводили ассоциации, основанные на их представлениях о языковой системе: о лексическом значении слова «электорат», вариантах его употребления в речи, его структурных (фонетических, словообразовательных и синтагматических) связях с другими словами. Языковые реакции относятся к одним из самых частотных (данный факт не кажется случайным: система языка характеризуется свойством социальности, является принадлежностью всего общества). Зарегистрировано 175 подобных ассоциаций студентов (это 28,5% всех реакций), 107 из которых обусловлено языковым содержанием данного понятия: *народ* – 46, *избиратели* – 25, *люди* – 12, *население* – 7, *общество* – 5, *группа людей* – 3, *группа* – 2, *народ на выборах* – 1; *народ, который выбирает* – 1, *граждане* – 1, *голосующие* – 1; *те, кто голосует* – 1; *тот, кто имеет право голоса* – 1, *совокупность людей* – 1.

33 реакции основаны на сходстве словообразовательной структуры слова «электорат» с другими лексемами, построенными по той же модели, а также на семантике суффикса -ат- (‘учреждение, возглавляемое лицом’, ‘собирательность’), присущей ему в системе языка: *ректорат* – 3, *деканат* – 2, *собрание* – 27, *множество* – 1. Было приведено 7 синтагматических ассоциаций: *выбирать* – 1, *избирать* – 1, *на выборы* – 1, *профкома* – 1, *студентов* – 1, *учащихся* – 1; и один студент попытался установить генетическую значимость слова-стимула: *национальные языки* – 1, – которая, кстати говоря, является самой общей и не иллюстрирует лингвистическую компетентность данного студента.

Интересны прецедентные ассоциации, приведенные филологами, правда, они тоже являются единичными: *Жванецкий, Ю. Шевчук с песней «Не быдло народ», щи да каша, правильный выбор*. По-видимому, студенты вузов нечасто смотрят телепрограммы, посвященные предвыборной агитации, и слоганы политических рекламных роликов в их сознание не проникают.

Как ни странно, слово «электорат» многие студенты педуниверситета и 3 студента БГУ ошибочно связывают с электричеством. К первичным, языковым, реакциям, основанным на созвучии слов, относятся следующие: *электричество* – 14, *электрик* – 1, *электрический прибор* – 1, *электроника* – 1, *электросеть* – 1, *электрические микросхемы, чипы* – 1, *что-то электрическое* – 1, *электрическая рать* – 1, *совет электриков* – 1, *собрание электриков* – 1. К ошибочным же, но неязыковым, вторичным, относится целый ряд других ассоциаций: *прибор* – 7, *ток* – 4, *свет* – 3, *физика* – 3, *аппарат* – 1, *агрегат* – 1, *провод* – 1, *кабель* – 1, *напряжение* – 1, *заряженные ядра* – 1, *щит* – 1, *кипятильник* – 1, *дрель* – 1, *ученый* – 1, *ученые* – 1, *учеба* – 1, *уроки физики и сам преподаватель физики* – 1,

Ньютон – 1.

Степень незнания слова «электорат» студентами прослеживается в градации реакций от *«кто это»*, *«к чему?»*, *«что-то электрическое»* до *«что-то про политику»* и *«нечто параллельное обыкновенным людям»*. Иногда студенты прибегали к интуитивным попыткам определить слово, исходя из его фонетической значимости: *что-то тяжелое* – 1, *что-то большое, громоздкое* – 1, *громоздкое* – 1, *большой* – 1, *монументальный* – 1. Самый большой процент ошибочных ассоциаций дали студенты 1 курса факультета физической культуры БГПУ (42,3%), За ними следуют студенты 1 курса физико-математического факультета (32%) и 3 курса естественно-географического факультета того же вуза. Филологи 5 курса БГПУ показали 13,8% ошибок, а студенты 2 курса факультета иностранных языков – 7,6%, что сопоставимо с данными 4 курса филологического факультета БГУ – 7%. Приведенные факты говорят о том, что не всегда политическая зрелость, сознание людей определяется их возрастом. Однако четко прослеживается зависимость правильности понимания значения слова «электорат» от гуманитарной и негуманитарной специфики факультета, на котором студенты получают высшее образование.

Вообще неязыковые реакции, конечно, преобладают над языковыми, что вполне соответствует возрастной психологии исследуемой категории людей. Всего неязыковых, то есть основанных на знании структуры реальной действительности, ассоциаций 438, это составляет 71,45% от общего числа реакций. Следует отметить, что именно по неязыковым реакциям студентов восстанавливаются все нюансы системы выборов и особенности избирательных кампаний современной России. На основе денотативных признаков понятия «электорат», содержащихся в сознании испытуемых, можно выделить целые блоки, или микрополя, соответствующие тем или иным реалиям. Например: «выборы», «избирком», «Государственная Дума», «государство», «власть», «структура общества», «средства массовой информации», «демократия», «коррупция» и др.

Вполне разумными и показательными являются следующие реакции: *политика* – 29, *политики* – 2, *выборы* – 96, *выборы партий* – 1, *выборная кампания* – 2, *кампания* – 3, *выборный* – 1, *комитет* – 1, *комиссия* – 1, *избирком* – 1, *избирательный участок* – 1, *Гос. Дума* – 9, *Дума* – 5, *партия* – 6, *партии* – 1, *парламент* – 1, *законы* – 1, *депутат* – 14, *депутаты* – 4, *группа депутатов* – 1, *голоса* – 1, *голосование* – 5. Понятие «электорат» в сознании студентов связано с тем, кого и в каких условиях им приходится выбирать: *кандидат* – 5, *претендент* – 1, *баллотирующийся* – 1, *альянс* – 1, *опора кандидата* – 1, *поддержка* – 2, *сторонники* – 4, *поддерживать* – 1, *помощники* – 1, *оппозиция* – 1, *свобода* – 1, *гласность* – 1, *демократия* – 1, *деньги* – 2, *карьера* – 1.

Одна из групп неязыковых ассоциаций студентов содержит сему

‘власть’: *власть* – 4, *правительство* – 8, *правитель* – 1, *управление* – 4, *руководство* – 1, *президент* – 16, *президентский* – 2, *начальник* – 2, *начальство* – 1, *директора* – 1, *дирекция* – 1, *министры* – 1, *госаппарат* – 1. Достаточно большую группу образуют реакции, указывающие на различные структурные элементы современного российского общества: *организация* – 2, *предприятие* – 1, *учреждение* – 1, *коллектив* – 2, *работа* – 3, *работники* – 1, *рабочий* – 2, *рабочий класс* – 4, *служащие* – 1, *интеллигенция* – 2, *олигархи* – 1, *студент* – 2, *пенсионеры* – 2, *пенсионер* – 1, *простой человек* – 1, *слой* – 1, *прослойка* – 1.

Любая предвыборная агитация ведется с помощью средств массовой информации, что находит непосредственное отражение в сознании студенческой молодежи: *аудитория* – 1, *публика* – 2, *оратор* – 1, *выступление* – 1, *речь* – 1, *дебаты* – 2, *слушатель* – 1, *телевизор* – 1, *газета* – 1, *популярность* – 1. Естественно, были получены и конкретные, вещественные реакции, отображающие антураж выборов: *лист* – 1, *листовки* – 1, *пульт* – 1, *урна* – 2, *кабина* – 1, *ящик* – 1, *наблюдатель* – 1, *папка* – 1, *галстук* – 1, *здание* – 1, *флаг красно-бело-синий* – 1.

Особый интерес для анализа представляют оценочные компоненты исследуемого понятийного поля. Таковых всего 41, при этом 40% оценочных ассоциаций можно отнести к положительным: *верх общества* – 1, *верхушка общества* – 1, *верхушка* – 1, *высшее общество* – 1, *высший свет* – 1, *элита* – 2, *честность* – 1, *деловые люди* – 1, *деловито* – 1, *серьезно* – 1, *умы человечества* – 1, *умники и умницы* – 1, *знатоки* – 1 (возможно, в трех последних реакциях заключена ирония). Семам ‘верх’ и ‘избранность’ в сознании студентов противопоставлено значение массовости: *много народу* – 1, *куча народу* – 1, *большинство* – 1, *многолюдно* – 1, *много* – 1, *страна* – 1.

Подноготную выборов обнаруживают негативные оценочные реакции студентов (их 60% от общего числа оценочных ассоциаций), которые кажутся вполне оправданными в период становления в нашей стране демократии: *казнокрадство* – 1, *хапуги* – 1, *бюрократия* – 1, *надувательство* – 1, *коррупция* – 1, *подкуп* – 1, *борьба за власть* – 1, *фальсификация* – 1, *черный пиар* – 1, *лапша на уши* – 1, *попса* – 1, *свита* – 1, *помои* – 1, *параша* – 1. Сам электорат оценивается противоречиво и вызывает в испытуемых сложные чувства: *отвращение* – 1, *ни к черту* – 1, *зануда* – 1, *нафиг* – 1, *толпа* – 2, *сборище* – 1, *быдло* – 3, *несознательный* – 1, *обездоленный* – 1, *ведомые* – 1, *ищущие* – 1. Одни студенты электорат безжалостно критикуют, другие ему сочувствуют, и только один человек отождествляет себя с ним: *мы* – 1.

Некоторые реакции студентов противопоставлены друг другу по признаку «старое» / «новое»: *старое время* – 1, *история* – 1, *страна Советов* – 1, *Ленин* – 1 (возможна, данная реакция вызвана ошибочной связью слова «электорат» с прецедентным высказыванием Ленина –

«электрификация всей страны»), *коммунизм* – 2, *КПРФ* – 1, *Гайдар* – 1, *Путин* – 1. Четыре элемента исследуемого понятийного поля являются преходящими, так как указывают на конкретную ситуацию выборов 2003 года: *7 декабря* – 6, *зима* – 2, *Веремеенко* – 1, *Сафин* – 1. Названия других партий и фамилии других политических лидеров, по-видимому, не столь актуальны для сознания студентов.

И, наконец, весьма странные, с нашей точки зрения, ассоциации: *вне* – 1, *сложность* – 1, *курсы* – 1, *мягкая игрушка* – 1. Вероятно, слово «*сложность»* может быть интерпретировано как реакция незнания истинного значения слова «электорат» – как сложность понимания – или же сложность самой избирательной кампании. Возможно также, что реакция *мягкая игрушка* является вторичной и обусловлена связью слова «электорат» со словом «электричество» (игрушка с электронным механизмом).

Обобщая результаты данного исследования, необходимо отметить следующее. Понятийное поле «электорат» в сознании студентов представляет собой диффузный, зачастую противоречивый феномен. Наряду с социальными, языковыми и неязыковыми, признаками, в нем обнаруживаются индивидуальные, субъективные и даже странные элементы. Почти каждый второй из опрошенных нами молодых людей, независимо от возраста, не владеет словом «электорат», многие связывают его с электричеством, и только один студент считает себя частью электората, отождествляет себя с ним. Таким образом, действительно выходит, что электорат – это, говоря словами студента, *«нечто параллельное обыкновенным людям»*.

Факт массового незнания молодежью, казалось бы, актуального понятия, возможно, частично объясняется ее принципиальным отношением к политике. Дело в том, что, по данным нашего исследования, в иерархии ценностей студентов *политика* занимает с 16 по 20 место. Гораздо большее значение по сравнению с политикой для молодежи имеют *здоровье, любовь, семья, дружба, мир (не война), образование, работа, карьера, деньги, развлечения* и другие категории. По-видимому, данный факт является симптоматичным для всего российского общества, и студенчество – это катализатор устремлений и норм поведения взрослой его части.

В целом полученный материал убедительно доказывает, что студенческая молодежь нуждается в целенаправленном воспитании, в повышении уровня ее политической грамотности, зрелости, потому что без сознательного, ответственного отношения каждого человека к собственному праву выбора невозможно построение демократического, гражданского общества.

2.7. Письменная речь студентов (ортологический аспект)[28]

На современном этапе развития лингвистики одной из ее важнейших задач является изучение функционирования языка, способов употребления его средств конкретной языковой личностью. Как известно, речевая культура предполагает выбор говорящим слов, грамматических форм, синтаксических конструкций, адекватных ситуации общения. Далее мы рассмотрим некоторые особенности письменной речи студентов Башкирского государственного педагогического университета филологических и нефилологических факультетов:

Факультет	Курс	Отделение	Место расположения	Кол-во человек
1. Филологический (далее ФФ4 РДО)	4	русское дневное	г. Уфа	26
2. Филологический (ФФ4 РЗО Туймазы)	4	заочное	г. Туймазы	10
3. Филологический (ФФ4 РЗО Белебей)	4	заочное	г. Белебей	12
4. Филологический (ФФ5 РЗО Белебей)	5	заочное	г. Белебей	34
5. Художественно-графический (ХГФ4 ЗО Стерлитамак)	4	заочное	г. Стерлитамак	24
6. Факультет физической культуры (ФФК1 ДО)	1	дневное	г. Уфа	41

Казалось бы, письменная речь должна быть подготовленной, продуманной, нормативной, однако в работах наших респондентов встречается огромное количество грубых нарушений норм литературного языка.

Наиболее частотной речевой лексической ошибкой является тавтология, то есть повторное обозначение иными словами уже выраженного понятия, например: «Есть такие *люди*, которые разделяют *людей* по нации и по языку» (ФФ4 РДО); «…раскрывается актуальная, *общественно* значимая проблема, вызывающая интерес *общества*» (ФФ4 РЗО Туймазы); «Образ автора в тексте *присутствует*, чувствуется его *присутствие* в этой ситуации» (ФФ5 РЗО Белебей); «…*я узнала* много нового, увлекательного, чего *я* раньше *не знала*», «Я к людям отношусь *по-разному*, люди *разные* бывают» (ХГФ4 ЗО Стерлитамак). Таким образом, письменная речь студентов характеризуется, напротив, спонтанностью,

28 Автор – Ю.С. Фомина. Статья впервые опубликована в сборнике материалов республиканской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы филологии». – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – С. 168-173.

слабым речевым контролем, ярко это иллюстрируют и следующие примеры: «…несмотря на то, что в *будущем* мои дети *будут* считать родным языком татарский, то они *не будут* на нем разговаривать, так как он *будет* постепенно утрачиваться» (ФФ4 РДО); «Родной *язык* у меня *русский*, и *думаю я на русском языке*. *Я думаю*, что *на русском языке думает* вся Россия, а в Европе высказывают, что *русские* специфичны в своих *раздумьях*», «Я выбрал *эту специальность*, потому что *эта специальность* нравится мне, и *эта специальность* дает человеку здоровье» (ФФК1 ДО).

Кроме того, обращают на себя внимание свойственные как для устной, так и, к сожалению, для письменной речи студентов сочетания плеонастического характера: «…языки, на которых я не говорю и не мыслю вообще или в *очень минимальном* количестве», «…он может найти *общий контакт*» (ФФ4 РДО); «…текст адресован *массовым людям*» (ФФ4 РЗО Туймазы); «В наше время *обязательно надо* высшее образование» (ХГФ4 ЗО Стерлитамак); «С 3-го класса изучаю английский язык, но все же не могу им *свободно владеть без помощи словаря*», «Моими *увлечениями* являются спорт, танцы, вокал, гитара. Мое *хобби* слушать музыку» (ФФК1 ДО). Нередкими являются контексты, содержащие тавтологию и плеоназм одновременно, примерами того могут служить выражения типа: «…необходимо было *более глубже углублять* замысел…» (ФФ4 РДО); «…доминируют нейтральная тональность и *скрытый подтекст*» (ФФ5 РЗО Белебей). Вышеперечисленные речевые недостатки, скорее всего, обусловлены бедностью словарного запаса студентов, не все испытуемые, к сожалению, способны четко и лаконично излагать свои мысли, формировать полноценные высказывания.

Встречаются в работах студентов и неоправданные повторы одних и тех же слов. На наш взгляд это является следствием обычной невнимательности («…следует *проявлять проявлять* толерантность…» (ФФ4 РДО), либо свидетельствует о малом объеме оперативной памяти респондентов («…*сейчас* проблема безопасности жизнедеятельности очень актуальна *сейчас*» (ФФК1 ДО); «Если говорить об отношении к родному языку, то *оно* плохим *оно* быть не может» (ФФ4 РДО); «Текст призван *воздействовать* эстетически *воздействовать* на читателя» (ФФ5 РЗО Белебей). Вероятно, также данный факт отражает специфику мышления студента-монолингва, не владеющего свободно русским языком («*Родился* 20 апреля 1982 года *родился* в Чечне» (ФФК1 ДО).

Многие лексические ошибки обусловлены небрежностью в выборе того или иного слова. Например, высказывания типа: «…я отношусь терпимо к людям другой национальности, *говорящим на* неродной для меня *речи*» (ФФ4 РДО); «…я могу *повысить* свои *способности* в живописи…» (ХГФ4 ЗО Стерлитамак) – отличаются нарушением лексической сочетаемости. Смешение паронимов обнаруживается в

следующих фразах: «С 7-го класса я занимаюсь баскетболом, эта игра очень *увлекающая*», «Раньше я увлекалась дзюдо, а сейчас *пробую усвоить* лапту» (ФФК1 ДО). В выражении «…я училась в таком классе, в нем не было *собранности*, каждый сам за себя» (ХГФ4 ЗО Стерлитамак) употребляется слово в несвойственном ему значении, подобную речевую ошибку можно отметить в контексте «Я хочу повысить свою *классификацию* в спорте» (ФФК1 ДО), в данном случае на выбор слова оказала влияние звуковая близость, искомой и реализованной единицы. Недочеты такого рода проявляются в ситуации, когда студенты создают письменные работы в спешке, рано прекращая поиск слова, не точно выражающего заданный смысл.

В исследуемом фактическом материале довольно часто встречается такая классическая ошибка, как речевая недостаточность, то есть пропуск необходимых слов в предложении: «Текст развивается на протяжении двух дней…» (ФФ5 РЗО Белебей); «Окончила гимназию недалеко от своего дома» (ХГФ4 ЗО Стерлитамак); «Я поступил в этот вуз, потому что мне нравится профессия педагога и что я люблю спорт», «В настоящее время спорт начинает в нашей стране и мы вносим свою лепту в этот процесс», «Как окончил школу, так поступил в БГПУ» (ФФК1 ДО).

Следует также подчеркнуть, что не менее частотными являются и отступления от действующих грамматических норм литературного языка в письменных высказываниях студентов. Это, во-первых, недочеты, связанные с неверным формообразованием: «В конце *двухтысяча третьего года* приехал в Башкирию…» (ФФК1 ДО); словообразованием: «Подтекст: *недовольствие* рабочего класса» (ФФ4 РЗО Белебей); «…надо *образовываться*, «ловить момент» (ХГФ4 ЗО Стерлитамак) Во-вторых, встречается целый ряд синтаксических ошибок, в частности, нарушение грамматических связей в предложении: а) несоблюдение норм согласования: «…*мой родной язык* я считаю русский» (ФФ4 РДО); «…это *мажорный тональность*» (ФФ4 РЗО Туймазы); «Характерной *чертой стиля* научной работы является *ее* насыщенность терминами» (ФФ5 РЗО Белебей); «…владею двумя *языками: татарский, русский*» (ФФК1 ДО); б) ненормативное использование конструкций управления: «…каждый язык индивидуален и *кому-то является* самым *родным*» (ФФ4 РДО); «В тексте показывается *процесс и результат творческой высказывании*» (ФФ4 РЗО Туймазы); «Я хотел бы задать следующие *вопросы к преподавателю*…» (ХГФ4 ЗО Стерлитамак); «БГПУ выбрал как наиболее *подходящий себе* университет» (ФФК1 ДО); в) отсутствие грамматической связи между подлежащим и сказуемым: «*Образ автора показана* через картину окружающего мира» (ФФ5 РЗО Белебей). Подобные ошибки характеризуют в основном речь студентов-билингвов или нерусских монолингвов и обусловлены грамматической интерференцией.

Неоправданное нарушение структурных границ предложения

(парцелляция), обнаруживается, например, в следующем высказывании: «…школа, в которую я была зачислена, мне не понравилась. Ни то, как преподавали, как относились учителя к ученикам и ученики между собой» (ХГФ4 ЗО Стерлитамак).

Неверное построение сложных предложений, инверсионный порядок слов, неполнота высказывания – это типичные речевые ошибки в письменных работах студентов: «И так как человек на нем думает, следовательно этим языком он владеет лучше» (ФФ4 РДО), «Так как мои родители работают преподавателями в школе, и я пошел по стопам своих родителей» (ФФК1 ДО); «В *совершенстве почти* я владею только русским языком…» (ФФК1 ДО); «Родным языком я считаю тот язык своей страны, на котором говорю с детства, но так как в нашей стране люди разговаривают на разных языках: башкирском, татарском и многих других языках» (ФФ4 РДО).

Бедность и однообразие синтаксических конструкций свидетельствуют о неумении пишущего выразительно излагать свои мысли и о стандартности его суждений: «Мои впечатления о вузе только прекрасные. Преподаватели отличные. Мои интересы к людям хорошие» (ХГФ4 ЗО Стерлитамак).

Определенную примитивность мышления, неумение создавать оригинальные глубокие высказывания иллюстрируют языковые единицы типа: «…изучая чужие языки, ты изучаешь их культуру…Чужие языки меня очень интересуют тем, как они изданы, почему пишутся так, а произносятся по-другому…» (ФФ4 РДО); «Предметом обсуждения в тексте, содержательным ядром всего текста является ключевое слово «Первомайский эфир», сохраняющее свое единство на протяжении всего текста» (ФФ4 РЗО Туймазы); «Скрытое состояние текста, возникающее в процессе взаимодействия воспринимающего текста» (ФФ4 РЗО Белебей); «Значимость данного текста подтверждает участие президента, многих регионов, гостей из Москвы», «…время дает понять дата 1907 год» (ФФ5 РЗО Белебей); «Помимо того, как я не готовлюсь к сессии и работаю, я все-таки интересуюсь поэзией…» (ХГФ4 ЗО Стерлитамак); «Кроме русской лапты я слушаю музыку, смотрю телевизор и очень люблю поспать», «…университет, в котором я бы с удовольствием учился и постигал новые знания по своим любимым предметам и по окончании которого с гордостью мог продолжать дело педагогов своего деда и бабушки учить детей. А благодаря своим физическим способностям, я выбрал факультет физической культуры» (ФФК1 ДО).

Некоторые контексты демонстрируют слабое владение студентов стилистическими ресурсами языка: «…изучение других языков – это помимо *полезности* еще и интересно», «В семье разговариваем только на русском языке, а в деревне у бабушки – *чисто* на башкирском, так как она не понимает» (ФФ4 РДО); «Современное поколение учеников…

максимально *загружено* различной информацией», «До сих пор вспоминаю свою первую учительницу, свой светлый класс, нашу дружную и веселую *кучку* мальчишек и девчонок», «…много обманывали, *не оправдывали мое доверие*» (ХГФ4 ЗО Стерлитамак); «*По жизни* я увлекаюсь спортом», «Моя цель – *набраться* опыта и передать его детям» (ФФК1 ДО). В текст научного стиля говорящими неоправданно включаются разговорные слова, словосочетания и конструкции.

Обобщая результаты данного исследования, необходимо отметить, что в письменных работах студентов чаще других встречаются ошибки, связанные с нарушением содержательности и точности речи. При отступлении от грамматических норм литературного языка выявляются следующие недочеты: неверное формообразование и словообразование, нарушение грамматических связей и структурных границ в предложении, неправильное построение сложных конструкций, инверсионный порядок слов, неполнота высказывания. Среди стилистических ошибок преобладает неоправданное употребление в научной речи разговорных форм. Выше перечисленные речевые недостатки проявляются как в работах респондентов нефилологических специальностей, так и в работах студентов-филологов, и, вероятно, они обусловлены влиянием устной разговорной формы литературного языка на его письменную разновидность.

2.8. Ценностные ориентации как субъективная составляющая сознания языковой личности[29]

Важными компонентами мотивационно-потребностной и когнитивной сфер языковой личности являются ценностные ориентации, которые зачастую представляют собой результат становления и развития мировоззренческих взглядов говорящего, что обнаруживается в его жизненных приоритетах, целевых установках, интересах, а также оценках относительно окружающей действительности и самого себя. Благодаря наличию ценностных ориентаций, закрепленных в сознании, индивид способен дифференцировать разнородные объекты с точки зрения их значимости в момент совершения конкретного коммуникативного акта.

---

29 Автор – Ю.С. Фомина. Статья впервые опубликована в сборнике материалов межрегиональной научной конференции «Актуальные проблемы общего и регионального языкознания», посвящённой 30-летию кафедры общего языкознания. – Уфа: Издательство БГПУ, 2011. –С. 106-110.

Исследование выполнено при финансовой поддержке федеральной целевой программы (ФЦП) «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы – «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области гуманитарных наук». Тема НИР: «Этноконфессиональная история и языковое наследие народов Урала».

Так, при выявлении ценностных ориентаций студентов использовался прием ранжирования: испытуемым было предложено разместить 15 общечеловеческих понятий в порядке убывания их значимости. Ядро ценностей исследуемой личности составляют такие понятия, как *здоровье* (студенты всех факультетов ставят его на 1 место), *любовь* и *семья* (им отводится то 2, то 3 место). Другой значимой категорией остается *дружба* (2-8 места). В век войн и терроризма важным для студентов является понятие *мир (не война)*, его ставят на 4-8 места. *Образование* в иерархии ценностей студентов занимает 3-7 места, поскольку оно особенно престижно в современном мире. Периферию шкалы ценностей формируют такие понятия, как *политика* (16-20 места), *сохранение нации* (14-19) и *развлечения* (14-18).

Место той или иной категории в иерархии ценностей исследуемой личности нередко обнаруживает зависимость от специфики и профессиональной направленности факультета. К примеру, студенты естественно-географического факультета *экологию* ставят на 11 место, тогда как испытуемые других специальностей – на 12-17. Студенты-художники ценят явления *культуры* (5 место), а студенты факультета физической культуры важное место отводят *спорту* (9), для прочих же респондентов *спорт* не имеет столь существенного значения (15-20). Сравнение ценностных ориентаций студентов-филологов показало, что для старшекурсников уменьшается значимость *интересов общества* (ср. ФФ 1к – 10, а ФФ 5к – 15), *образования* (ФФ 1к – 3, а ФФ 5к – 6), *карьеры* (ФФ 1к – 9, ФФ 5к – 11) и *спорта* (ФФ 1к – 15, ФФ 5к – 18. Бо'льшую значимость приобретают *деньги* (ср.: ФФ 1к – 11, ФФ 5к – 7) и *секс* (ср.: ФФ 1к – 17, ФФ 5к – 10). Подобная динамика прослеживается и у студентов факультета иностранных языков.

Таким образом, обнаруживается взаимозависимость между ценностными ориентациями и потребностями личности[30], причем сопоставление тех и других с преобладающими жизненными сферами говорящего позволяет обозначить доминирующую направленность индивида в данный момент его существования. В виду сказанного следует отметить, что период обучения в вузе становится важным этапом развития личности, поскольку он связан с самоопределением, поиском смысла жизни, формированием ценностных приоритетов, выбором профессиональной деятельности. В это время индивид выстраивает свою жизненную траекторию, исходя из имеющегося личного и социального опыта, особенностей восприятия окружающей действительности и наличия в сознании некоторого набора ценностей как субъективно значимых компонентов, обусловливающих тип поведения человека в обществе. Язык

30 Ценностные ориентации вызывают у индивида потребность в деятельности, поскольку они содержат элементы мотивации и отражают эмоционально-смысловое отношение к миру.

же выступает средством описания и фиксации, тех мотивов, потребностей и целей деятельности, которые занимают центральное положение в содержании сознания языковой личности студента.

О мировоззрении и ценностных ориентациях студентов свидетельствуют оценочные реакции. Например, стимул *русский* вызвал ассоциации, содержащие позитивную оценку качеств, поведения и образа жизни представителей русского народа: *патриот* 7, *добрый* 5, *человек широкой души* 2, *мудрый* 1, *щедрый* 1. Мелиоративная оценка выражается также следующими существительными и наречиями: *душа* 12, *сила* 3, *гордость* 2, *единство* 1, *находчивость* 1, *смелость* 1. Кроме того, ряд ответов испытуемых связан с положительной оценкой русского языка: *правильный* 1, *сложный и богатый язык* 1 (оценка синкретична).

Однако немало реакций свидетельствует об отрицательной оценке русских и их деятельности. Выделяются: а) прилагательные и глаголы – *ленивый* 1, *непостоянный* 1, *пьяный* 1; б) существительные и наречия – *кризис* 2, *апатия* 1, *меланхолия* 1, *неудача* 1, *разложение общества* 1. Следует констатировать, что, вопреки достаточно распространенному в обществе представлению о преобладании негативной оценки всего русского и самих русских, наш материал показывает обратное: доминирует положительная оценка (91 к 22), причем русские монолингвы, а также билингвы и полилингвы положительные и отрицательные реакции привели примерно в одинаковых пропорциях.

Интерес представляют оценочные ассоциации, возникшие в результате восприятия стимула *электорат*, всего 37% из них можно отнести к положительным: *большие люди* 1, *верхушка общества* 1, *знатоки* 1, *умы человечества* 1 (возможно, в двух последних реакциях заключена ирония). Негативные оценочные реакции студентов кажутся вполне оправданными в период становления в нашей стране демократии, они обнаруживают оборотную сторону выборов (отрицательные ассоциации составляют 63% от общего числа ответов, приведенных на стимул *электорат*): *борьба за власть* 1, *бюрократия* 1, *казнокрадство* 1, *коррупция* 1, *фальсификация* 1, *черный пиар* 1. Сам электорат оценивается противоречиво и вызывает в испытуемых сложные чувства: *ведомые* 1, *ищущие* 1, *обездоленный* 1, *отвращение* 1, *толпа* 1, *сборище* 1.

Относительно лексемы *ноктюрн* респондентами были даны положительные оценочные реакции. Среди них зафиксировано одно наречие – *тонко* 1, бо'льшую же группу составляют имена существительные и прилагательные: *душа* 1, *утонченность* 1; *впечатляющий* 1, *необычное* 1. Стимул *боа* породил в сознании студентов ряд реакций, содержащих позитивную оценку. Посредством одних лексем передаются эмоции, чувства, ощущения, вызванные элементом одежды *боа*: *красивый* 8, *шикарное* 5, *изысканность* 1, *экстравагантность* 1. Другие реакции положительно оценивают индивидов (*красивые девушки* 1)

или представителей отдельной группы, функционирующей в рамках целого общества (*элита* 1), выделяя присущее им качество (*элегантная* 1). Ответ *красивое, модное слово* 1 отсылает нас к формальному аспекту единицы *боа*, включая ее в то же время в социальный контекст употребления. Негативная оценка преобладает в реакциях, выражающих неодобрительное отношение к людям определенного общественного класса (*буржуи* 1, *дамочка* 1, *фифочка* 1), приметами которого являются *излишество* 1, *разврат* 1 и *вычурность* 1.

Положительную оценку содержит большинство реакций, полученных на слово *китап*: *интересная* 2, *наследие* 1, *познавательная* 1, *радость* 1, *святыня* 1, *хорошая* 1. Эти ассоциации учитывают содержательную сторону предмета и указывают на его ценность с точки зрения функциональной значимости. Лишь два ответа имеют отрицательную оценку – *му́ка* 1 и *ужас* 1. Они, скорее всего, обусловлены процессом обучения респондентов в вузе, в частности связаны с его сложностью. Данные реакции были отмечены студентами-первокурсниками факультета иностранных языков и физико-математического факультета, которые, вероятно, еще не успели перестроиться и принять новые для них условия учебной деятельности. Стимул *йорт* вызвал следующие реакции: *тепло* 14, *уют* 13, *убежище* 3, *понимание* 1, *спокойствие* 1; а слово *ярар* – *отлично* 5, *замечательно* 1, *прекрасно* 1, к последним примыкают ассоциации *мир* 2, *дружба* 1, *успокоение* 1, так как они описывают ситуацию, царящую дома, в семье и в обществе в целом – согласие. Несомненно, эти реакции характеризуются как позитивные. Негативную оценку выражает ассоциация *невежество* 1, возникшая в сознании испытуемого на стимул *барыбер*; возможно она фиксирует недостаток знаний респондента в области башкирского языка. В целом башкирским лексемам в большей степени присуща положительная оценка: из 79 оценочных ответов лишь 3 содержат негативную оценку.

Итак, оценка, входящая в содержание прагматикона языковой личности, обусловлена восприятием действительности говорящим и его отношением к различным проявлениям окружающего мира: любая новая информация воспринимается индивидом субъективным образом, то есть осмысливается и закрепляется в сознании исходя из имеющегося опыта, устоявшихся понятий и представлений, отраженных в значимых единицах языка. Оценка помогает ориентироваться человеку в изменяющихся условиях, в том числе в процессе коммуникативной деятельности, когда язык используется в качестве особого значимого средства, способствующего урегулированию отношений между говорящими и созданию атмосферы положительного общения.

2.9. Мотивационные аспекты школьного жаргона[31]

Исследование жаргона как явления, которое либо игнорировалось, либо строго «запрещалось» советской лингвистикой, далеко от исчерпывающего. Вместе с тем жаргон – один из естественных способов существования общенационального языка, настолько живучий в условиях максимальной дифференциации общества и одновременно влиятельный в периоды демократизации и либерализации языковых вкусов, что полное его истребление абсолютно невероятно (ср. точки зрения в [4, с. 33], [24, с. 50]). Следует не прятать голову в песок, а всесторонне изучать феномены субъязыков и жаргонизации речи, их отрицательные и положительные стороны, чтобы грамотно осуществлять воспитание, направленное на регулирование использования жаргонных средств учащимися и студентами, вовлеченными в процесс социализации. Как отмечает М.А. Грачев, из-за малого числа словарей жаргонов и глубоких специальных исследований «будущие учителя-словесники выходят практически неподготовленными в этой области русского языка: они не только не знают, как бороться с вульгарными элементами молодежного жаргона, но и не знают самих жаргонных слов, их специфики» [17, с. 5].

Существует целый ряд работ, в которых освещаются различные аспекты социально-языковой вариативности (см., например, труды Е.Д. Поливанова, В.М. Жирмунского, Л.В. Щербы, Д.С. Лихачева, Б.А. Ларина, В.Д. Бондалетова, Л.И. Скворцова, И.А. Стернина, Л.П. Крысина, А.Т. Липатова, М.О. Копыленко, Э.М. Береговской, Е.Г. Борисовой, Т.Г. Никитиной, В.С. Елистратова и др.), тем не менее о нерешенности многих проблем в данной области научного знания красноречиво свидетельствует разнобой в интерпретации ключевых понятий. Термины «жаргон», «арго» и «сленг» либо синонимизируются, либо дифференцируются по одним и тем же параметрам – по статусу обозначаемых ими явлений в системе языка и в речи, по сфере и цели использования этих явлений, по способам их формирования и развития, характеристике их носителей и др. Так, например, жаргоном называется то сленг или арго, то разновидность разговорной речи, сниженный стиль, то «особый язык» или социальный диалект, язык социальных групп, используемый с целью обособления, или групп, «объединенных антиобщественной деятельностью» и т. д. (ср. [50, с. 461], [6, с. 84], [16, с. 82], [41, с. 216], [31, с. 3], [34, с. 191], [37, с. 105], [40, с. 92] и др.). Не вступая в терминологическую дискуссию, остановимся на определении жаргона как варианта (подсистемы) языка отдельных социальных групп, объединенных общностью занятий, интересов, социального положения,

31 Автор — Е.Е. Хазимуллина. Материалы впервые опубликованы в журнале «Русский язык в школе». – 2009, № 4. – С. 90-96.

профессии или возраста, бытующего в основном в устной форме речи и состоящего из ограниченно-употребляемых слов и выражений (имеющих, как правило, синонимы в литературно-разговорном языке).

Целью данного исследования является анализ мотивационных аспектов школьного жаргона – специфической языковой подсистемы, используемой учащимися школ, лицеев, колледжей, входящей в состав молодежного жаргона и активно взаимодействующей с другими его разновидностями. Исходя из понимания мотивированности (разрабатываемого нами в рамках общей теории мотивации языка) как (взаимо-) обусловленности формальных, семантических, значимостных и функциональных свойств языковых и речевых единиц, а также обусловленности этих видов языкового знания субъективными и объективными представлениями человека о действительности, его витальными, социальными потребностями и психофизиологическими возможностями, следует заключить, что школьный жаргон многократно мотивирован. Именно это свойство обеспечивает его жизненную силу. Рассмотрим психологическую, семиотическую, когнитивную и функционально-коммуникативную основы мотивированности школьного жаргона.

В научных описаниях доминирует указание на три причины формирования жаргонов молодежи: 1) стремление молодых людей кооперироваться с себе подобными (прежде всего на основе общности интересов, занятий, возраста); 2) желание обособиться от остальной, взрослой части общества (это своеобразный протест против назидательности родителей, учителей, против социальных, этических, эстетических, языковых и других условностей); 3) дань возрасту, моде[32] (поэтому считается, что со временем жаргонизмы исчезают из речи молодежи. Последнее не вполне соответствует действительности (см. [17, с. 12]). Однако психосоциолингвистическое исследование, проведенное нами в аспекте динамики употребления жаргонизмов учащимися 5 и 11 классов[33] в сопоставлении с имеющимся словарным материалом, показало, что существование, функционирование и развитие школьного жаргона определяется не только этими, но и многими другими факторами. Не

---

32 Весьма общая формула «дань возрасту» может включать в себя самые разнообразные причины, например, первые две из названных. Фактор моды действительно играет важную роль не только в формировании жаргонов, но и в функционировании других вариантов общенационального языка, что дает возможность сознательной манипуляции некоторыми количественными и качественными их параметрами.

33 В качестве респондентов выступили учащиеся лицея (всего 81 человек: 50 пятиклассников и 31 одиннадцатиклассник). Применялись методы опроса, анкетирования, наблюдения и направленного психолингвистического эксперимента. В сборе оригинального языкового материала принимал участие О.М. Хазимуллин (школьник), написавший под руководством автора данной статьи научную работу «Школьный жаргон учащихся лицея № 123 г. Уфы».

случайно школьный жаргон имеет очень пестрый, гетерогенный состав, постоянно пополняемый, помимо **школяризмов**, единицами **литературно-разговорного языка**, употребляемыми в переосмысленных значениях (например: *аквариум* ‘школьная раздевалка с пластиковыми окнами’, *белила* ‘жидкость для корректирования записей’, *гнуть* ‘воспитывать, требовать послушания, дисциплины’[34], *олень* ‘юноша, подросток’, *сдуть* ‘списать’), единицами **других жаргонов и арго** (**общемол**.: *жесть* ‘хороший, отличный’, ‘плохой, ужасный; ерунда’, *квасить* ‘пить алкогольные напитки, пьянствовать’, *клеиться* ‘знакомиться с кем-либо, ухаживать за кем-либо’, *прикалываться* ‘смеяться над кем-/чем-либо; высмеивать кого-либо’, *прикид* ‘(модная) одежда’, *тело* ‘человек’; **студ**.: *бомба* ‘шпаргалка с полным ответом на вопрос’, *валить* ‘необъективно оценивать знания, придираться’, *забить, закосить, задинамить* ‘пропустить занятие’, *(по пояс) деревянный* ‘глупый, несообразительный человек’; **комп**.: *комп, компук, компутер, компухтер, железо* ‘компьютер’, *мыло* ‘электронный адрес (E-mail)’, *чатиться* ‘общаться в чате’, *Ася, Аська* ‘компьютерная программа мгновенных сообщений’, *бродилка, стрелялка, стратежка* – разновидности компьютерных игр; **арго**: *бабки* ‘деньги’, *кипеж/кипеш* ‘галдеж, шум, драка’, *телка* ‘девушка’ (в арго – ‘доступная девушка’), *чувиха* ‘девушка, молодая женщина’, ‘проститутка’, *урка* ‘агрессивный подросток’ (в арго – ‘профессиональный преступник, вор’), *хилять* ‘прогуливать занятия’ (в арго – ‘идти куда-либо’); **нарк**.: *чума* ‘что-либо неординарное, производящее сильное впечатление’ (в жаргоне наркоманов – ‘кокаин’), *глюки* ‘галлюцинации’, *улет* ‘восторг, состояние эйфории’, а также в функции междометия, выражающего восхищение); **заимствованиями** из других языков (преимущественно из английского, а на территории Башкортостана – и тюркских), которые адаптируются в пределах жаргона: *блуевый* ‘синий’ (<англ. *blue*), *кисоваться* ‘целоваться’ (<англ. *to kiss*), *крезанутый* ‘сумасшедший, подобный сумасшедшему’ (<англ. *crasy*), *лузер* ‘неудачник; проигравший’, ‘двоечник’ (<англ. *loser*), *пипл(-ы)* ‘люди’ (<англ. *people*), *пэренты* ‘родители’ (<англ. *parents*); **тюркизмы**: *кызларки* ‘девочки, девушки’ (= *девчонки*), *апайки* ‘девушки, женщины башкирской или татарской национальности’, *аллаярки* ‘девушки, одевающиеся, ведущие себя по-деревенски’, *по-аллаяровски* ‘по-деревенски’, *по-айбатовски* ‘хорошо’, *утырок* ‘мальчик, юноша’ (= *пацан*), *курултай* ‘большая толпа, сборище людей; тусовка’, *урман* ‘общежитие техникума лесного хозяйства’, *киляй отсюда (отсюдова / отседова)* ‘иди отсюда’, *башка* ‘урок башкирского языка’, *батыр, башка, кирдык башка, башкарь, башкарик, башкур* ‘учитель башкирского языка’, *классса* ‘классная комната’ и др. Подобная

34 Толкования ряда жаргонных единиц даются с опорой на словари [17], [31], [18], [49], часть из них имеет коррективы с учетом регионального материала.

лексическая гетерогенность мотивирована относительной открытостью системы школьного жаргона, разнообразием потребностей подростков, их восприимчивостью к различным пластам культуры. Диапазон элементов, приспособленных для общения, и экспрессивно-оценочная палитра когнитивного пространства современного школьника впечатляет.

Необходимо подчеркнуть, что, поскольку отдельные жаргонизмы встречаются и в речи учеников начальной школы, в массе своей еще находящихся под опекой родителей, нельзя считать первопричиной распространения жаргона сепаратистскую потребность, которая часто вызывает раздражение общественности. Попадая в новую среду, дети с самого начала стремятся к взаимодействию, к установлению контакта с другими членами группы; естественно, что, впитывая правила и способы внутришкольной коммуникации, они осваивают пригодные для нее средства, выработанные старшими поколениями. «По образу и подобию», с учетом собственных целей, новички создают дополнительные жаргонные единицы (что обеспечивает развитие жаргона), и факторы подражательности, романтики, моды, потребность молодых людей «быть на гребне волны» – выглядеть оригинальными, «стильными», «продвинутыми», т. е. такими, как их старшие товарищи, пользующиеся «особым языком», – играют не последнюю роль в этом процессе. Таким образом, жаргон, выполняющий в первую очередь коммуникативную функцию, – это один из способов социализации подростков, их адаптации при вхождении в те социальные группы, к которым они принадлежат в силу своего основного занятия – получения образования, а также в силу возраста, статуса и интересов.

Внутригрупповой контакт необходим школьникам не только для осуществления совместных социально-ритуальных действий, но и, что немаловажно, для формирования единого когнитивно-эмоционального, ценностного пространства, многие элементы которого обозначаются исключительно с помощью специфических, жаргонных средств – в виду отсутствия у них общей социальной значимости (например, *бомба* – в указанном выше значении, *проезжать* ‘незаслуженно получать хорошие оценки’, *колбаситься, отрываться, оттопыриваться, плющиться* ‘приятно проводить время (в компании), получать удовольствие’[35], *быть в теме*[36] ‘знать о чем-либо, быть в курсе; понимать’, ‘быть модным, оригинальным, ярким’; ср. также значимость членов парадигмы: *метелка – мочалка – овца – телка – герла – чикса – чувиха – кызларка – апайка – аллаярка – чмара* и т. п.). Потребность подростков во взаимопонимании, интеллектуальном и эмоциональном резонансе, необходимых для формирования их собственного «я», отношения к окружающим,

35 С потенциальной семой ‘бездельничая’.

36 Данное выражение имеет отношение преимущественно к общению молодых людей.

мировидения, мотивирует выработку номинативных средств, выражающих нюансы мыслей, чувств, ощущений молодых людей, их ценности, – отличных по форме и значению от знаков общенародного «коллективного бессознательного». Большинство слов и выражений школьного жаргона – результат семантической и-или формальной деривации единиц, существующих в других подсистемах. Такая направленность речетворчества, обусловленного активной познавательно-оценочной деятельностью школьников, их стремлением к самовыражению, языковой игре, способствует, во-первых, дополнительной категоризации когнитивной картины мира, во-вторых, актуализации потенциальных возможностей языка и, в-третьих, укреплению структурно-семантических и функциональных связей между его единицами. Следовательно, жаргон, имея, конечно, некоторые специфические свойства, развивается по общим принципам языковой системы.

Речетворчество в целом активнее проявляется в речи учащихся средней школы: для наименования 50 школьных реалий пятиклассники лицея используют 316 жаргонных единиц, в то время как одиннадцатиклассники обходятся 97. Учащиеся 5 классов в большей степени переосмысливают значения слов, обыгрывают их звучание, морфемную структуру, см. примеры в следующей таблице:

Реалии школьной жизни	5 классы	11 классы
музыка (школьный предмет)	*музон, музыкалка, музо, музыч, музич, музик, музык, музка, муз*[37]	*песни*
рисование (школьный предмет)	*изошка, изожка,* ***ИЗО****, шизон, художка, рисовалка, тяп-ляп*	***ИЗО***
информатика (школьный предмет)	*информ, информа, информатиш, форматик, инфорка,* ***инфор****,* ***инфо****, инф, компы, информатический мат*	*инфа,* ***инфо, инфор****, инфотика, компы*
технология (школьный предмет)	*техноложка, тех, техника, техно, техно эксперт*[38]*, техн, технарь, техничка, тухни*	-
преподаватель по ОБЖ	*Осторожно беременная женщина, Беременная женщина, обэжечка, обэжешка, обэжейка, обож, экстремалка*	*обэжешник, полковник*
преподаватель по истории	***историчка****, истеричка, исторька, истир, иторика*	***историчка***
классная комната	*хата, класска, класста, КК, комната пыток, тюрьма, классный дом, скучниха*	*кабинка, дом родной*

37 Слова в таблице располагаются в порядке убывания частотности. Жирным шрифтом выделены одинаковые единицы в жаргоне учащихся старших и младших классов.
38 Здесь прослеживается влияние рекламы.

столовая	***столовка***, *жрачка, хавалка, рыгаловка, комната жрачки, жравая, комната харча, харчевня, дурацкий ресторан, магазин*	***столовка***
туалет	***тубзик, сортир,*** *тыбзик, тубзалет, тубзиалет, тубзаолет, тубзиг, тузик, срач*	***сортир***, *толчок, санузел,* ***тубзик***, *КПЗ, курилка*
завуч	*заучка, завучка, завучиха, зауч, гауч, учка, крутая женщина*	*Ob*[39]
единица	*колышка, палочка, колок, колики, калаш*	-
двойка	***двояк***, *двойбан,* ***лебедь***, *лебедок*	***двояк***, ***лебедь***, *банан, цвайка, параша*
тройка	***трояк, тройбан, троебан***, *тройбац, тронца, тройбат*	***тройбан, трояк***, ***троебан***, *треха, трио*
четверка	***четвертак***, *четверняк, четверть, four, сечире, чичири*	***четвертак***, *четвертуха, забор*
пятерка	***пятак***, *пятка, пятифен*	***пятак***, *пятатиф, Я помню чудное мгновенье*

Целью семантической деривации в школьном жаргоне становятся конкретизация, индивидуализация понятий о предметах и явлениях (учитель НВП – *воевода, ефрейтор, подпол, подполковник, подполковнег, зеленый, хаки*); их образное наполнение (ср. наименования отличника: *ботаник, ботанег, ботан, ботанка, зубрила, заучка, букварь, Пушкин, борода, вундеркинд, молорик, пяточник, чувак*; директора – *дирек (дирик), диря, диряга, палач, убийца, мэр (школы), начальник, голова, чурбан, сатана, кок, главный отстой*), юмористическое (учитель физкультуры – *чемпион, Фи-Фи*; музыки – *диджей*; биологии – *БИОС, зеленая*; информатики – *принтер, винчестер, зомби, информат-примат*; рисования – *кисточка, кисть*; английского языка – *англичанка-чунгачанга*), эмоционально-оценочное (классный руководитель – *классуха, класснуха, классрук, классручка, клоска, мама, папа, ругатель, мучительница*; учительская – *дворянское гнездо, осиное гнездо, курятник, террариум, серпентариум, нора, училовская, училашник, гнидовская, смерть, сбор денег*). Считается, что жаргонные наименования уступают литературным в точности (см. [16, с. 84], [7, с. 49]). Во многих случаях это верно, например семантически диффузное слово *лох*, по данным нашего опроса, может выражать значения ‘неуважаемый член общества’ (= *опущенный, чмо, отстой*), ‘неудачник’ (= *лузер*, хуже лузера), ‘глупый человек’ (= *недоразвитый, придурок, дурак, идиот, дебил, тупица, даун*),

39 Номинация осуществляется по англизированному, под влиянием рекламы, имени, отчеству завуча: Ольга Владимировна.

‘непорядочный человек’ (= *козел*); словосочетание *забить стрелку* – ‘назначить встречу’, ‘назначить время драки’, ‘поругаться’, ‘сделать вызов, вызвать на драку, договориться о драке’, ‘драться, избивать’ (= *мочить*), ‘разбираться, разобраться’, ‘разборки’. Ср. также слова со слабой внутренней формой (*фуза* ‘физкультура’, *инка* ‘английский язык’, *тухни* ‘технология’), с энантиосемией (*жесть, ништяк, молорик* ‘отличник’, ‘двоечник’) и характерную омонимию жаргона, которая не всегда снимается контекстом речи: *палач* – ‘учитель’, ‘директор школы’, *тюрьма* - ‘школа’, ‘классная комната’, *матем* – ‘математика’, ‘учитель математики’ и т. п. Вместе с тем в школьном жаргоне есть наименования, которые более адекватно, с точки зрения его носителей, характеризуют обозначаемые предметы и явления, создают конкретные образы, выражают эмоциональное отношение и оценку: завуч – *гавуч, учка, зовка*, спортзал – *зал кошмаров, зомбяк, потик*, классная комната – *скучниха*, школьная столовая – *рыгаловка*, дискотека – *дрыгалка, скачки,* математика – *мат, хамство*[40]. Уточняющей категоризации служат и многочисленные прозвища учеников и учителей (примеры см. ниже). Жаргону, как и другим вариантам языка, одновременно присущи точность и диффузность семантики, различная степень ясности и парадоксальности внутренней формы, в нем так же, как и во всем языке, действуют принципы дейктичности и достаточной онтологичности наименований. Наличие синонимов в литературном языке заставляет видеть особые семиотические функции жаргонных единиц.

Формальные трансформации в жаргоне тоже мотивированы когнитивными, речетворческими и коммуникативными потребностями школьников. Поиск новых языковых форм продиктован стремлением подростков к преодолению официальных норм, запретов, к созданию оригинальных, ярких, образных, шутливых или же более точных, удобных, емких средств выражения их мыслей и чувств. Ср, например: *тусовка – тусняк, тус, туса, тусман, тусэ, тусовочка, туся; бабки – бабочки, бабульки, бабулечки, бабло, бабосы, бабосики; день рождения – днюха, учитель русского языка – русскоязычка, учитель рисования – рис, спортзал – спортивка*[41]. Часто, увлекаясь «эстетикой формы», молодые люди актуализируют фонетическую значимость элементов языка. Подобные эксперименты, несомненно оттачивают речевые навыки, языковое чутье

---

40 Два последних наименования мотивированы, помимо формального сходства начальных частей слов, стилем общения конкретного лицейского преподавателя с детьми.

41 Наряду с принципом экономичности в жаргоне действует и обратный принцип: *информатика – информатический мат, пятерка – Я помню чудное мгновенье, столовая – комната харча / жрачки, директор – главный отстой, завуч – крутая женщина.*

школьников[42], вместе с тем они способствуют задействованию огромного количества аффиксов, узуальных и окказиональных моделей словообразования, звукосочетаний, словосочетаний, а значит, – развитию языка, восполнению его формальных и семантических лакун, накоплению его ресурсов. Э.М. Береговская подчеркивает, что жаргон – это элемент, «необходимый живому, естественному языку для его нормального развития» [4, с. 33].

Итак, фрагменты картины мира, запечатлеваемые школьным жаргоном, отражают содержание жизни, стремления, предпочтения, вкусы (в том числе языковые) учащихся. Характерные черты таких фрагментов – динамичность, открытость, образность, эмоциональность, богатство, сложность ассоциативных связей (например, двоечник – *ягель, фарш*), а их несомненная гносеологическая ценность заключается в том, что они являются не только средством самовыражения, аффектации подростков, но и объективными катализаторами состояния общества. Многие жаргонные номинации могут быть признаны «социальными символами» (см. [42, с. 80]), сигнализирующими об актуальных явлениях и неблагополучии: сама школа называется *зоной, тюрьмой, каторгой, казенкой, адом, тьмой, помойкой, работой*, учительская – *сбором денег*[43]; в ряде случаев прослеживается влияние на русский язык рекламы (*Ob, техно эксперт, рускарт* ‘русский язык’), телевидения (*муз ТВ* ‘музыка’, *обож* ‘ОБЖ’), Интернета (*ботанег, гопнег, тубзиг, чат* ‘четверка’), английского языка (*скул* ‘школа’, *хистори / history* ‘история’, *инглиш* ‘английский язык’, *байолоджи* ‘биология’, *русиш, Russian* ‘русский язык’, *фриак* ‘троечник’, *four* ‘оценка четыре’). В языковой картине мира школьников отражаются также их возрастные особенности, к примеру, пятиклассники лицея, за редким исключением, не знают слова *квасить, бодун, кисоваться, реп, репка* ‘репетитор’, *курилка* ‘туалет’, хорошо известные учащимся 11 классов. Гендерные характеристики данной социальной группы проявляются в том, что девушки чаще употребляют слова *клевый, пупс*, а себя и друг друга они почти никогда не называют *герлами, телками, чиксами, чувихами* или *шмарами*; парни же, напротив, активно используют данные наименования девушек, друг друга они чаще характеризуют словами *чел, чувак, реальный пацан, олень, стадо оленей*, тогда как девушки предпочитают называть их *чукчами* и *гамадрилами.*

Потребность в обособлении у подростков возникает по мере обретения ими самостоятельности и накопления негативного опыта общения со сверстниками и взрослыми, прежде всего с учителями и

---

42 Некоторые авторы полагают даже, что жаргон «повышает культуру человека в целом» [Иванова 2007].

43 Современные школьники, находясь под прессингом родителей, связанным со сложностью поступления в вузы, ходят в школу, как на работу, проводят там почти весь день, а общую атмосферу, царящую в школе, оценивают негативно.

родителями. Уход от чуждой действительности в ту или иную субкультуру сопровождается неизбежными изменениями в социальном поведении молодых людей, постепенным превращением их культуры в «антикультуру». Именно процесс трансформации созидающего или же адаптивно-конформистского характера жаргона в нигилистски-разрушительный, связанный с употреблением грубых, вульгарных языковых средств, с резкой негативной оценкой, изображающих низменные явления, а не эпизодическое использование жаргонизмов чаще всего вызывает обоснованную тревогу общественности. Психологи, юристы, лингвисты неоднократно подчеркивали опасность влияния криминальной субкультуры на молодежь, ее поведение, речь. Практически все современные жаргоны сохраняют в той или иной мере связь с воровским языком, арго, школьный жаргон не представляет собой исключение (*зона, лох, чувак, чувиха, кент, кореш, замочить, клевый, тусоваться* и т. п.[44]). Однако не стоит путать причину со следствием: борьба со школьным жаргоном как таковым абсолютно бесполезна на фоне криминализации практически всех сфер социальной жизни современной России, а также безудержной поэтизации преступного мира в СМИ и киноискусстве. Следует помнить, что «чрезмерное употребление жаргонизмов в речи молодых людей, может быть признаком не только дурного тона: часто это признак каких-либо нездоровых веяний, связей» [17, с. 11]. Думается, что в свете сказанного более адекватным является понимание молодежных субкультур как «реакции на доминирующие системы ценностей» [30, с. 8].

Иерархическая структура социальных групп считается нормой. Заставляет задуматься то, что иерархия статусов учащихся – неотъемлемая часть школьного жаргона – по грубости, фамильярности и даже жестокости наименований напоминает проекцию криминальных субкультур, с четкой групповой стратификацией. Язык в этом случае – лишь отражение реального положения дел, рефлексия сложившихся межличностных отношений, потенциальной конфликтности, агрессивности школьников, их склонности к упрощению, конформизму, формированию стереотипов, которыми они руководствуются в построении взаимоотношений (ср., с другой стороны, стереотипы учителей: *двоечник, троечник, отличник, посредственность, звездочка, сорви-голова, оторви да выбрось, маменькин сынок, мажоры, тигры в клетке* и т. п.). В изучаемом лицее 34 единицы составляют иерархию статусов в пятых классах, 42 – в одиннадцатых. Обе иерархии основаны на признаках умственных способностей, внешности, нравственных качеств, характера, поведения учащихся; для 5 классов значимыми оказываются чувство юмора и возраст, для 11 – дружеские

44 Многие исследователи справедливо отмечают, в школьном жаргоне такие единицы, как правило, утрачивают «криминальный элемент» семантики.

отношения; в обеих иерархиях преобладают отрицательные статусы, что косвенно свидетельствует о дефиците любви и доверия в среде школьников: 5 кл. – ***ботаник***[45]*, ботан, заучка, зубрилка, и так и сяк, умственно отсталый, придурок, дурак, тупица,* ***тормоз****, пень, дерево,* ***дуб****, идиот,* ***дебил****, даун, отстой, баклан, баклажан,* ***лох****, клевый пацан, приколист, прикольный парень, юморист, красивый, очкарик,* ***жир****база №10,* ***спика*** (спичка)*, малявка, батон, предатель, хам*; 11 кл. – *автор* (авторитет), *реальный пацан, реальный чел, чел, чувак, парниша, кент, гоблин, гопник* (в спортивный штанах и с семечками), *чмо,* ***лох****, лохня, олень, подонок, кусок, мудак, дружбан, кореш, гламурный педик* (стильный парень), *Playboy, симпатяшка, пупс, клевая, чикса, дура набитая, дура крашеная, сучка крашеная, тыква,* ***ботаник*** *(ботанег),* ***тормоз****,* ***дуб****, дебилоид,* ***дебил****, молорик, дегрот, толстый,* ***жирный****,* ***бухенвальд****, егоза, жалкие люди.* Очевидно, статусы старшеклассников обозначаются более грубыми, вульгарными единицами; в иерархии пятиклассников, в силу их возрастной психологии, отсутствуют специальные наименования статусов девочек.

По справедливому замечанию Ф. Райса, «большинство современных подростков одновременно является смущенными юнцами в мире взрослых и относительно уверенными в себе, осознающими свой статус членами группы сверстников» [36, с. 310]. Испытывая потребность в самоутверждении и уважении, подростки доступными им способами стремятся завоевать престижное место в школьной иерархии, в том числе и с помощью активного употребления жаргонных средств; к сожалению, наименования статусов нередко выступают в их речи в роли вокативов. Потребности самоутверждения, самозащиты и одновременно манипуляции служат также многочисленные прозвища, которые школьники дают друг другу и своим преподавателям. Так, в речи пятиклассников лицея было выявлено 149 прозвищ учеников и 80 – учителей, у одиннадцатиклассников – столько же прозвищ учителей и 120 – учеников. По данной статистике, в среднем на каждого учащегося приходится по 3-4 прозвища и по два – на каждого учителя[46]. Прозвища – образные, эмоциональные (шутливые, дружеские, уважительные, уничижительные, пренебрежительные, фамильярные и т. д.) или оценочные знаки, эксплицирующие отношения людей друг к другу. Как языковой материал, прозвища являют собой результат речетворчества: кумулируя в себе социально значимое[47]

---

45 Совпадающие категории статусов 5 и 11 классов выделены жирным шрифтом.

46 Реальная картина такова: у одних учеников и учителей имеется от 1 до 7 прозвищ, тогда как у других их нет вообще.

47 Прозвища, подобно другим «социальным знакам», являются катализаторами общей культуры людей, их поведения, взаимоотношений, недостатков, ср., например, прозвища преподавателей: *Грубиянка, Злыдень, Потрошитель, Вампирша, Бухалыч, Алкаш, Лодырь.* Данные языковые факты наводят на размышления. С другой стороны,

мыслительно-эмоциональное содержание, они строятся по особым моделям, связанным с усечением, наращением, перестройкой компонентов структуры слова, переосмыслением их семантики (ремотивацией, метафоризацией, ложной этимологией), приданием им фонетической значимости, комбинацией всех этих трансформаций. Прозвищные номинации могут осуществляться по трансформированным имени, отчеству, фамилии человека (*Светик, Галка, Зухрушка, Машон, Ритапуз,* Соколова – *Сокол,* Марсовна – *Сникерсовна,* Лазарева – *Лазер,* Солянкина – *Солена, Соляра,* Ташбулатов – *Ташбулатик*), по его внешности (*Блондинка, Лохудра, Волосатик, Лысый, Бочка, Бочонок, Самовар, Плюшка, Поросенок, Шашлык, Тело, Глиста, Жертва Бухенвальда, Очкастый, Уши, Яйцеголовый*), по интеллектуальным и другим качествам, характеру, поведению (*Мозги, Кибергений, Историк, Приколистка, Картавый, Логопед, Зомбик, Бамбуча, Второе солнце, Ябеда, Алкашка, Еврей, Бомж, Zveruga, Страйк, Вездесущий, Маньячка*), по аналогии с животными (*Воробей, Гусь, Утка, Орел, Чиж, Корова, Ишак, Кабан, Свинюшка, Медвежонок, Бобер, Суслик, Крыса, Жаба, Змея, Тюлень, Рыба, Дельфин, Лобстер*), по аналогии с художественными персонажами, известными людьми (*Сивка-Бурка, Яга, Водяной, Али-баба, Петрушка, Алеша Попович, Чебурашка, Пятачок, Телепузик, Покимон, Тарзан, Ромео, Фиона (Зеленая), Мс Гарфилд, Элис, Жанна Ижевская, Цыкало*), по созвучию (Олег – *Лего, Аллигатор, Олегатор, Олигарх,* Родион – *Радиация, Радиация-мультипликация, Юля-пуля, Юлька-козюлька,* Выдрина – *Выдра, Выдрик,* Гончарова – *Гончар, Гончарка*) и т. д. В основе целого ряда прозвищ лежит достаточно сложная работа ассоциативного механизма: Марсовна → *Сникерсовна*, Писарева → *Бисс*[48], Шипуль → *Шерминатор*.

Нельзя отказать данной подсистеме школьного жаргона в некоторой структурно-семантической, чисто языковой виртуозности, если уместно так выразиться, однако не следует оставлять в стороне этический аспект данного явления: многие наименования очень обидны, грубы, вульгарны (крайний случай грубости в нашем материале – *Зануда, Зараза, Гад, Дура, Придурок, Какашка, Вонючка, Калыч, Фуфло*); не все прозвища адекватны, справедливы, достаточно упомянуть уже только номинации по созвучию. С другой стороны, прозвища, несомненно, выполняют компенсаторную, сублимирующую функцию: они позволяют школьникам «выпустить пар» вербально, снижая физическую агрессию, служат, как это ни парадоксально, своеобразным средством борьбы со стрессом, прессингом. Примечательно, что увлечение учащейся молодежи прозвищами и

прозвища могут указывать на актуальные явления в жизни общества: *Мать-Родина, Гей Юлий Цезарь, Кибергений, Фиона, Алеша Попович, Покимон, Элис* и др.

48 Помимо созвучия (ср. другие прозвища того же учителя: *Писарь, Писец*), здесь имеется мотивировка денотатом: преподаватель просит учеников заканчивать каждый урок аплодисментами.

номенклатурой внутригрупповых статусов с возрастом проходит (в студенческом жаргоне подобных единиц существенно меньше). Вероятно, это связано с процессом овладения этическими нормами, ценностями общечеловеческой культуры, с умением поставить себя на место другого человека, с познанием молодыми людьми истинной любви и дружбы.

Школьный жаргон – мощное средство общения внутри школьных групп, он имеет свою «языковую среду». По нашим данным, 60-74%[49] учащихся лицея употребляет жаргонизмы иногда, 28-26% – часто, у 40-61% это делают одноклассники, у 16-23% – старшие братья и сестры. Важнейшей функционально-коммуникативной основой школьного жаргона, упрочивающей его существование, является возможность «переключения кодов», выбора регистров общения с представителями различных социальных групп. Поэтому главной задачей педагогов должно стать обучение адекватному использованию существующих в обществе систем речевых форм, способов речевого поведения, установления и поддержания межличностной и групповой коммуникации, с учетом потребностей и целей, которые ставят перед собой говорящие. В этом, собственно, и заключается искусство общения. Как показывают наши наблюдения и опросы, многие лицеисты понимают, что употребление жаргонизмов должно быть уместным: 66-84% учащихся употребляет жаргонизмы в общении с друзьями, сверстниками; 12% пятиклассников и только 6% учеников 11 классов употребляет их всегда и всюду; 16-26% школьников признается, что иногда в общении с учителями и родителями у них «прорываются» жаргонизмы. Таким образом, речь молодежи является скорее жаргонизированной, а не целиком жаргонной (ср. [4, с. 36]).

Обобщая сказанное, необходимо подчеркнуть, что школьный жаргон – это полимотивированная подсистема, не случайно ему присущи основополагающие принципы языка: коммуникативность, информативность, когнитивизм, семиотичность, системность, структурность, вариативность, антропоцентризм, историзм и др. Функционирование школьного жаргона прежде всего подчинено специфическим потребностям учащихся: в основе каждой их его функций (коммуникативной, когнитивной, номинативной, экспрессивной, эмоциональной, оценочной, адаптивной, отделительно-конспиративной, сублимирующей, речетворческой и др.) лежат определенные мотивационные модели – потребность → языковое средство ее удовлетворения. Формальные, семантические, функциональные и значимостные характеристики жаргонных единиц обусловлены необходимостью реализации различных типов коммуникативных задач. Жаргонная лексика отражает действительность сквозь призму представлений учащихся, их возрастных психофизиологических

49 Первая цифра здесь характеризует процент учащихся 5 классов, а вторая – 11-х.

особенностей, потребностей, ценностей, опыта, и, надо сказать, нередко детско-юношеское мировосприятие является зеркалом жизни общества. Оригинальность и конформизм, стремление говорящих к творческому самовыражению и подражанию, правдивость и субъективизм, образность, эмоциональность, виртуозность языковой техники, легкость шутки и удручающая грубость, вульгарность – все эти контрастные свойства в равной мере присущи жаргонной языковой субкультуре, поэтому отношение к ней не может быть однозначным.

Литература

1. Аюпова, Л.Л. Лексика народов Башкортостана в русской речи. Глоссарий [Текст] / Л.Л. Аюпова. – Уфа: Изд-во БГУ, 1994. – 145 с.
2. Аюпова, Л.Л. Социолингвистика: актуальные проблемы [Текст] / Л.Л. Аюпова. – Уфа: «Восточный университет», 1997. – 79 с.
3. Аюпова, Л.Л. Языковая ситуация: социолингвистический аспект [Текст] / Л.Л. Аюпова. – Уфа, 2000. – 156 с.
4. Береговская, Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование [Текст] / Э.М. Береговская // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 32-41.
5. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию [Текст]. В 2 т. Т.1. / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М., 1963. – 384 с.
6. Борисова, Е.Г. О некоторых особенностях современного жаргона молодежи [Текст] / Е.Г. Борисова // Русский язык в школе. – 1981. – №3. – С. 83-87.
7. Введенская, Л.А. Культура речи [Текст]: учебник / Л.А. Введенская. – 4-е изд. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 448 с.
8. Виноградов, В.В. О художественной прозе [Текст] / В.В. Виноградов. – М.; Л., 1930. – 186 с.
9. Гамперц, Дж. Об этнографическом аспекте языковых изменений [Текст] / Дж. Гамперц // Новое в лингвистике. – Вып. VII, Социолингвистика. – М., 1975. – С. 299-319.
10. Гарипов, Т.М. Взаимодействие языков и башкирский язык [Текст] / Т.М. Гарипов // Baskirica: Моносборник избранных работ по башкироведению и тюркологии. – Уфа: Восточный университет, 2004. – 172 с.
11. Гарипов, Т.М. Лингвосоциологическая стратификация языков народов РБ [Текст] / Т.М. Гарипов // Языковые и культурные контакты народов РБ в условиях двуязычия: материалы Всероссийской научной конференции (Уфа, 28 сентября 2007 г.). – Уфа: РИЦ БГУ, 2007. – С. 87-88.
12. Гарипов, Т.М. Относительно языковой модели Башкортостана [Текст] / Т.М. Гарипов // Межнациональные отношения в полиэтничном регионе: проблемы и пути оптимизации. – Уфа, 2005. – С. 123-125.
13. Гарипов, Т.М. Этноязыковая модель Республики Башкортостан в составе Приволжского федерального округа [Текст] / Т.М. Гарипов // Взаимопонимание культур и проблемы национальной идентичности. – Уфа: Восточный университет, 2006. – С. 67-69.
14. Гарипова, Ф.Х. Проблемы выбора родного языка (языка этнической принадлежности) в качестве средства общения [Текст] / Ф.Х. Гарипова // Национальные и языковые процессы в Республике Башкортостан: история и современность: Информационно-аналитический бюллетень ИГИ АН РБ №5-6. – Уфа: изд-во «ХАН», 2007. – С. 69-74.

15. Герд, А.С. Введение в этнолингвистику [Текст] / А.С. Герд.– Спб., 1995. – 91 с.

16. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка [Текст]: учеб. пособие для вузов / И.Б. Голуб – 5-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 442 с.

17. Грачев, М.А. Словарь современного молодежного жаргона [Текст] / М.А. Грачев. – М.: Эксмо, 2007 – 666 с. – (Библиотека словарей) (Школьные словари).

18. Ермакова, О.П., Земская, Е.А., Розина, Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь общего жаргона [Текст] / Под общим руководством Р.И. Розиной. – М.: Азбуковник, 1999. – 320 с.

19. Закирьянов, К.З. Концепция и содержание дисциплины «Теоретические проблемы двуязычия» [Текст] / К.З. Закирьянов // Система языка в статике и динамике: межвузовский научный сборник. – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2005. – С. 67-69.

20. Иванова, Н.С. Язык молодежи и его субкультурная природа [Текст] / Н.С. Иванова // Известия Уральского государственного университета. – 2007. – № 50. – С. 122-128.

21. Ишмуратов, Х.Х. Республика Башкортостан в системе этнополитических процессов в России [Текст] / Х.Х. Ишмуратов // Современные этнополитические и этносоциальные процессы в России: модель Башкортостана: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Уфа: Информреклама, 2004. – С. 8-14.

22. Казарцева, О.М. Культура речевого общения: Теория и практика обучения [Текст]: учеб. пособие для студентов педагогических учебных заведений / О.М. Казарцева. – 4-е изд. – М.: Наука, 2001. – 496 с.

23. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – Изд. 2-е, стереотипное. – М., 2002. – 264 с.

24. Колтунова, М.В. Что несет с собой жаргон [Текст] / М.В. Колтунова // Русская речь. – 2003. – № 1. – С. 48-50.

25. Краткие итоги Всероссийской переписи населения 2002 года [Текст] // Республика Башкортостан. – 8 декабря 2004 г. – № 237 (25720).

26. Крысин, Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) [Текст] / Л.П. Крысин // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 78-86.

27. Львов, М.Р. Основы теории речи [Текст]: учеб. пособие для студентов педагогических вузов / М.Р. Львов – М.: Академия, 2000. – 248 с. – (Высшее образование).

28. Малютин, И. Современные башкирские школы: опыт и приоритеты развития [Текст] / И Малютин // Ватандаш. – 1999. – №3. – С. 124-129.

29. Михальченко, В.Ю. Функционирование языков в разных сферах национальной культуры: социолингвистическая норма [Текст] / В.Ю. Михальченко // III Международная конференция «Язык и культура»: тезисы докладов. Том 2. – М., 2005. – С. 40.

30. Молодежные субкультуры [Текст] / Т.Г. Исламшина, О.А. Максимова, А.Л. Салагаев и др. – Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 1997. – 116 с.

31. Никитина, Т.Г. Молодежный сленг [Текст]: Толковый словарь / Т.Г. Никитина. – М.: Астрель, 2004. – 912 с.

32. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка [Текст] / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М., 1970. – 597 с.

33. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь современного русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1997. – 944 с.

34. Плещенко, Т.П., Федотова, Н.В., Чечет, Р.Г. Стилистика и культура речи

[Текст]: учеб. пособие / Т.П. Плещенко, Н.В. Федотова, Р.Г. Чечет; под ред. П.П. Шубы – Мн.: «ТетраСистемс», 2001. – 544 с.

35. Потебня, А.А. Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня. – Киев, 1993. – 192 с.

36. Райс, Ф. Психология подросткового и юношеского возраста [Текст] / Ф. Райс. – СПб: Питер, 2000. – 624 с.

37. Саляев, В.А. Два источника и две составные части русского сленга [Текст] / В.А. Саляев // Социальные варианты языка: материалы международной научной конференции, 25-26 апреля 2002 г. – Н. Новгород, 2002. – С. 105-108.

38. Словарь понятий и современных терминов [Текст] / Авт.: Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова и др.; сост., общ. ред. В.А. Макаренко. – М., 2002. – 527 с.

39. Словарь русских говоров Башкирии [Текст] / Под ред. З.П. Здобновой. – Уфа: Гилем. – Вып. 1-3. – 1997-2003.

40. Солганик, Г.Я., Дроняева, Т.С. Стилистика современного русского языка и культура речи [Текст]: учеб. пособие для студентов факультета журналистики / Г.Я. Солганик, Т.С. Дроняева. – 3-е изд., стер. – М.: «Академия», 2005. – 256 с.

41. Стилистика и литературное редактирование [Текст] / Под ред. проф. В.И. Максимова. – М.: Гардарики, 2005. – 615 с.

42. Тихонов, В.Г., Грачев, М.А. Общее и особенное в американском и русском тюремном арго [Текст] / В.Г. Тихонов, М.А. Грачев // Социальные варианты языка: материалы международной научной конференции, 25-26 апреля 2002 г. – Н. Новгород, 2002. – С. 80-81.

43. Хазимуллина, Е.Е. Толерантность как субъективный фактор языковой ситуации (на примере Республики Башкортостан) [Текст] / Е.Е. Хазимуллина // Вопросы филологии. – М.: Изд-во ИИЯ, РАЛН, Института языкознания РАН. – 2006. – № 2(23). – С. 19-23.

44. Хайруллина, М.Г. Истоки и типы двуязычия в Башкортостане [Текст] / М.Г. Хайруллина // Система языка в статике и динамике: межвузовский научный сборник. – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2005. – С. 253-256.

45. Швейцер, А.Д. К проблеме социальной дифференциации языка [Текст] / А.Д. Швейцер // Вопросы языкознания. – 1982. – №5. – С. 39-48.

46. Шипова, Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке [Текст] / Е.Н. Шипова. – Алма-Ата, 1976. – 392 с.

47. Щерба, Л.В. К вопросу о двуязычии [Текст] / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 313-318.

48. Щерба, Л.В. О понятии смешения языков [Текст] / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 60-74.

49. Юганов, И., Юганова, Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60-90-х годов) [Текст] / И. Юганов, Ф. Юганова; ред. А.Н. Баранова. – М.: Метатекст, 1997. – 304 с.

50. Языкознание: Большой энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М., 1998. – 685 с.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Сопоставьте данные Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг., отражающие национальный состав Республики Башкортостан и количественные показатели владения родными национальными языками представителями разных этнических групп. Опишите языковую ситуацию, складывающуюся на территории современного Башкортостана.

2. Перечислите основные типы билингвизма, активно функционирующие на территории Республики Башкортостан. Приведите примеры высказываний, отражающих смешение одноструктурных и разноструктурных языков в речи билингвов и полилингвов.

3. Охарактеризуйте толерантность как категорию языкового сознания жителей Башкортостана. Составьте интеллектуальную карту (mind-map) «Типы языковой толерантности».

4. Проведите социолингвистический опрос, направленный на выявление функционального доминирования языков в полилингвальном регионе. Выявите причины и факторы, определяющие это доминирование.

5. Отразите тезисно результаты исследований, в которых рассматриваются проблемы взаимодействия и взаимовлияния языков на территории Башкортостана. Прогнозируйте на этой основе модель развития языковой ситуации в данном регионе.

6. Какие способы позволяют говорящим компенсировать асимметрию между языковой картиной мира конкретного этноса и его когнитивным пространством? Определите лакуны и оцените необходимость русских заимствований в современном башкирском языке.

7. Опишите особенности русского региолекта, складывающегося в условиях естественного полиязычия Башкортостана. Приведите примеры, отражающие влияние башкирского языка на русский.

8. Какие факты языка указывают на то, что в сознании говорящих закрепляются результаты взаимодействия разных языков? Посредством метода ассоциативного эксперимента исследуйте содержание стилистических парадигм, включающих наименования родственных связей.

9. Приведите примеры, отражающие влияние русского языка на башкирский в области фонетики, лексики, словообразования и синтаксиса. Квалифицируйте их как интерференцию, трансференцию, калькирование, заимствование или смешение.

10. Дайте определение понятия «концепт». Выявите особенности содержания концептов *«счастье», «судьба», «вера», «душа», «правда», «долг», «семья»* и т. п., используя метод свободного ассоциативного эксперимента. Составьте интеллектуальную карту, отражающую элементы языкового и неязыкового содержания данных концептов.

11. Обусловливают ли ценностные ориентации языковой личности характер коммуникации? Опишите различные ситуации общения (официального / неофициального / межкультурного / публичного и др.) с точки зрения реализации в них базовых ценностей человека (здоровье, дружба, любовь, карьера, мир (не война) и проч.).

12. Какова функциональная нагрузка жаргона в национальном (общенародном) языке? На материале студенческого жаргона установите основные компоненты языковой картины мира учащейся молодежи.

РАЗДЕЛ 3. КАРТИНА МИРА В НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ И ЯЗЫКЕ

3.1. Мотивированность речетворческой деятельности человека[50]

При детальном рассмотрении речевой деятельности человека (процессов порождения речи, ее понимания, языковой концептуализации действительности, первичной и вторичной номинации и др.) становится очевидным тезис отечественных и зарубежных психологических школ лингвистики о языке как коллективном творчестве. В силу дейктичности и референциальности языковых знаков практически любой акт речи является в той или иной степени творческим. Исключение, пожалуй, составляют лишь социально-ритуальные клише, воспроизводимые говорящими бессознательно, автоматически, типа *Здравствуйте!; Извините, вы не выходите на следующей остановке?; Не подскажете, как пройти на ул. Садовую?; Который час?; – Как дела? – Нормально!* и т. п., – укладывающиеся в схему функционирования языка, предложенную Л. Блумфильдом [5]. Означает ли это, что человеческая речь находится во власти безграничной субъективности и творческого произвола? Как показывает наше исследование, нет.

В основе речевой деятельности лежит особый мотивационный механизм, позволяющий, с одной стороны, реализовывать коммуникативные интенции говорящего, а с другой – удерживать язык в состоянии жизнеспособности, относительной стабильности. Поскольку процессами воспроизводства существующих и производства новых языковых единиц управляет целый ряд экстра- и интралингвистических мотивирующих факторов (например, структура реальной действительности, законы мышления человека, категоризации действительности в языке, формальные, семантические, значимостные и функциональные отношения между единицами в системе языка, языковые модели и др.), творчество говорящего чаще всего заключается в выборе одного из возможных способов представления мыслительного содержания в речи. В целом носители языка стремятся к созданию мотивированных высказываний, так как в общении они ставят перед собой прежде всего задачу быть понятыми собеседниками. Однако, поскольку говорящими эксплуатируется не только коммуникативная, но и когнитивная, волюнтативная, эстетическая, национально-культурная и др. функции языка, можно выстроить градацию речевых употреблений в зависимости от их обусловленности творческим сознанием субъекта речи.

Так, для описания типовых ситуаций реальной действительности в

---

50 Автор – Е.Е. Хазимуллина. Статья впервые опубликована в сборнике материалов Всероссийской научной конференции «Языковая игра. Детская речь». – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун.-т, 2006. – С. 193-199.

каждом языке выработаны многими поколениями готовые шаблоны, клише (*Наступила зима; Мальчик читает книгу; Я люблю тебя!;* ср.: *гулять* ***по*** *улице* и англ. *to walk* ***along*** *the street*, *смотреть* ***на*** *картину* и англ. *to look* ***at*** *the picture* и др.). В обычных актах общения они воспроизводятся говорящими, новизну в этом случае составляет смысл речи, являющийся результатом взаимодействия языковых и неязыковых знаний, соотнесения абстрактных (дейктических – в широком смысле) единиц языка с конкретной ситуацией, референтом. К примеру, смысл фраз *Жизнь есть жизнь* или *О! Он такой мужчина!* может быть различным в зависимости от опыта, социальных характеристик, ценностных ориентаций и др. качеств говорящих (при этом не всегда говорящий и слушающий вкладывают в эти фразы одно и то же содержание).

Произвольный выбор говорящего одной из вариантных, существующих в языке форм обеспечивает заданную интерпретацию ситуации действительности (ср.: *Он чувствует озноб. – У него озноб. – Его знобит; дом отца – дом, который принадлежит отцу – отцов дом; лицо – лик – морда – мордашка – рожа – харя – рыло* и т. д.). Языковая система играет роль сдерживающего фантазию, интерпретирующего, фактора (об интерпретирующей роли языка см. [6]) и в силу ограничения сочетаемости слов, дефектности парадигм и т. п. В случаях, когда этот фактор преодолевается неосознанно, может возникать не всегда желательный комический эффект, например: *Он шел с* ***лыжами наперевес****; Дай мне* ***требовательный листок*** (вместо *лист требования*)*;* ***Протяженность*** *ее* ***ног*** *не соответствует голливудским стандартам; Чтобы в 9 часов все были на построении* ***как штык из носу****; Некоторые языки* ***имеют общего предка****, от которого они произошли; Двухмесячной девочке* ***трансплантировали искусственное сердце***. Хорошо известно, что «творческая» небрежность, произвол не всегда бывают удачными.

Кажется удивительным полет фантазии народа, создающего оригинальные наименования реалий действительности, всевозможные формы выражения одного и того же значения. Ср.: рус. *ног под собой не чуять (от радости)* и англ. *to tread (walk) on (upon) air* (дословно – ‘ступать, гулять по воздуху’); рус. *как слон в посудной лавке* и англ. *like a bull in a china shop* (‘как бык в китайском магазине’); рус. *за все хвататься* (‘заниматься многими делами’) и англ. *to have too many irons in the fire* (дословно – ‘иметь слишком много утюгов на огне’). Рус. *базарная баба* соответствует англ. *noisy woman / fishwife* (шумная женщина / жена рыбака), а рус. *смотрит как баран на новые ворота* – англ. *he looks quite lost* (‘он выглядит совершенно потерянным’). В польском языке значение ‘повесить нос, грустить’ выражается иначе, чем в русском: *spuścić nos na kwinte* ‘повесить нос на квинту’, ср. в английском – *to be in blues* ‘хандрить, находиться в унынии, меланхолии’ (*blues* – сокращение *blue devils*, первичное значение *blue* – ‘голубой, синий’, *devils* – ‘дьяволы’,

дополнительная синхронная ассоциация – *blues* ‘блюз – грустная, депрессивная музыка’; ср.: рус. *зеленая тоска*). Действительно, в идиомах чаще всего обнаруживаются результаты творческого мировосприятия народа. Однако демонстрируют ли эти факты абсолютную специфичность познания действительности различными языками? По-видимому, не всегда, так как онтологические признаки, лежащие в основе подобных наименований, являются, как правило, объективными. Субъективизм, обусловленный социально-культурными факторами (например, практической или иной значимостью фиксируемых в языке явлений действительности, ментальными стратегиями и стереотипами того или иного народа, языковыми традициями и т. п.), проявляется лишь в произвольности выбора одного из них. Иными словами, творческий порыв фантазии носителей языка в данном случае определяется спецификой направленности познания и сдерживается в известной степени онтологическими параметрами называемого явления, а также законами логического мышления человека.

По участию творческого сознания говорящих различаются узуальные и окказиональные деривационные процессы речи. Детская речь перенасыщена наименованиями с яркой внутренней формой: *высочина, глубочина, убольшаться, подлинить* ‘удлинить’, *бабчонок* ‘маленькая бабочка, детеныш’, *бескрылочный* ‘бескрылый’, *пятнированный жук* (пятнистый, колорадский жук), *лучшевсехний*; ***Берушная*** *конфета – берешь и ешь!*; ***Бабушник*** *я, бабушку люблю*; *вопюк* – ‘тот, кто вопит’ и *носины* (вместо лосины), *лободок* (ободок); *пальчатка* (перчатка); *паукина* (паутина); ***Дыракан*** *в дырку спрятался!* (таракан); *Я машину в шкаф* ***впрятал***; *истуда* (оттуда), *заснешка* ‘ночная сорочка’ + ‘засыпать’; *купка* ‘мыло’ + ‘купаться’. В речи детей, вопреки действующим правилам образования слов, часто соединяется несоединимое, аналогия, обусловленная детской логикой миропорядка, не знает границ. Здесь реализуются всевозможные потенции языка. “Мотивированная произвольность” характеризует и образование грамматических форм слов в детской речи: *сплют* (спят), *спение* (спанье), *жгать* (жечь), *жмать* (жать), *искают* (ищут), *поезды, баловнемся, ребятов, солдатов* и т. д.

Постепенно пополняя свои знания о премудростях языка и устройстве мира, дети усваивают и реализуют, как правило, нормативные способы формо- и словообразования. Тем не менее в речи взрослых тоже создаются новые единицы (случайно или целенаправленно), во-первых, по существующим языковым моделям слов, словосочетаний или предложений, что не требует от носителей языка особых усилий; во-вторых, каким-либо экзотическим, ранее неизвестным, способом благодаря комбинаторным потенциям ресурсов языка. Еще Ф. де Соссюр утверждал: «…никогда нельзя создать что-либо ex nihilo, но каждое новообразование является всего лишь новым использованием элементов, имеющихся в

предшествующем состоянии языка» [36, с. 50]. Ср., например: *лишенец, назначенцы, гайдаровщина, лжедемократ, квазирынок, услышимся, кушатели, миксануть, водить хребтом* ‘танцевать’, *хрущ кукурузный, дерьмократия, демозавры, прихватизация, вредседатель, бесстрокость, обсмотренность, Он вел себя, как старая дева* ‘истерично’, *Бабушка совсем размагнитилась* (‘захворала’), *Желтисто желтануло в лесу, пал лист*. По ряду экстра- и интралингвистических причин данные единицы обладают разными возможностями вхождения в систему языка.

Примечательно то, что в высшей степени нестандартное использование языковых ресурсов, игнорирующее законы и традиции построения речи, как правило, находится на грани человеческого понимания и в систему языка не включается. Важнейшим критерием правильности высказываний служит принцип соответствия “здравому смыслу”, то есть неязыковым знаниям говорящих о мире. Свободные ассоциации мастеров словесного искусства зачастую остаются лишь речевыми окказионализмами, несмотря на их поэтическую прелесть, как в “Приглашении на казнь” В. Набокова: *Через все небо продвигались толчками белые облака, – по-моему, они повторяются, по-моему, их только три типа, по-моему,* ***все это сетчато и с подозрительной празеленью***; или в перифразе ***карандаш – просвещенный потомок указательного перста*** (там же). Ср. также: *Дождя нет, и* ***земля*** *опять* ***суха, как перец*** (А.П. Чехов); ***Вода*** *в озере* ***побелела, сгустела, как сметана*** (Ю. Нагибин).

Как нарушения логики «здравого смысла», а не проявления творчества воспринимаются несуразности, противоречащие неязыковому опыту говорящих, которые то и дело поставляются эстрадной «поэзией»: «*А любовь, словно радуга над полем, пахнет звездами и дождем*»; *«Если бы я не встретил тебя, я бы тебя выгнал»; «В глазах твоих тону, как в море-океане, из них, наверное, мне уже никак не выплыть»; «Я попала в сети, которые ты метил»*.

Следует отметить, что речетворческие способности говорящих неодинаковы. «Языковая игра» требует неординарного подхода к поиску средств выражения мыслей, определенной смелости, чутья и знаний. Каламбуры – это некий компромисс между тем, как принято говорить, и тем, как говорить нельзя. Например: *Пора мне* ***восвояси!*** ***Свояси*** *ждут!* (Радио «Максимум»); *А* ***дураков, каких мало****, оказывается* ***много*** («Русское радио»); *Сегодня будут наблюдаться* ***перебои*** *с холодной и горячей водой в студенческих общежитиях.* ***Перебьются*** *корпуса 1, 5 и 7* (там же). В.З. Санников, подробно анализируя «языковую игру» в русском языке, отмечает, что это характерное речевое явление; обыгрываться могут нормы языка, семантика грамматических категорий и дефектность грамматических парадигм, словообразовательная структура слов, их лексическая семантика, возможны игровые нарушения синтаксической

сочетаемости, установление ложных связей между событиями, смешение стилей, нарушения прагматических постулатов ясности, связности, информативной достаточности, референциальной однозначности и т. д. (см. [21]). По нашим наблюдениям, предметом «языковой игры» могут быть не только форма, семантика и функции языковых единиц, но и, как следствие, их значимости: *А я* ***беру****, когда* ***дают*** *понять* (В. Вишневский); *...на голову рухнули тетки, дядьки и жена –* ***светлая*** *шатенка с* ***темным*** *прошлым* (В. Шкваркин); *И долго буду* ***тем*** *любезен я и –* ***этим*** (В. Вишневский); ***Потупив*** *скромно* ***все****, что только можно* (он же); *Пришел поэт и* ***пролил свет на скатерть*** (он же), – обыгрываются парадигматические значимости конверсивов, антонимов и синтагматические значимости слов, входящих в устойчивые словосочетания, за счет неожиданных и неоднозначных референций, реализованных в данных контекстах. Встречаются и случаи актуализации различных семантических, эпидигматических и генетических значимостей языковых единиц, представленных в одном контексте: *Не* ***один****, но* ***единый*** (КП, 21.10.89); ***Жизнь*** *как* ***житие*** (ЛГ, 13.11.91); *Вы* ***не люди****, вы –* ***нелюдь*** (ЛГ, 16.01.85); ***Зарплата*** *и...* ***расплата*** (КП, 14.09.89); ***Будетляне****: как они* ***были*** (Литература, 2, 1992 г.); *Сколько лет может прожить* ***долгожитель****?* (КП). Имея в виду все эти факты, действительно, можно сказать, что «языковая шутка – это и шутка над языком» [21, с. 5].

Несмотря на то что «языковая игра» — наиболее яркий пример нестандартной речи, ею, как мы убедились, вовсе не исчерпываются все возможности творческого подхода к ресурсам языка, являющегося важнейшим средством познания мира и средством самовыражения человека. Тем не менее речь никогда не демонстрирует полный произвол говорящего в употреблении существующих или в создании новых средств языка, она обязательно мотивирована какими-либо экстра- и интралингвистическими факторами.

3.2. Когнитивный аспект мотивированности языка (на примере отражения знаний об уме в русской картине мира)[51]

Разработка общей лингвистической теории мотивации как одна из самых актуальных задач современной науки должна основываться, с нашей точки зрения, на исследовании трех важнейших аспектов языка – семиотического, функционального и когнитивного. Последний из них подразумевает прежде всего рассмотрение способов вербализации неязыковых знаний человека в процессе речевой деятельности. В силу своей дейктико-семиотической природы язык, как мотивированная во

51 Автор – Е.Е. Хазимуллина. Материалы впервые опубликованы в журнале «Вестник Башкирского университета». – Том 14, №2. – Уфа, 2009. – С. 476-481.

многих отношениях форма (формален, структурно организован и семантический план языка), накладывает определенные, хотя и исторически подвижные, границы на репрезентируемое знание о мире, необходимые и достаточные для взаимопонимания и общения людей. Таким образом, естественным результатом гносеологической деятельности является перманентная трансформация мыслительно-эмоционального содержания сознания человека, перестройка, дрейф его концептуальной и языковой зон под влиянием различных экстра- и интралингвистических факторов. Понимая под мотивированностью относительную синхронно-диахроническую (взаимо-) обусловленность формальных, семантических, значимостных и функциональных свойств языковых и речевых единиц, а также обусловленность этих видов языкового знания субъективными и объективными представлениями человека о действительности, его витальными, социальными потребностями и психофизиологическими возможностями, в данном исследовании мы попытались выявить некоторые особенности «оязыковления» представлений об уме в русской когнитивной картине мира.

Знания об уме как о способности человека логически мыслить, понимать, познавать что-либо, как о сущности, тесно связанной с восприятием, сознанием, интеллектом, разумом, рассудком, речью и поведением, исторически изменчивы, они варьируются в каждой национальной и еще более – в индивидуальной картине мира, ср. различные дефиниции ума, сформулированные респондентами нашего социолингвистического опроса: *«когда я был дошкольником мне казалось, что ум – это такая запчасть в мозге человека, отвечающая за нахождение ответа на любой вопрос»; «ум – это копилка знаний, которые человек пополняет в течение всей жизни»; «ум – это совокупность знаний, умений, опыта»; «это совокупность памяти, интеллекта, мыслей и т. п.»; «это интуиция»; «процесс, происходящий в мозгу, который позволяет нам поступать правильно и иногда неправильно»; «это то, благодаря чему мы развиваемся. Именно ум движет человечеством, позволяет достигать каких-либо успехов в различных областях знаний»; «это то, что отличает человека от животных»; «это то, что позволяет выделить человека из толпы»* и т. д. Активным взаимодействием и взаимопереходом характеризуются неязыковые и собственно языковые компоненты этих знаний – таким образом совершенствующийся ум человека постепенно приближается к истине в познании самого себя.

На основе обобщения данных толковых словарей современного русского языка, вариативно трактующих семантическую структуру лексемы *ум*, можно выделить пять основных ее значений, с различными модификациями: 1. Познавательная и мыслительная способность человека (способность логически мыслить, понимать, познавать что-либо). ‖ Такая способность, развитая в высокой степени, высокое развитие интеллекта.

2. Сознание, рассудок, мыслительная деятельность. ‖ Здравый смысл, нормальное состояние рассудка, способность оценивать обстановку, взвешивать обстоятельства и руководствоваться этим в своем поведении. 3. *перен.* О человеке с точки зрения его умственных способностей. ‖ *разг.* О человеке, проявившем в каком-либо деле свои умственные способности, знания; выдающийся человек, мыслитель, ученый. 4. *(Умы.)* Общество как совокупность личностей, имеющих определенные воззрения, настроения, интересы и т. п.; общественное сознание, общественная мысль, умственные интересы общества, а также общество, люди или отдельные личности как носители определенных представлений, умственных запросов. 5. Воззрения, настроения, интерес и т. п., свойственный какому-либо обществу [28, с. 488; 33, с. 567; 34, с. 867; 29, с. 667]. Компонентный анализ этой «усредненной» семантической структуры позволяет с уверенностью заключить, что все вторичные значения слова «ум» являются результатом метонимического расширения, произошедшего в истории русского языка под влиянием экстра- и интралингвистических факторов (ситуативной смежности обозначаемых предметов (явлений); регулярности метонимической когнитивной стратегии, основанной на работе ассоциативного механизма; преемственности, деривативности языковой семантики: новая информация закрепляется на основе старой – и др.). Оригинальными для современного этапа представляются 3, 4 и в некоторой степени 5 значения, репрезентирующие осмысление человека, отдельных личностей, общества как носителей ума, интеллекта, определенных воззрений, а также самого ума как совокупности воззрений общества (ср. конкурирующий синоним *менталитет*). Другие ЛСВ выкристаллизовались уже в период древнерусского языка: *оумъ* – «способность мыслить и познавать, разумъ», «понимание», «разсудокъ», «образ мыслей» [38, ст. 1211].

Данные этимологических словарей, также неоднозначные, в целом показывают, что языковое познание сложной абстрактной сущности – ума – началось с осмысления процессов, имеющих наблюдаемые физиологические симптомы: восприятия либо обучения и привыкания (т. е. «когнитивной точкой отсчета», или базовым уровнем категоризации, стали телесные ощущения человека). К сожалению, как и у многих других общеславянских наименований, первичный мотивировочный признак слова *ум* утрачен, его внутренняя форма теперь не осознается. Исходя из этимологической гипотезы, согласно которой это слово является производным от той же основы, что *ук-* в словах *учить, наука, навык, привыкать* (и.-е. **йk-* – «приучаться», «привыкать», «доверять») [6, с. 34], следует признать, что все начальные языковые значения слова *ум* постепенно перешли в сферу неязыкового знания, так как в современной русской речи они реализуются лишь контекстуально, ср.: *тренировка ума, приучаться / привыкать / привычка думать, доверять своему / чужому*

уму. Потенциальные семы ‘приучаться’, ‘привыкать’ в большей степени присущи производному от *ум* слову *уметь*; за лексемой *ум* эти компоненты закреплены в «дальнейшем» значении, причем несколько противоречиво: с одной стороны, ум и разум даны человеку с рождения (от природы / Богом) – ум либо есть (в каком-либо количестве), либо его нет. В этом плане показательны русские пословицы *Нет ума – своего не одолжишь; Ума на деньги не купишь; Кому бог ума не дал, тому кузнец не прикует*. С другой стороны, ум – развиваемая способность человека, ср. градацию: *развитый / зрелый / недоразвитый / неразвитый / незрелый / примитивный ум; ум развился* и обратное – *деградировал*. Ум как опыт, знания может приобретаться с годами, «передаваться» от человека к человеку: *Наживемся, кума, – наберемся ума; Жить да быть – ум копить;* ср. фразеологизм *учиться уму-разуму*. И последнее, касающееся приведенной этимологической гипотезы: ядерные семы др.-инд. *ú̀cyati* – «находит удовольствие, имеет обыкновение» (родственного и.-е. **ŭk-*) и *ṓkas* – «удовольствие, удовлетворение» никак не представлены в современном значении русского существительного *ум*, в речевых смыслах они тоже актуализируются крайне редко; гораздо чаще реализуется идея горя от ума. Согласно знаниям, содержащимся в русской когнитивной картине мира, процесс мышления, умственная деятельность человека – это тяжелая, утомительная работа, а отнюдь не удовольствие: *Идти в науку – терпеть муку; Кто больше знает, тот меньше / плохо спит; Много думать – голову кружить; Дума, что борода: лишняя тягота.*

По другой версии, *ум*, как и *явь*, восходит к и.-е. корню **au̯-* со значением «воспринимать органами чувств», «понимать», к тому же, что и в лит. *ovyje-* «наяву, настороже» [50, с. 290; 45, с. 161]. С учетом общеслав. *явь* – «состояние бдения, когда человек хорошо слышит и видит», *глупый,* родственного о.-сл. **gluchъ* «глухой», а также др.-рус. наименований *видѣти* «понимать, сознавать», *съмотрѣти* «думать», *глоухыи* «непонятный», *разоумѣти, розоумѣти* «видеть», «слышать», «замѣтить, замѣчать» и мн. др. подобных фактов, представляется исторически мотивированной тесная семантическая связь ментальных предикатов и имен с предикатами и именами зрительного (в большей степени) и слухового (в меньшей мере) восприятия в системе современного русского языка, например: *умозрение, умозрительный, мысленный взор / взгляд, точка зрения* «мнение», *воззрения* «образ мыслей», *рассмотрение, видение (проблемы)* «понимание», *видеть* «понимать», *прозреть* «понять, осознать», *очевидный* «ясный, понятный»; *услышать* «узнать». Данная этимологическая гипотеза подкрепляется не только тесными синхронно-диахроническими лексико-семантическими связями в системе русского языка, но и современными представлениями о пропозиции процесса познания: результаты первичного восприятия действительности, полученные с помощью органов чувств, обрабатываются мозгом человека,

его умом; в самом деле вся богатейшая умственная деятельность основывается главным образом на наших зрительных, слуховых, обонятельных, осязательных и др. впечатлениях. При этом считается, что чем богаче индивидуальный опыт, знания (= ум, по ряду «наивных» представлений), тем более восприимчив человек к окружающему и собственному внутреннему миру (наблюдательность = ум, также по ряду «наивных» представлений); обратная зависимость тоже верна.

«Оязыковленная» в праиндоевропейский и праславянский периоды связь между чувственным восприятием и пониманием, умом, умственной деятельностью человека остается в сфере актуального знания. В предикатах зрительного восприятия она реализована в языковой семантике: *видеть* – ‘воспринимать зрительно и интеллектуально, эмоционально’, ср. *слепой* – ‘не замечающий, не понимающий совершающегося, происходящего вокруг’; а в предикатах слухового восприятия – в зоне «дальнейших» значений. Языковая семантика соответствующих единиц свидетельствует о том, что предикаты зрительного восприятия оказываются в большей мере связанными с процессом понимания, предикаты же слухового восприятия связаны со знанием, получаемым извне чаще всего в готовом виде. Таким образом, можно заключить, что формированием языковой семантики здесь управляет онтологический фактор, и перцептивные метафоры «понимание есть зрение», «понимание есть слух» [3], точнее, «зрительное / слуховое восприятие → понимание, ум», отнюдь не случайны. Работа органов зрения и слуха непосредственно связана с мыслительной, интеллектуальной деятельностью человека как в его онтогенезе, так и в филогенезе человечества: по сути это две последовательные стадии единого познавательного процесса. Мотивированными в этом плане оказываются и метафорические наименования глупого человека как невосприимчивого, нечуткого: *балда, болван* (с утраченной внутренней формой), *дубина, дуб, дубоватый, чурбан, пень, бревно, медный лоб* и т. п.

Итак, ум человека в русской когнитивной картине мира предстает как внутреннее зрение, слух, ощущение – особый орган восприятия. Контекстуальные реализации этого представления многочисленны: *ум не видит / не может понять и прочувствовать / способен воспринять*; *пытливый ум всматривался*; *ум приметил*; *ослепленный увиденным, ум не знал и не понимал*; *наблюдательный / зоркий / восприимчивый / впечатлительный / чуткий ум*; *ослепнуть умом* и т. п. Е.В. Урысон отмечает, что, согласно древним, реликтовым знаниям об устройстве человека, глаза, уши и нос – это всего лишь части тела, а истинные органы восприятия невидимы, нематериальны, хотя и связаны с данными телесными органами, поскольку находятся «где-то в их глубине» [43, с. 5-6]. *Видит око далеко, а ум еще дальше* – гласит русская пословица; наблюдательный, развитый, *чуткий* ум способен даже предвидеть

грядущие события: *прозорливый / проницательный / пророческий ум (гения)*.

За весьма скромной языковой семантикой слова *ум* кроется богатое и во многом самобытное неязыковое содержание. Типизация 5 тыс. контекстов периода 1825-2004 гг. Национального корпуса русского языка, актуализирующих обыденное, религиозное, философское, художественно-поэтическое и научное мировоззрения, показала 3 важнейших осмысления онтологии ума. Ум в русской когнитивной картине мира понимается: 1) как нечто, существующее само по себе, независимо от человека (Ум = Бог / Вселенский Разум / «царь» / человек (сверхчеловек) / некая синергетическая сущность), например: *«ум повелевал», «самопроизвольно философствующий / самотворящий / самородный ум», «ум – вольный казак», «ум – ребячливо, вприпрыжку сбегающий по лестнице»* (ср. персонификации ума: *без царя в голове, у кого-либо не все дома*); 2) как сущность, принадлежащая человеку (данная ему от природы / Богом), но которую человек не всегда способен контролировать, – это самая многочисленная группа реализаций: *«И вот в уме моем начинается громадная работа: ум напрягает все свои силы», «ум у тебя нередко изволит гулять невесть где», «порой не хватает сил собрать ум», «больше всего мне вредит ум мой»* и мн. др. Исследуемый материал показывает, что такой сущностью может быть отдельный живой организм либо «орган» человеческого тела (мозга); с данной, физиологической, интерпретацией связана идея здоровья или же болезни, утомленности, повреждения ума (*живой / безжизненный, здоровый, воспаленный ум, уставал / изнемог / мог помешаться / ослабеть; ее ум стал таким же вялым, как мышцы.* Другая разновидность этого, гносеологически мотивированного, осмысления – механистическая концепция: ум – некий работающий механизм – *механический ум*, он *включается / отключается* или же его *«надо включать», приходит в движение, действует,* способен *работать медленно / быстро* или может быть *«испорчен»* (‘сломан’). И – 3) ум концептуализируется как свойство / способность / инструмент мышления, понимания, познания человека, человек – хозяин своего ума, например: *«наш ум является проводником наших мыслей», «можно и должно применять ум», «держать ум настороже, не казаться глупее других, следить за мыслью»* и др. Последнее понимание, мотивированное в большей степени онтологически, отражающее научно-философское мировоззрение – результирующую развитого абстрактного мышления, – лежит в основе ядерного значения слова *ум* современного русского языка, два же первых реализуются на уровне узуальной и окказиональной синтагматики.

Антропоморфные и теоморфные модели метафоризации, обусловленные древними анимистическими представлениями об уме как о сущности, независимой от намерений человека, начало, процесс и

окончание деятельности которой являются самопроизвольными, но которая способна контролировать и подчинять себе работу всех других систем человеческого организма, его поведение (аналогична в языках «старшей поры» концептуализация чувств, эмоций, деятельности сердца, проявлений души), преобладают в художественной и публицистической речи изучаемого периода: *«Беднягу ум укачало на этом волнении, и он лежит да молчит и, во все глаза глядя, ни зги не видит»*; «*Видите ли этот маленький, бледный, худощавый ум?»*; *«…ум уж проснулся; ум просит поесть и хочет разгрызть орех современного просвещения, да жалуется, что у него болят зубы от свекольного сахару»*; *«Пером сердитый водит ум»*. В других разновидностях речи тоже реализуется представление об уме как о самостоятельно бытийствующей либо независимо функционирующей сущности, правда, часто – в стершихся метафорических формах: *ум свободный / своенравный / упрямый / беспокойный / игривый / язвительный / лукавый / изворотливый / изощренный / дерзкий / честолюбивый / гордый / бездушный / педантичный / скорбный / цепкий / жадный / пытливый / скучающий* и т. д. Показательны в этом плане и разнообразные предикаты, описывающие действия, состояния, «эмоции», «намерения» ума: *проснулся / работал / не может и не хочет понять / верить отказывается / недоумевает / ищет / запутался / удивляется / возмущается / обращается с фактами вольно (химичит будь здоров) / привык объяснять / говорил / убедил* и мн. др. Жизнеспособность подобных узуальных и окказиональных словесных формул, репрезентирующих доминантные для образа ума когнитивные метафорические модели, определяется, с одной стороны, особой функциональной структурированностью сознания человека и, как следствие, консерватизмом языковой системы (новые знания о мире закрепляются в сознании в соответствии с существующей матрицей когнитивных и языковых категорий, изменение которых происходит очень медленно, постепенно), а с другой – принципом достаточной онтологичности наименований (правдоподобным здесь является признак относительной самостоятельности ума, способного осуществлять мыслительную деятельность без какой-либо команды и контроля его обладателя). В силу такого положения вещей можно констатировать, что базовая семантическая модель предикатов мышления в современном русском языке, выявленная Л.М. Васильевым, — «кто-то осуществляет тем или иным способом мыслительный акт, процесс (активно или пассивно, целенаправленно или нецеленаправленно)» [7, с. 5], — складывается одновременно под влиянием как научного, так и «наивного» представлений об уме, которые репрезентируются множеством разнообразных речевых контекстов.

Вариативны в названных осмыслениях субстанциональные признаки ума: это идеальная либо материальная сущность, ненаблюдаемая или же

наблюдаемая непосредственно. Наблюдаемость и материальность ума манифестируются моделями, обусловленными гносеологически – творческим сознанием, фантазией носителей языка. Так, ум представляется как сущность, способная излучать свет, блеск, светиться, быть видимой, ощущаемой, подобно физическим предметам, воспринимаемым органами чувств человека, прежде всего глазами. Это знание закреплено в русском языке на уровне узуальной синтагматической значимости слова *ум* посредством метафорической модели «(ясный, светлый, видимый, хорошо видный) предмет → (ясный, понятный, логичный, выдающийся) ум»; оно регулярно реализуется в речи, в том числе с помощью окказиональных сочетаний. Ум концептуально соотносится с образами света, огня, а при отсутствии в нем тяжелых, темных, гнетущих, недобрых и т. п. мыслей – ум представляется ясной, прозрачной, доступной зрительному восприятию сущностью: *ясный / светлый / прозрачный / блестящий / яркий / искрометный / пламенный / угасающий / холодный ум*; *ум прояснился / просветлеет / светился / блистал / вспыхивал / (не) пламенел*; *проблески / озарение, светильник / светоч ума* и т. д. Процесс понимания, нахождения человеком важного решения отображается в русской когнитивной картине мира как заполняющий ум-вместилище свет, освещение, просветление, озарение (свет знаний / истины / мудрости / веры и т. п.) или как что-либо прозрачное, чистое; вполне закономерно, что отсутствие ума, понимания, ясности, напротив, связано с тьмой, мраком, замутненностью: *умопомрачение*, *умопомешательство, затмение ума, помутиться / помешаться в уме* (контраст света и тьмы опосредованно мотивирован онтологически: лучшей способностью человека воспринимать что-либо органами зрения днем, худшей – ночью). Выражения же типа *ум виден / проглядывал во всем / изображался на лице / выразился / сквозил* следует признать основанными на метонимии: работа ума, в действительности, имеет физиологические симптомы, она способна изменять взгляд, выражение лица, речь и поведение человека. Таким образом, ум может быть «видимым» в большей или меньшей степени. Примечательно, что «созерцание» ненавязчивого чужого ума обычно не вызывает раздражения, в то время как демонстрация чьих-либо умственных способностей оценивается говорящими крайне негативно, ср.: *Он умеет показать свой ум (с самой выгодной стороны)* и – *Он демонстрирует / выставляет напоказ свой ум.* Весьма авторитетным для русского религиозного сознания является евангельское изречение: *«Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби»*. 10,2% из 102 наших респондентов считает немаловажным качеством умного человека скромность (ср. отрицательные коннотации наименований *умник, умничать, умн**о*** и т. п.).

Недоступный непосредственному человеческому восприятию, ум, тем не менее, осмысляется в русской когнитивной картине мира и русском языке с помощью пространственных метафор как физический предмет,

материальная сущность: 1) ум – вместилище чего-либо (о типичности данной когнитивной стратегии осмысления абстрактных сущностей в различных языках см. в [17; 16]): а) знаний, мыслей, наблюдений, опыта человека – *вкладывать / брать / вбить в ум, держать в уме, из ума не идет / выскочило, в ум прийти / взбрести, всеохватный, всеобъемлющий ум*; б) «я» индивида, его сознания, самого человека: *быть (не) в (своем) уме; находиться в здравом / полном уме; из ума выжить*; 2) ум – некое плоскостное горизонтальное пространство (человек или его мысли могут находиться как бы на поверхности ума): *сойти / сводить с ума, на уме (вертится), нейти с ума, на ум наставить / навести, придет / взбредет / не идет на ум*; 3) ум – осязаемый предмет с определенными габаритами: *выдающийся / ограниченный / обширный ум, выставить ум напоказ, за ум браться / взяться, ум приложить, (по)терять ум* и т. п. «Протяженный» в трехмерном пространстве, ум может быть *маленьким, крошечным, большим, небольшим, огромным, широким, узким, коротким, недалеким, глубоким, мелким* и т. д. (ср. словообразовательную парадигму: *ум – умок – умишко – умочек – умище*). Переносные употребления *высокий / возвышенный ум, кто-либо на голову выше кого-либо* являются результатом применения традиционной для русской языковой картины мира стратегии кодирования: положительные интеллектуальные, морально-этические, религиозные и др. характеристики отражаются как сущности, имеющие верхнее, высокое пространственное положение (ср.: *низкий ум* – аморальный). Анализ синтагматических свойств названных прилагательных показывает, что концептуализация обозначаемых ими зрительно воспринимаемых параметров обусловлена метонимической связью ума, мозга, головы и лба. Об этом свидетельствуют и семантические корреляты наименований умного человека: *мозговитый, головастый, башковитый, кто-либо с головой / с мозгами, у кого-либо (своя) голова на плечах (есть), семи пядей во лбу, мега / супермозг*; а также глупого, несообразительного, бестолкового человека – *безголовый, пустоголовый, голова не с того боку затесана, туполобый, узколобый, безмозглый, куриные мозги, мозгляк, две / три извилины в мозгу (и все параллельные)* и др. По аналогии с головой, лбом и мозгом человека осмысливаются физические характеристики ума, его «консистенция»: *твердый, крепкий, рыхлый, бесформенный, растекался, всмятку, высох.*

В современном русском языке семы ‘ум’, ‘сознание, рассудок’, ‘умственные способности’ образуют вторичные, переносные значения слов *голова* и *мозг*, ср. древнерус. *мозгъ (мозъкъ)* – 2. Перен. Ум, умственные способности [32]. Слово же *голова* в древнерусском языке подобного значения не имело, *головастый* – также позднее образование, фиксирующееся в словарях с начала XVIII века. Вероятно, о.-сл. слово *мозг* раньше приобрело указанное вторичное значение в силу непосредственной функциональной связи мозга человека с его умом. Ум, независимо от

осмысления его субстанциональной природы, ощущается как внутренняя сущность, подобная мозгу или находящаяся как бы внутри него (ср. приблизительность анатомических познаний наших респондентов: *«ум – это серое вещество в мозгу, заполненное многочисленными знаниями»*). Представляется закономерным направление процесса познания – от внешних признаков предмета к осмыслению его внутренних свойств: *голова* < о.-с. **golva* – «голая, лысая (голова)», «череп» (*голова* «череп/-ок» – экспрессивное, вторичное наименование, метафора по внешнему сходству [52, с. 39]) → *голова* – ‘вместилище мозга и ума’ (ср.: *Человек без ума, что туло(-вище) без головы*). На современном этапе в силу развитости абстрактного мышления, высокого уровня научного познания, богатого коллективного опыта носителей русского языка голова, мозг, лоб и ум человека, конечно, четко дифференцируются, ср. фиксацию этих неязыковых знаний в пословицах: *Не всяк умен, кто с головою; Ум сам по себе, голова сама по себе; Лоб широк, да мозгу мало; У него в голове ни ползолотника мозгу; Голова с лукошко / с пивной котел, а ума (мозгу) ни крошки; Голова что чан, а ума ни на капустный кочан* (ср. англ.: *A big head and little wit* «Голова большая, а ума мало»)*; Мозговина (голова) с короб, а ума с орех; Без ума голова – пивной котел; Голова без ума, что фонарь без свечи*. Однако по причине онтологической мотивированности (реальной смежности, взаимосвязи обозначаемых явлений) ассоциативные отношения между этими сущностями остаются прочными: *ум → голова (3), мозг (3), лоб; голова → ум, умная, умница, мудрая, разум, мозг; мозг(и) → ум (5-7), умный, умные, разум, мысль, мышление, думать; думать → мозгами, лоб, морщить лоб; мыслить → голова, головной мозг* и т. п. [14, с. 686, 138, 326, 183, 339]; ср. также окказиональную реализацию, ставшую прецедентным текстом: *Пофилософствуй –* ***ум вскружится*** (А.С. Грибоедов); аналогично в разговорной речи: ***наморщи*** *свой ум*.

Часть приведенных выше пословиц содержит метафорическую, опять же зрительно воспринимаемую, характеристику размера / количества ума (по аналогии с головой, мозгом), поэтому их следует признать гносеологически мотивированными, искажающими, субъективирующими действительность, несмотря на то что ум здесь определяется с опорой на реалии русской жизни, ср. также: *У него в голове реденько засеяно*; *У него в голове – колос от колоса, что не слышно и голоса* (метафора «(засеянное) поле → голова / мозг / ум»). Когнитивные модели размера / количества ума описывают качество процесса мышления, способности мыслить эффективно, при этом, в отличие от научных представлений, «наивная» картина мира содержит прямую корреляцию: продуктивность работы ума человека зависит от объема, размера его мозга, головы, количества ума. Ту же функцию выполняет метафорическая модель «веса» ума, реализующаяся во внутренней форме единиц *легкоумие* (ср.: *легкомысленный* и – в англ. языке – *feather-brained* ‘глупый, пустой

человек’, *feather* в первичном значении – ‘перо’) и *тяжелоумный.* В свете данных и указанных ранее метафорических и метонимических когнитивных стратегий представляются вполне мотивированными кажущиеся на первый взгляд парадоксальными предикаты оценки ума, которые изначально обусловливаются возможностью зрительного восприятия материального объекта: *красивый, удивительный, дивный, жалкий* и др. Рассмотренные выше наименования в целом создают яркую наглядно-образную картину или, вернее, несколько соприкасающихся друг с другом различными своими гранями картин, которые являются важными элементами концептосферы ума – абстрактной сущности, осмысляемой с опорой на конкретно-чувственные представления.

Частотность речевых реализаций свидетельствует о высокой значимости в русской когнитивной картине мира таких разновидностей «ума вообще», находящихся в оппозиционных отношениях, как 1) «высший ум», «божественный ум» (бесплотный) ↔ «низший», «тварный», «примитивный», «природный», «внутренний» человеческий ум ↔ «дьявольский», «срамный» ум; 2) ум человека (разум) ↔ ум животного (сообразительность); 3) ум взрослого человека (разум, опыт, мудрость) ↔ ум ребенка (сообразительность, воспитанность, послушание, непорочность); 4) мужской ум ↔ женский ум; 5) ум теоретический, абстрактный ↔ ум низшего порядка – практический, житейский; 6) ум ↔ «другой» ум (у каждого свой ум); 7) «передний» ум ↔ «задний» (*Задним умом крепок мужик русский* – ‘не способен сообразить, принять нужное решение вовремя’); 8) «истинный», «настоящий», «тот», «самый главный» ум (понимающий, нравственный, гуманный) ↔ «не тот» ум (злой, безнравственный). Совершенно очевидно, что часть данных представлений мотивирована онтологически – реальным различием обозначаемых явлений действительности (например в возрастных, половых, функциональных их характеристиках), другая же часть обусловлена гносеологически – «наивными», религиозными, философскими, художественными концепциями устройства мира, социально-культурными и этическими ценностями. Мотивированные социально-политической и этнической стратификацией общества, его историей, опытом взаимоотношений и культурой, значимыми оказываются также противопоставления национальных разновидностей ума, ума различных цивилизаций (русский, немецкий, французский, китайский, еврейский, западный, европейский, азиатский и др.), ума различных социальных и профессиональных групп: народный / крестьянский / ум мужика; государственный / политический ум; ум царедворца, президента, дипломата, полководца, бюрократический ум, ум администратора, реформатора, коммерсанта, мошенника, ум ученого, философа, поэта, художника, врача, инженера, критика, рабочего, футболиста, ум толпы, ум террористов и др., а также по мировоззренческой характеристике, образу,

складу мышления – ум технический / гуманитарный, религиозный / антихристианский, нравственный / духовный, гражданский, эстетический и т. д.

Все эти категории, вычленяемые контекстуально, во-первых, согласуются с наблюдениями других ученых о релевантных элементах русской когнитивной картины мира и, во-вторых, демонстрируют сложность, неоднозначность, многоуровневость и асимметричную градуальность представлений об уме, мотивированных всевозможными экстралингвистическими факторами. В силу дейктичности языковой семантики лишь малая часть подобных представлений входит в значение слова *ум*, изменяющееся в истории русского языка под влиянием доминирующих мировоззрений и формируемое в XX веке прежде всего научными знаниями. Следует отметить, что «оязыковление» ментальных явлений, помимо редукции объективно отражаемых онтологических признаков, осуществляется с помощью довольно прозрачных, гносеологически обусловленных метафорических и метонимических когнитивных стратегий, субъективирующих в той или иной степени видение мира. Внешняя мотивированность определяется преимущественно тем, что опорой для отражения абстрактных сущностей служат телесные ощущения человека и наблюдаемые, симптоматические явления, в соответствии с которыми складываются общественные системы ценностей. Внутренняя же мотивированность, являющаяся следствием особой структурированности сознания человека, его психофизиологических возможностей, свойств памяти, выступает сдерживающим творческий произвол говорящих, стабилизирующим и организующим неязыковое содержание фактором.

3.3. Ум – знания – умения: дрейф языковых и неязыковых представлений в русской картине мира[52]

Как известно, неязыковое мыслительное содержание включает в себя категоризацию всего жизненного опыта людей (познавательного, эмоционального, оценочного, речевого, кинестезического, ориентационного и др.). Языковые же единицы выполняют по отношению к нему знаковую функцию: они репрезентируют концептуальное содержание, чаще всего схематично – в системе языка и в речи. Вслед за Л.М. Васильевым мы считаем дифференциацию языковых и неязыковых компонентов картины мира методологически важной, поскольку она объективирует главный предмет лингвистической науки, показывает отличие языка от других знаковых систем, в которых также закрепляются

52 Автор – Е.Е. Хазимуллина. Материалы впервые опубликованы в журнале «Вестник Башкирского университета». – Уфа, 2009. – Т.14, № 3. – С. 763-769.

знания человека [8, с. 210], позволяет проследить работу механизма внешней и внутренней мотивации речевой деятельности. Последнее, с нашей точки зрения, существенно увеличивает объяснительную силу лингвосемиотических и когнитивных теорий при широком понимании мотивированности: как относительной синхронно-диахронической (взаимо-) обусловленности формальных, семантических, значимостных и функциональных свойств языковых и речевых единиц, а также обусловленности этих видов языкового знания субъективными и объективными представлениями человека о действительности, его витальными, социальными потребностями и психофизиологическими возможностями. К сожалению, в лингвистике пока нет методики четкого разграничения языковых и неязыковых знаний, поэтому в данном исследовании дрейфа различных представлений об уме нам часто приходилось полагаться на собственную интуицию и наблюдения других ученых. Исходным для реализации поставленной задачи стал тезис о том, что язык, как мотивированная во многих отношениях форма (в указанном еще В. Фон Гумбольдтом смысле), накладывает определенные, хотя и подвижные, границы на практически неисчерпаемое человеческое знание, необходимые и достаточные для взаимопонимания и общения людей. Мы также полагаем, что относительно устойчивые «ближайшие», по А.А. Потебне, значения, репрезентируя то или иное, актуальное для конкретной исторической эпохи, концептуальное содержание («дальнейшее» значение), варьируются, расширяются, сужаются или же нивелируются под непосредственным, мотивированным влиянием этого последнего.

Знания об уме в ряде картин мира занимают ведущее место. Без преувеличения можно сказать, что, будучи соотнесенными с представлениями о глупости, мудрости, хитрости и т. п. свойствах, о разуме, рассудке, интеллекте и других инструментах познания, о суждении, умозаключении, знании, понимании, мнении, вере, оценке (результатах познавательной деятельности), о речи и поведении как средствах экспликации умственной работы, они являются важной составной частью концепта «человек», прежде всего его ментальной сферы, коррелирующего, в свою очередь, с представлениями о боге, животном мире, Вселенной и т. д. Как показал концептуальный и собственно лингвистический анализ нашего материала (данных ряда словарей, Национального корпуса русского языка (НКРЯ), результатов социолингвистического опроса, респондентами которого выступили 102 студента четырех факультетов Башкирского госпедуниверситета), способность человека понимать, видеть и предвидеть теснейшим образом связана со знаниями: закономерным результатом познавательной деятельности мозга, направленной на восприятие и логический анализ феноменов действительности, является система знаний человека, и,

наоборот, полученные знания обеспечивают более эффективную работу его ума и дальнейшее познание. Уже в первичном этимологическом признаке **av-*, по версии Н.В. Горяева, совокупно фиксируются признаки ‘примечать, узнавать, познавать, знать’ [9]; в др.-рус. *оумъ* сема ‘знание’ сохраняется [40, ст. 1211]. Однако позже сведения об итогах познавательной деятельности переходят в зону «дальнейших» значений слова *ум*, продолжая составлять языковую семантику наименований *знать, знание, ведать*, особым образом трансформирующуюся в современном русском языке.

История слов *ум* < **au̯-* «воспринимать органами чувств, понимать», *знать* < *ǵen-* «знать, узнавать» (изначально – «отличать, узнавать своих сородичей по родовому знаку» [52, с. 99], ср. др.-рус. *знати* – «различать, выделять что-либо», «узнавать, опознавать», *знаниє* – 2. *Мн.* Знакомые, родственники [26, с. 399-400]) и *ведать* < *u̯(e)id-* «видеть, замечать» [50, с. 137] (ср. др.-рус. *вѣдати* «знать, иметь сведения», «ведать чем-либо, распоряжаться, управлять чем-либо», *вѣдѣти* «знать что-либо», «ведать, распоряжаться, управлять чем-либо», «знать, мочь, быть в состоянии» [26, с. 288, 290-291] и ст.-сл. *вѣдѣти* – «знать, предвидеть», «видеть» [41, с. 164]) демонстрирует типичные для языков коллизии взаимоотношений родственных слов и синонимов: уточнение, перераспределение и кристаллизацию семантических признаков по мере возрастания роли абстрактного мышления в процессе языковой концептуализации действительности. Пропозициональная (онтологически мотивированная) и, как следствие, этимологическая связь между восприятием, ощущениями, чувствами и умом, знаниями человека сохраняется как в зоне языковых, так и неязыковых значений: *знать* – 1. Иметь сведения; 3. Понимать, сознавать; 4. Испытывать переживать; *ведать* – 1. *Устар.* Знать, иметь сведения; 2. *Устар.* Испытывать, ощущать [27, с. 847, 179]; ср. ассоциативы *чувствовать → знать (2), знать → чувствовать* [14, с. 726, 223]. Первичные семы восприятия обогащаются дополнительными компонентами (в основном за счет «ситуативной» номинации – метонимического переноса), одни из которых сближают лексические значения рассматриваемых слов, другие, напротив, – противопоставляют, способствуя большей различительности системообразующих категорий, смыслов: «восприятие», «ощущение», «переживание», «понимание», «осознание», «знание», «умение», «способность», «владение / обладание» и др. Так, с точки зрения Ю.Д. Апресяна, значения слова *знание* различают 4 сущности: 1) пропозициональное знание (информация о том, что имело или имеет место в действительности), 2) знание-понимание (сведения о каком-либо объекте, понимание того, как он устроен и функционирует), 3) знание-умение (практическое владение чем-либо, умение делать с предметом то, для чего он предназначен) и 4) знание-эрудицию (информированность) [2, с. 8]. Очевидно, что большая роль ума

проявляется в добывании знания-понимания, а также в действиях, называемых глаголом *знать*, – по сравнению с устаревающим глаголом *ведать*; «пропозициональное знание» связано с восприятием и наблюдательностью человека, знание-умение – с его обучаемостью, а знание-эрудиция – с памятью. Все эти различия регулярно актуализируются в речевых смыслах контекстов НКРЯ.

Таким образом, не случайны ассоциативные реакции говорящих: *знать → память, помнить, забыть* [14, с. 223]: за словом *память* закреплено значение ‘способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, сведения, знания’. Знание хранится в памяти человека, оно способно забываться, в отличие от мнения, формируемого работой ума: *знать → помнить, память, забыл; мнение → мысль (2), точка зрения, дума, думать, необдуманное, становление мысли* [14, с. 223, 324]. Как отмечает Ю.Д. Апресян, «мнения локализуются не в памяти, а в уме человека. Сами они не используются время от времени в готовом виде, а постоянно находятся в работе и корректируются с учетом меняющихся обстоятельств. Поэтому человек часто забывает то, что знал, но обычно не забывает того, что считал» [2, с. 11]. Не лишним в связи с этим будет упомянуть, что исторически слово *память* родственно *мнить, мнение* < и.-е. **men-* [50, с. 536], ср. лат. *mēns* ‘ум, мышление, мысль, сознание, рассудок, воля’, англ. *mean* ‘думать, полагать’. Наши собственные мнения и мнения других людей тоже хранятся в памяти: мы можем помнить то, что считали ранее, формируя новые представления (мнения) о чем-либо, корректируя их. Между двумя этими сущностями нет непроходимой границы, тем более что указанные первичные этимологические признаки сохраняются и в современной семантике: слово *память*, помимо своего основного значения, связанного с идеей хранения знаний и других сведений (это могут быть, например, мнения), имеет вторичное – ‘способность осмысленно воспринимать окружающее, отдавать отчет в своих поступках, чувствах; сознание’ *(лишиться памяти, прийти в память, быть в полной памяти, быть в трезвом / здравом уме и твердой памяти)*. Мнение, как результат собственных раздумий человека, предполагает оценку, отношение к кому- / чему-либо, поэтому роль ума при его формировании (а этот процесс связан прежде всего с пониманием, основанном на чувственном восприятии) выше. Часто умным называют человека, имеющего собственное, оригинальное и взвешенное мнение по какому-либо вопросу, ср. исторические значения: *дума* – 4. Ум, мыслительные способности; 5. Мысль, намерение, мнение; *думати* – 5. Считать, полагать [31].

В современном русском языке общее значение путативов – «иметь мнение о ком- / чем-либо» варьируется: 1) «иметь мнение о ком- / чем-либо, точку зрения на что-либо как результат собственных размышлений, раздумий над чем-либо» (*считать, думать, полагать, усматривать,*

видеть, разуметь и т. п.); 2) «считать, полагать кого- / что-либо кем- / чем-либо или каким-либо» (*считать, понимать, оценивать, осуждать, одобрять* и др.); 3) «иметь предварительное мнение о том, что должно произойти, осуществиться в будущем» (*предполагать, ожидать, смотреть вперед, предвидеть, чуять* и т. д.); 4) «предполагать сделать что-либо или поступить как-либо (= иметь предварительное мнение, решение о плане осуществления чего-либо)»: *намереваться, думать, подумывать, помышлять* [7, с. 16-24]. Предикаты памяти также имеют несколько вариантов своего значения: 1) «иметь, хранить в ясном поле сознания какие-либо знания, навыки, умения, будучи в состоянии реализовать их практически» (*помнить, держать / хранить в уме / голове / мыслях, не выходить из головы / ума / памяти*); 2) «закреплять, фиксировать в памяти результаты познания, т. е. перцептивной и мыслительной деятельности сознания» (акцентируется активный компонент: *запоминать, врезать(ся) / запечатлевать(ся) в памяти / уме / сердце, удержать / сохранить в памяти / уме / сердце*); 3) антонимическое значение: «переставать помнить (= не сохранять в памяти, утрачивать какие-либо знания, воспоминания)» – *забывать(ся), выскакивать / выскочить из памяти / головы / ума, изглаживаться из памяти / сердца*; 4) «восстанавливать в памяти забытое»: *вспоминать, всплывать в памяти / в уме, оживить / ожить в памяти / уме / сердце* [7, с. 62-66], – как видим, воспоминания человека локализуются не только в памяти, но и в уме (как и мнения), голове, сердце. Семантическая дифференциация свидетельствует, во-первых, об антропологической направленности процесса познания и, во-вторых, об усложнении (расширении) и относительной точности представлений человека о самом себе.

Несмотря на реально существующие в сознании говорящих нюансы языковой семантики, почти половина (44,8%) наших респондентов полагает, что ум – это либо способность получать и накапливать знания (= обучаемость, память), либо сама совокупность знаний об окружающем мире, приобретаемых человеком в результате обучения (= образованность, грамотность, эрудиция), жизненный опыт (= знания о жизни, «жизненные знания»), и, как следствие, способность / умение находить / давать ответы на любые вопросы. То же показывают и ассоциативные реакции: *ум → знание (2), знать что-либо, эрудированность; умный → знайка, ботаник; для ума → знания, наука, учеба, учение, учиться; знать → умный (4), ум, интеллект, голова, мозг, учить, думать, понимать (9), мочь; думать → знать, не знать; понимать → знать; понять → знать (2), узнать (2), знание, знаю; глупость → безграмотность; дура → безграмотная* [14, с. 686, 687, 168, 223, 183, 482, 134, 184]. О релевантности подобных представлений в русском обществе свидетельствуют и «сгустки народной мудрости» – пословицы: *Учить – ум точить; С книгой поведешься – ума наберешься; Счастье тот добывает, кто ума учением набирает; Человек*

уму учится весь век; Кто не учен, тот глуп; Знание – половина ума и т. п. Напомним, что в лексическом значении слова *ум* одной из центральных является сема ‘познавательная способность’, т. е. ум в современном русском языке интерпретируется прежде всего как возможность, «инструмент», «орудие» добывания знаний – посредством логического мышления. По-видимому, метонимия «ум – познавательная способность → ум – совокупность знаний, эрудиция» (ср. др.-рус. *оумъ* «знание») служит особым методом компрессии неязыкового содержания, при котором нейтрализуются некоторые важные, всплывающие в детальном рассмотрении предмета, признаки. Так, с другой стороны, в русской когнитивной картине мира закреплено представление о неоднозначности корреляций между умом человека и его образованностью, эрудицией: весьма расхожим в речи изучаемого периода является афоризм Гераклита Эфесского *«Многознание уму не научает»*, ср. также народные пословицы *Лучше не учен, да умен, нежели учен, да глуп; Много ученых, да мало смышленых; Учен, да не умен, в полцены он; Не нужен ученый, а нужен смышленый; Всяко полузнание хуже всякого незнания.* Данный фрагмент картины мира сочленяется с представлениями об «умничанье» (*умовредном мудрствовании, умовредном* или *вредительном учении;* ср.: *доумствовался до безумия, сумничать, переумничать, заумствоваться, заумничаться, заумь, мудрить* и т. п.), о толке и бестолковости, практических умениях человека, с идеей горя от ума.

Через категорию знаний с умом оказываются связанными многие другие важные концепты: *внимание*, *интерес*, *любопытство* (как сосредоточенность ума, зрения, слуха на чем-либо с целью получения нового знания), *вера*, *надежда*, *сомнение* (как различные степени, состояния уверенности / неуверенности в истинности знания), *мысль*, *идея* (как кванты, единицы знания и интеллектуальной деятельности человека). Функции ума минимизируются, если человек принимает что-либо на веру, и, напротив, роль его возрастает с увеличением степени сомнения. Ум – один из ментальных механизмов, позволяющих человеку находить выход из затруднительных ситуаций, размышлять, думать, принимать решения, совершать действия. Следствием добываемого и накапливаемого умом знания (теоретического или практического) является такое ментальное свойство человека, как *мудрость – «умственный багаж»*. И в современных, и в исторических языковых представлениях о мудрости фиксируются признаки: ‘одаренность большим / превосходным умом’, ‘глубокое знание, понимание чего-либо, жизни’, ‘многознание’; *мудрый* – это ‘разумный в высшей степени’, ‘обладающий глубоким проницательным, умом’, ‘большими знаниями и жизненным опытом’ [34, с. 362], [23] и др. (ср.: *умудренный опытом / жизнью*). В синхронии мудрость ассоциируется со спокойствием, уравновешенностью, однако исходным является значение (<и.е. **mendh*-) «быть бодрым, деятельным»,

«проявлять любознательность» [50, с. 547]. В связи с этим представляется вполне мотивированной семантика глаголов *умудриться* (ср. в др.-рус.: *оумоудритисѧ* «стать разумным, мудрым» [39, ст. 1210]), *ухитриться,* разг. *изловчиться* – ‘суметь сделать что-либо очень трудное, сложное’.

В еще большей степени, чем с умом, знания концептуально связаны с умениями, выработкой практических навыков человека, на что указывает чрезвычайно высокая частотность реакций *знать → уметь (23)* и *уметь → знать (27)* [14, с. 223, 686], обусловленная языковой компетенцией говорящих, их знанием современных значений слов *знать* и *уметь*. Общеславянский глагол *уметь* исторически является суффиксальным производным от **um*-, во многих современных славянских языках он имеет одно и то же значение – «уметь, знать» < прасл. **umĕti*. В ст.-сл. и др.-рус. это значение варьируется: *оумѣти* — ‘уметь, мочь, быть в состоянии’, ‘знать’ [41, с. 740], *оумѣти* – ‘понимать’, ‘знать’, ‘разумѣть’, ‘мочь, быть въ состояніи’, ‘быть способнымъ’ [40, ст. 1224]. Совершенно очевидна онтологическая мотивация данного семантического процесса: как правило, для выработки какого-либо навыка, умения, способности осуществлять те или иные действия необходимы определенные, пусть самые минимальные знания (в данном случае речь не идет о врожденных рефлексах); аналогично формирование модальной семантики в английском языке: *cunnan* ‘знать’ > *can* ‘мочь’ [18, с. 323]. Для сравнения: в современном русском языке представления об *уме* как о *способности* человека мыслить, понимать, познавать что-либо являются самыми важными, модальное значение реализуется также в слове *уметь* – ‘обладать какой-либо способностью’, разг., устар. ‘быть в состоянии, мочь что-либо сделать’ [28, с. 491]. Следовательно, ум, данный от природы как способность, возможность осуществлять какую-либо деятельность, развитый в высокой степени, есть не что иное, как особое умение. В связи с этим представляется онтологически мотивированным параллелизм дефиниций ума, заявленных нашими респондентами: *ум – способность* или же *умение* мыслить, думать, рассуждать (логически), анализировать, воспринимать, обосновывать свою точку зрения, решать какие-либо задачи, находить выход из затруднительных ситуаций, вести себя адекватно, применять знания, навыки на практике, развивать свой интеллект и др. Весьма наглядным является процентное соотношение определений ума как *способности* и как *умения* – 43,89% к 39,78%. С другой стороны, без ума, без каких-либо возможностей, способностей, в частности, к обучению, запоминанию, наблюдению, логическому мышлению и т. п. нельзя выработать умение. Об этом говорят русские пословицы: *Чем больше науки, тем ловчее руки; Ученье – путь к уменью; Ученье дает уменье; Больше науки – умные руки.*

Связь ума, умений и знаний актуализована как в языковой, так и в неязыковой зонах концепта «ум». Итак, в семантике глагола *уметь*

удивительным образом сходятся два контрастных этимологических признака, приписываемых исследователями слову *ум*: «*уметь* = знать, понимать, как можно что-либо сделать, осуществить; уметь применить свои знания на практике (с помощью ума), *иметь навык*» и «*знать* = обладать знаниями, приобретенными *в состоянии бдения, в результате восприятия* (посредством ума)». Оба они получили свое развитие в древнерусском языке (*оумъ* «способность мыслить и познавать, разумъ», «разумѣніе, пониманіе», «знание, умѣніе» → *оумѣти* → *оумѣтѣльство* ‘знаніе’, а также *оумѣниє* – ‘пониманиіе; разумѣниіе’, ‘разумъ; умѣниіе’ [40, ст. 1211, 1223, 1224]) и, будучи мотивированными пропозиционально, до сих пор так или иначе сохраняются на уровне языковой и неязыковой семантики в русской национальной картине мира. С одной стороны, ум – это особое умение, способность человека воспринимать (в состоянии бодрствования, бдения, наяву), познавать, понимать, думать (развитое в высокой степени, оно становится навыком); с другой стороны, в основе умения лежит ум, причем прежде всего элементарный, практический, базирующийся на каких-либо знаниях: *уметь* значит ‘обладать умением делать что-либо благодаря знаниям или навыку к чему-либо’, *умение* – ‘способность делать что-либо, приобретенная обучением, опытом’ / ‘способность, навык выполнять какую-либо работу, делать что-либо с большим мастерством, искусством, сноровкой’, *умелец* – ‘тот, кто хорошо знает свое дело; искусный мастер’ (см. [29, с. 669], [33, с. 595, 588], [28, с. 491], [34, с. 868, 867] и др.). Несмотря на забвение внутренней формы слова *уметь*, в зоне его «дальнейших» значений прочно зафиксировано представление о том, что без ума невозможно ничему научиться, что-либо уметь (см. ассоциаты *умелый → знающий, умница, умный; научить → ум, уметь; умный → умение* и т. п. [14, с. 686, 357, 687]).

Согласно русской когнитивной картине мира, умный человек – умеющий (др.-рус. *оумѣтель* – «знающій, опытный человѣкъ», «мастеръ», «ученый» [40, ст. 1223-1224], внутреннюю форму слова *оумодѣльник* со значением «искусный художник» [24]). Умение – его инструментальный ум, помогающий решать те или иные задачи, достигать цели, ср.: *дойти своим умом*, *взять / схватить умом, довести до ума*, *надо ум приложить*, *здесь нужен ум да ум* (как необходимый инструмент для осуществления какой-либо деятельности), *раскинуть умом, делать что-либо с умом*; *Не копьем побивают, а умом* (т. е. умением, по словарю В.И. Даля). По-видимому, мотивирующей взаимосвязь ума, знания и умения выступает целая группа когнитивных слотов: способность думать, ум → способность делать → думать (с помощью ума) = делать, работать; обучение, знание → навык → способность решать проблемы, достигать целей, успеха; работать, оттачивать навыки, умения → приобретать опыт (= ум, мудрость), мастерство; талант (= ум) → мастерство, искусство и др. Ср. ассоциаты: *умелый → знающий, умница, умный, способный, зрелый;*

умение → знание (5), знания, знать, способность, + навыки = успех, разум, работа, работать, трудолюбие; уметь → делать (91), все делать (2), научиться, навык (2), знать (27), мочь (5), талант, работать, труд (2); научить → думать (4), мыслить, уму-разуму (3), уметь, делать, ум; опытный → умелый, умный; опыт → знание (2), знания (2); привычка → думать, к мысли (3), к работе, к труду, работать, научиться; талант → искусство (5), мастерство (2), умение (2), работа (2), труд, успех (2), мудрость, думать, интеллект, голова, мозг, умелец, умница [14, с. 686, 357, 411, 507, 647-648]. Однако важно подчеркнуть, что лишь часть этих знаний фиксируется в лексических значениях языковых единиц *ум, уметь, умение.* С учетом столь тесной взаимосвязи указанных компонентов неязыковых знаний в вербально-ассоциативной сети носителей современного русского языка, весьма удачным можно признать оригинальное высказывание одного из наших респондентов: *«Ум – это то, чем человек пользуется умело, если он умный»*.

Семантическая связь между умом и умением отчасти сохраняется в современном лексическом значении слова *умный*: 1) ‘обладающий здравым умом, сообразительностью’; 3) ‘умелый (обладающий умением, нужными навыками), искусный’ [34, с. 868] (см. также [28, с. 492]; иначе в [29, с. 673] и [33, с. 618]: *умный* – 1. ‘Обладающий большим, ясным умом; здравомыслящий, разумный’. 2. ‘Основанный на уме, разуме, порожденный умом’). Однако третье значение используется обычно применительно не к человеку вообще, а к его рукам, пальцам или же машинам, механизмам, таким образом, идея ума как инструмента познания, понимания, мышления, сообразительности отходит здесь на второй план (неверно: *«сообразительные / понимающие / мыслящие руки / пальцы»*, *«сообразительный / понимающий механизм»,* но, в силу научно-технического прогресса, уже существуют выражения *мыслящая / сообразительная машина,* называющие механизм с относительно самостоятельно функционирующим интеллектом, подобным человеческому уму). В результате синхронно-диахронического анализа данных толковых словарей становится очевидной и тенденция изменения лексического значения глагола *уметь*, заключающаяся в смещении сем ‘знать’, ‘знания’ к периферии по сравнению с древнерусским языком (несмотря на прочность ассоциативных связей между понятиями знания и умения; такая связь, по-видимому, обусловлена в большей мере закрепленностью в языковом значении слова *знать* семы ‘уметь что-либо делать, владеть какими-либо практическими навыками’ [27, с. 847-848]). Этот незначительный сдвиг семантики фиксируется в период, когда слова *ум* и *уметь* уже не воспринимаются как родственные (вероятно, разрыв деривационных отношений здесь обусловлен утратой словом *уметь* сем ‘понимать’, ‘разуметь’, являющихся центральными для лексемы *ум*, ср.: *«не уметь понимать / понять» – не мочь понимать / понять,* а также

«умелый ум» и о человеке – *Он такой умелый и умный!*). Можно предположить, что изначально оба этих процесса мотивированы стремлением говорящих к большей дифференциации понятий «думать» и «делать», а также «знать», «понимать» и «уметь». Социальный опыт свидетельствует, что *уметь* не значит быть *умным* (см. ассоциативы *умелый → дурак (2)* [14, с. 686]), что *знания*, *эрудиция* не гарантируют глубокого *понимания* или практического *умения*, можно иметь активный, выспренный *ум*, прекрасно *думать* и быть ни к чему не приспособленным на деле и т. д. Недаром русские говорят: *Ум без догадки – черт ли в нем!*; *Всему учен, только не изловчен; Складно думает, да подслеповато рожает; С умом задумано, да без ума сделано; Думал много, да вошь поймал; Человек он умный, только мало смыслит; Не нужен ученый, а нужен смышленый; Коли грамота дается, так на ней далеко не уедешь; Ума-то палата, да не покрыта / гола* (т. е. беден). Иное показывает диалектный материал. Е.Л. Березович приводит результаты исследования Т.В. Леонтьевой: в семантике диалектного слова часто объединяются «смыслы», принадлежащие полям ‘интеллект’ и ‘трудолюбие’, – *гусар* ‘смекалистый, работящий человек’, *ловенький* ‘умелый, ловкий; находчивый, догадливый’, *вытный* ‘умный, деловой’, *делец* ‘умный деловой человек’, *проворый* ‘сообразительный, смекалистый, умный, деловой’. Е.Л. Березович резюмирует: «Стремление представить сообразительного человека одновременно умелым и деловым говорит о том, что народная культура не думает о «чистом» уме, а пытается найти ему практическое применение» [4, с. 9]. Соотнесенность сем ума и толка, умения в литературно-разговорном языке иллюстрирует, пожалуй, только парадигматическая связь синонимов *умный — толковый — дельный* (ср. также синонимию единиц *бестолковый — глупый*). Во всех других случаях она эксплицирована в зоне «дальнейших» значений, хотя релевантность ее очевидна в ответах наших респондентов, принадлежащих эпохе современного практицизма (см. об этом далее).

Таким образом, будучи весьма редуцированными в силу дейктичности своей природы, лексические значения глагола *уметь* и существительного *ум*, тем не менее, служат в современном русском языке репрезентантами ряда важных неязыковых представлений народа, отражающих его менталитет, социально-культурный опыт, знания и ценности. К примеру, в русских пословицах и поговорках содержатся сведения о том, что практический, житейский ум (= умение) позволяет человеку не только выходить из затруднительных ситуаций, но и – в сочетании со смекалкой, находчивостью (сообразительностью, догадливостью), изворотливостью, хитростью, лукавством, мудростью, здравым смыслом или (верным) расчетом – добиваться успеха, строить счастье, богатеть. Умный – умелый, дельный, толковый – человек надежен, он способен принимать правильные решения и преодолевать трудности,

ему можно доверять: *Без уменья и лаптя не сплетешь*; *Не силой берут, а уменьем*; *Уменье пить-есть не просит, а само кормит*; *Где ум, там и толк*; *Не без ума, так и не без промысла*; *С умом торговать, без ума горевать; Умная голова сто голов кормит, а худая себя не прокормит; С пустой головой счастья не нажить; Дурак только в сказках удачлив; Был бы ум – деньги будут / будет и рубль* (ср. др.-рус. *дооумѣньѥ* – ‘достаток, изобилие’); *Свой умок – скопидомок; Не дал Бог ума – найдет сума*; *Счастье без ума – дырявая сума*; *Богу молись, а добра ума держись*; *Глупый киснет, а умный все промыслит; Дурак дом построил, а умный купил*; *Дай бог с умным потерять, не дай Бог с дураком найти; Чем умнее голова, тем легче плечам*. Ум предпочтительнее красоты, большого роста и физической силы человека: *На красивого глядеть хорошо. А с умным жить легко*; *Личико беленько, а ума маленько; Собой-то краля, а умом-то фаля; Ростом с тебя, а умом с теля*; *Нос с локоть, а ума с ноготь*; *И сила уму уступает*.

Согласно представлениям опрошенных нами респондентов, *умный человек* – это человек «с житейским умом» (так думает 13,26%), «сообразительный», «находчивый», он способен / умеет «ориентироваться / правильно поступать в различных (сложных) жизненных ситуациях», «не растеряться / найти выход из (сложной, трудной) сложившейся ситуации», «(правильно) решать любые проблемы», «действовать», «ставить перед собой цели и, несмотря на преграды, достигать их», «вести себя правильно / адекватно в любой ситуации», «совершать правильные, обдуманные поступки», «применять свои знания, умения, навыки на практике (с пользой)», «правильно воспользоваться информацией / своими знаниями», «удовлетворять свои же потребности», «тот, кто может создать все, что хочет и в чем нуждается» (подобные мнения высказывает 38,74% опрошенных). С точки зрения 6,12% респондентов, *умный* – это «успешный, преуспевающий человек», «он совмещает в себе интеллектуальный и житейский ум, умеет устроиться в жизни», «живет так, как требует жизнь, поэтому всегда находится в счастливом и удачном положении». Сообразно с этим молодые люди трактуют и само понятие ума: *ум* – это «способность / умение ориентироваться в той или иной ситуации, принимая какое-либо решение», «решать какие-либо проблемы / (учебные, жизненные) задачи, исходя из имеющихся знаний, умений, навыков», «принимать правильные / находить оригинальные решения проблем (сознательно, самостоятельно)», «просчитывать ситуацию на три хода вперед», «действовать обдуманно», «вести себя адекватно / правильно», «уметь сочетать теоретические знания с практическими», «достигать высоких результатов» (39,6% высказываний). В данных ответах респондентов эксплицировано существование двух важнейших категорий ума: «интеллектуального» (теоретического), связанного со способностью человека логически думать, понимать, приобретать знания и т. д., и

«житейского» (практического) – сообразительности, находчивости, умения. Обе они, с точки зрения прагматически настроенной молодежи XXI в., должны использоваться «правильно», ибо ум в целом – это «возможность (грамотно и спокойно) обеспечить свое существование / выжить в окружающем мире», «наиболее адекватное приспособление человека к жизненным условиям (для получения удовольствия от жизни)» (6,12%). «Инструментальность», «орудийность», практическое предназначение ума здесь очевидны. Лишь один ответ студентов характеризуется неким романтико-патриотическим пафосом: «умный человек благодаря своим знаниям, преображает наш окружающий мир, направляет свои силы в нужное русло, т. е. не причиняет никому вреда, зла, а наоборот, помогает обществу, прославляет свою страну».

Большая часть приведенных выше высказываний репрезентируется языковым значением слова *ум*, которое отражает одну из самых релевантных социально-исторических категорий – здравый смысл: *ум* – это ‘здравый смысл, способность оценивать обстановку, взвешивать обстоятельства и руководствоваться этим в своем поведении’ [28, с. 488-489]. Дрейф неязыковых представлений о здравом смысле заключается в большем прагматическом их крене: русское сознание рубежа XX-XXI веков, помимо привычной необходимости соблюдать этикетные правила, облегчающие социальные взаимоотношения (ср. внутреннюю форму английского выражения *common sense* ‘здравый смысл’), характеризуется озабоченностью устройством собственного, индивидуалистического, а не коллективного, как это было раньше, счастья. Как показывает наш социолингвистический опрос, постепенно уходит в прошлое эпоха Обломовых, т. е. пассивного, созерцательного ума, и наступает время Штольцев – ума практического, направленного на обеспечение личного благосостояния. Примечательно, однако, то, что ум при этом не рассматривается русскими как абсолютная ценность: *Умелый / умный не стоит счастливого.* Мысль о том, что *Умный и без денег богат* (ср. англ.: *Wit is better than wealth* «Ум лучше богатства»), выражает единичное число паремий, ср. пословицы восточных народов: *Ум джигита – что золотой, ум страны – что тысячи золотых* (башк.); *Большего богатства, чем ум, – нет* (узбек.); *Один мудрец в племени лучше тысячи богачей* (ассир.); *Самая худшая бедность – недостаток ума* (турец.); *Сокровище умного – в его знании, сокровище глупого – в богатстве* (араб.); *Ум – золото, мысль – серебро* (кирг.); *В темноте нужен свет, а в беде – ум* (амхар.); *Не в богатстве счастье, а в разуме* (бенг.); следует отметить, однако, что ум в мировоззрении восточных народов чаще всего означает мудрость, такт, дипломатию. Сам по себе ум не составляет счастья или богатства русского человека, он – всего лишь инструмент, орудие, средство достижения счастья, благосостояния, да и то лишь ум в определенной, социально-нормативной, мере. Ума не должно быть ни слишком много, ни

слишком мало, а ровно столько, чтобы человеку можно было устроить собственное счастье и не закрывать место под солнцем другим людям; от большого ума человеку горе: *От большого ума досталась сума*; *От большого ума сходят с ума*; *Ума палата, а спина горбата*; *С умом жить – мучиться, а без ума – тешиться*, – гласят русские пословицы.

В заключение отметим, что, помимо выявленных языковых и неязыковых связей понятий ума, знаний, умений в их историческом развитии, проведенный анализ вскрывает фундаментальные свойства языка – его семиотическую репрезентативность – способность емко представлять важнейшие знания о мире, функциональность – способность обеспечивать полноценную коммуникацию, взаимопонимание людей (в силу дейктичности, отсылочности языковой семантики) и мотивированность – обусловленность языковых значений в каждый момент времени доминирующим мировоззрением.

3.4. «Ум с сердцем не в ладу»? (Мотивированность языковых знаний неязыковыми в русской когнитивной картине мира.)[53]

Человечеством накоплены множественные сведения об уме, его свойствах и функционировании, тем не менее этот главный инструмент познания действительности, скрытый от нашего непосредственного наблюдения, все еще остается одной из величайших загадок. В данной работе мы рассмотрим те аспекты ума, которые представляются особенно важными для русского самосознания и регулярно реализуются в контексте речи, – его взаимосвязи с сердцем (чувствами), телом, волей, душой и духом человека. Исследование осуществлено в рамках разрабатываемой нами общей лингвистической теории мотивации на материале ряда словарей, 5 тыс. контекстов Национального корпуса русского языка, данных психолингвистических экспериментов, социолингвистического опроса и современной речи. Мотивированность мы определяем как относительную синхронно-диахроническую (взаимо-) обусловленность формальных, семантических, значимостных и функциональных свойств языковых и речевых единиц, а также обусловленность этих видов языкового знания субъективными и объективными представлениями человека о действительности, его витальными, социальными потребностями и психофизиологическими возможностями. Исходным для реализации поставленной задачи стал тезис о том, что язык, как мотивированная во многих отношениях форма (в указанном еще В. Фон Гумбольдтом смысле), накладывает определенные, хотя и

53 Автор – Е.Е. Хазимуллина. Материалы впервые опубликованы в журнале «Вестник Томского государственного университета». – Томск, 2010. – №330. – С. 32-39.

подвижные, границы на практически неисчерпаемое человеческое знание, необходимые и достаточные для взаимопонимания и общения людей. Мы также полагаем, что относительно устойчивые «ближайшие», по А.А. Потебне, значения, репрезентируя то или иное, актуальное для конкретной исторической эпохи, концептуальное содержание («дальнейшее» значение), варьируются, расширяются, сужаются или же нивелируются под непосредственным, мотивированным влиянием этого последнего.

Как известно, явления интеллектуальной, эмоциональной и духовной сфер своей жизнедеятельности древний человек научился различать не сразу; не случайно одним из лексических значений слова *умъ* в др.-рус. языке было значение «душа, совокупность духовных сил», *умьный* – «духовный» (ср. *душевный* – «руководящийся разумом и чувствами (а не внушениями святого духа)»), а слова *разумъ* – «дух, воля, желание, стремление, сочувствие», «духовное постижение, созерцание» [30, Вып. 4, 21; 37, с. 53-56, 160; 40, с. 1211-1213]. Метафорический сдвиг «интеллектуальная сфера – эмоция» был ярко представлен в русском языке старшей поры: *изумѣтися* – «обезуметь, потерять рассудок», «изумиться»; *съмыслити* – «думать», «думать за одно, сомыслить, сочувствовать», *недоумѣние, изумѣние* – «безумие, безрассудство», «изумление», *восклокотание духовное* «кипение, бушевание страстей», *къ мысли кому быти, по чьей-либо мысли быти* «быть по душе» (см. [13, с. 169, 234-235]), ср. также *умоизступленье* – «неистовость, утрата ума, разсудка или сознательности своихъ действий» [10, Т. 4, с. 496], в современном русском языке: *умоисступление* – ‘крайнее возбуждение с потерей самообладания, способности здраво и разумно действовать’ [28, Т. 4], аналогично *умоисступленный* (см. [34, с. 868]). В XVIII веке у слова *духъ* еще сохраняется значение «умъ, мысль» [22, Ч. 2]). В.И. Даль отмечает: «въ просторечьи *умъ* нерѣдко принимаетъ значенье *воли*; *худой умъ, худой разумъ,* не только глупые поступки, безразсудные, но и безнравственые, вредные, преступные» [10, Т. 4, с. 494], ср. *На доброе дело ума* (= воли) *не станет, а на худое станет,* а также *У тебя что, своего ума* (= воли) *нет?!* Следы такого «неразличения», с одной стороны, а с другой – осознанной говорящими объективно существующей (физиологической) взаимосвязи явлений ментальной, волевой и эмотивной сфер частично обнаруживаются и в современном русском языке: слово *дух*, например, означает ‘сознание, мышление, психические способности, нравственную сторону человека’, а *душа* – весь ‘внутренний мир человека’ и ‘совокупность характерных свойств, присущих личности’; слово *чувство* имеет значение ‘способность воспринимать, осознавать что-либо на основе своих ощущений, впечатлений’, его ЛСВ – ‘интуитивное понимание, знание чего-либо’; *познать, узнать* значит не только ‘приобрести какие-либо знания, получить представления’, но и ‘испытать что-либо, пережить’, а

понимающий (человек) не только ‘способный осмысливать’, но и ‘сочувствующий, способный выражать сочувствие’. Узуальной синтагматической значимостью в современном русском языке характеризуются метафорические сочетания, основанные на сходстве ума, интеллекта и чувств, эмоционального состояния человека: *(не)спокойный / беспокойный* (‘(не) охвачен беспокойством, переживаниями’) / *(не)холодный / хладный / (не)равнодушный / мятежный / воспаленный* (‘взволнованный до болезненности’) / *озлобленный* / (а также окказионально – *сердитый / сухой*) *ум*; *ум охладевает / воспламеняется*, окказионально: *ум забьется, как сердце, при мысли о хаосе*; ср. также устойчивые выражения *память сердца, мудрое сердце* и *ум сердца* («о способности правильно руководствоваться в своих поступках и действиях эмоциями, интуицией» [34, с. 867]) и старорус. *сердечные мысли, мысли сердца, разумъ душевный.* Реальными в сознании современных говорящих являются следующие ассоциативные связи: *сердце → душа (12), ум (2), воля; понимать → чувствовать (3)* и обратное – *чувствовать → понимать (5); думать → чувствовать; мыслить → душа* [14, с. 183, 339, 482, 582, 726]. Как видим, в семантике языковых единиц находят свое закономерное отражение наиболее актуальные неязыковые представления: понимание, мышление, ум человека непосредственно связаны с ощущениями, рецепцией (данный факт фиксируется уже в первичном мотивировочном признаке слова *ум*, см. [49, Т. 1, с. 290; 44, Т. 4, с. 161; 9]), основываются на них.

С точки зрения современной психофизиологии, эмоции представляют собой одну из основных форм отражения действительности, особый тип психофизиологических процессов, выражающий переживание человеком его отношения к окружающему миру и к самому себе, мотивирующий все другие виды деятельности, направленные на удовлетворение различных потребностей. Считается, что любые действия человека небеспристрастны, эмоции сопровождают даже рефлексы, но соотношение и взаимодействие emotio и ratio мыслится учеными по-разному. В последнее время преобладает точка зрения, восходящая к идеям С.Л. Рубинштейна, в соответствии с которой мышление рассматривается как единство интеллектуальных и эмоциональных процессов, а эмоции неотделимы от интеллектуальной деятельности. По мнению ряда специалистов, когнитивная деятельность может быть не только источником эмоций, но и сама зависит от эмоционального состояния субъекта [11, с. 175]. Таким образом, как это ни парадоксально, но в своей нерасчленности, диффузности древнее мировосприятие, отраженное в синкретичности языковых значений, полисемантичности, оказывается весьма приближенным к реальному модусу существования психических процессов, как их понимает современная наука.

По наблюдениям А.Д. Шмелева, «русская языковая модель

определяется двумя противопоставлениями: (1) идеального и материального и (2) интеллектуального и эмоционального. Первое противопоставление отражается в языке как противопоставление духа и плоти, второе – как противопоставление ума и сердца… При этом центральное место в русской языковой модели занимает душа, которая соединяет в себе свойства материального и идеального, интеллектуального и эмоционального» [53, с. 19]. Не случайно противопоставление ума, разума и рассудка сердцу и чувству, а тела – духу, душе фиксируется в соответствующих антонимических рядах современного русского языка. Нет никаких сомнений в их значимости, однако справедливости ради необходимо отметить, что «противопоставление», как мы убедились на примере исторических фактов языка, не единственная форма фиксации взаимоотношений этих сущностей в русской картине мира. Рассуждая о духе и душе, далее А.Д. Шмелев подчеркивает, что, с точки зрения христианской антропологии, человек имеет тройственное строение (*дух – душа – тело*), а наивно-языковое сознание оперирует двумя оппозициями: *дух – плоть* и *душа – тело* [53, с. 21]. Но, по данным словаря антонимов, в современном русском языке содержится три противопоставления: *дух – тело, душа – тело* и *дух – плоть* [1, с. 106, 239], при этом лексемы *тело* и *плоть* синонимичны, а *душа* и *дух* – нет, – вероятно, в силу того, что русское «наивно-бытовое» мировоззрение, отраженное в языке, исторически во многом основывается на религиозном. То же показывают и ассоциативные эксперименты, фиксирующие «срезы» сознания говорящих: стимул *душа* вызывает реакции *тело, и тело; дух → тело (2)* [14, с. 185]. Ассоциативные поля «душа» и «дух» сходны: *душа → бессмертная, живет, Бог, и Бог, улетела, летать, небо, рай, в рай, в пути, смерть, труп, возвышенная, святая* и др.; *дух → бесплотный, привидение, Божий, вселенский, живой, жизни, нечистый, витает, высокий, высота, выше, мертвец, ушел, умиротворенный*. Но, помимо общей части концептуальных представлений о духе и душе, обусловленных знаниями респондентов основных религиозных догматов, обнаруживаются и различия: дух в большей мере связан с сознанием, мышлением, волей и нравственной стороной характера человека (ср. ассоциативы *дух → сильный, боевой, свободы, победы, взаимопомощи, противоречие, силы, характер* и языковые выражения *воспарить духом, силен духом, не сломить / поддержать (боевой) дух, воспрянуть духом, собраться с духом, набраться духу*), а душа – с чувствами, ощущениями, переживаниями и моральными качествами личности: *душа → болит, поет, покоя хочет, просит, нараспашку, широкая, доброта, добрый, радость, сильная, чистая, мятущаяся*, ср. также языковые сочетания *трепет души, светлая / открытая / нечистая / беспокойная / темная / падшая / заблудшая душа*, *жить душа в душу, души не чаять* и др. Эти различия определяются языковыми знаниями говорящих: знанием семантического ядра данных

единиц, их синтагматических и парадигматических связей (ср. синонимию: *дух – сознание, душа – сердце – внутренний, душевный мир человека – характе*), – оформившихся, в свою очередь, под влиянием релевантных неязыковых представлений.

Душа, безусловно, – важнейшая категория русского сознания. Ее описывает втрое большее число фразеологизмов современного русского языка по сравнению с духом: *душа (сердце) не лежит / не на месте / разрывается (на части), болеть душой, всей душой (сердцем), от всей души, разговор / беседа по душам, изливать / отводить душу, кривить душой, брать за душу* и мн. др. Душа не то же, что дух. Тем не менее, у них есть и общие аспекты осмысления, свидетельствующие о генетическом родстве данных единиц: состояние души отражает эмоции, переживания, настроение человека, ср. *быть не в духе / в дурном расположении духа* ‘не в настроении’; открытая душа означает искренность, отсутствие лжи, лицемерия – то же, что и *как на духу*, ср. *раскрыть (свою) душу*; о страхе мы говорим *душа в пятки ушла* или *дух перехватило / захватило*, а о смерти – *отдать богу / дьяволу душу* и *испустить дух.* Но, пока мы живы, всем нам важно найти не только *родственную душу*, но и *близких по духу* людей – для взаимо-**понимания** и со-**чувствия,** ср. выражения *духовный человек* (‘с богатым внутренним, нравственным миром’) и *душевный человек* (‘добрый, искренний, отзывчивый, чуткий’), *духовное общение* – ‘на высоконравственные, интеллектуальные темы’ и *душевное общение / разговор* – ‘искреннее, теплое, сердечное’. В соответствии с доминировавшими мировоззрениями, которые репрезентировались в русской речи на протяжении всей ее истории, значимыми в русской когнитивной картине мира оказывались как чувственные или интеллектуальные, так и синкретичные, чувственно-интеллектуальные категории психики человека: его «чувственная душа» или «разум сердечный», «разумная душа» и «дельный разум», «сердце плотяное», «чувственное» или же «духовное», «целостный дух», «духовность» и др. Какое же место во всех этих структурах занимает *ум*?

А.А. Зализняк полагает, что ум локализуется в «низкой» сфере русской когнитивной картины мира рядом с телесным и противостоит душевному и духовному [12, с. 88]. Аналогичного мнения придерживается С.Г. Тер-Минасова [42, с. 166]; на другом полюсе научных мнений находится высказывание М.А. Соколовой: «интеллекту соответствует чрезвычайно высокая ценность» [35, с. 11]. Если принять во внимание целостную русскую когнитивную картину мира в ее развитии, а не какой-то отдельный синхронный срез, то не все будет выглядеть так однозначно. Поскольку *ум* – это мыслительная, познавательная способность, лежащая в основе сознательной деятельности, сознания, то с учетом только что изложенных рассуждений, он должен соотноситься как минимум с духом, духовной стороной человека. А. Колмагорова, например, анализируя

современные словарные значения, заключает, что «**мысль** – это то, что заполняет сознание, состояние души человека» [15, с. 69]. С последней частью высказывания вряд ли можно согласиться, это скорее речевой смысл, неязыковое знание, рефлекс архаических представлений или же следствие отождествления души с менталитетом. Однако не стоит забывать, что *думать* и *дух, душа, дышать* – исторически родственные слова; необходимо дополнительно подчеркнуть: лексема *умъ* до XIX столетия обозначала не только совокупность духовных сил, но и душу. Приведем еще два аргумента в пользу неоднозначности статуса ума в русской когнитивной картине мира. Во-первых, согласно православно-христианским учениям, в значительной мере определявшим «наивное» сознание народа, а также ряду концепций русского религиозно-философского Ренессанса, ум – это врожденная сила, способность мыслить, это «разумная», «божественная» часть души или духа. Другая часть интерпретировалась как нрав, страсти, «чувственная половина», способная подвергаться земным, низменным соблазнам: грехопадение совершается не умом человека, а под влиянием его чувств, желаний (об этом говорят русские пословицы: *Сердце не стерпело – страсти взяли верх; Дай сердцу волю – заведет тебя в неволю; Не умом грешат, а волей; Своя воля страшнее неволи*). Разумная же душа призвана создавать духовные ценности и осуществлять «просветление» плоти, поскольку смысл человеческой жизни заключается в духовном Преображении. Во-вторых, пространственное положение ума, души и сердца в русской модели мира основывается на анатомическом строении тела человека: ум локализуется преимущественно в верхней части вертикальной системы координат. Специальные исследования показывают, что в истории изменяется лишь его аксиологическая характеристика: в древнерусском языке высота ума оценивается, как правило, отрицательно (*высокооумиѥ, высокомоудрьство(-иѥ)* – «высокомерие, гордость, заносчивость», *высокооумьныи* – «высокомерный, заносчивый», *высокооумити, высокомыслити, высокомоудровати* – «гордиться, вознестись, заноситься», ср., однако: *высокыи* – 4. Возвышенный, исполненный духовности; 5. Высокомерный, заносчивый, гордый; *высота* – 3. Величие, совершенство; 4. Высокомерие, гордость, надменность; *высокомысльныи* – «исполненный высоких помыслов» [25, Т. 2, с. 252, 251-254]). В современном же русском языке она положительно маркирована: *высокий, возвышенный, выспренный ум, высокие / выспренные мысли, воспарить умом / мыслью* и т. п. «Высокое» положение ума в древнерусском языке соответствует предназначению интеллекта сдерживать чувственные порывы низменной, «плотяной» части души и стремиться к познанию божественной сути; горделивый же, «земной» ум, возносящийся над религиозными ценностями, презирающий их, резко осуждается. В современном русском языке высота ума поощряется в силу его

одухотворенности, нравственной силы, творческой мощи, противопоставленности душевным страстям, плотским потребностям и узкобытовым интересам. Отметим также, что стратегия кодирования положительных интеллектуальных, морально-этических, религиозных и др. характеристик как сущностей, имеющих верхнее, высокое пространственное положение является традиционной для русской языковой картины мира (ср.: *низкий ум* – ‘аморальный, безнравственный’). Таким образом, само душевное и духовное, как и интеллектуальное, в русской картине мира имеет амбивалентный статус; для объяснительной, мотивационной, лингвистики важно понять почему.

Помимо указанных выше наименований с синкретичной семантикой, свидетельствующей о тесной взаимосвязи ментальной, модально-волевой и эмоциональной сфер психической жизни человека, существовали и многие другие, подобные. Например, *мысленнѣ* – ‘в мыслях, **в душе**, в воображении, умозрительно, абстрактно’ [30, Вып. 9], *умовая работа* – «умственая, трудъ ума, **духовный**, вообще **не тѣлесный**» [10, Т. 4, с. 495], ср. также др.-рус. *разоумъ* – ‘**сочувствие**’, *разоумъныи* – ‘относящийся къ **душѣ, духовный**’ [42, с. 53]. *Разумѣвати* в XI-XVII вв. выражало значение ‘**чувствовать**, воспринимать, замечать’, как и *разумѣти* [30, Вып. 21]. *Сердце* до XIX в. обозначало не только одну «изъ главнѣйшихъ внутреннихъ частей въ тѣлѣ животномъ», но и «**мысль, помышление**» [22, Ч. 6]. Показательно в этом плане и толкование значения слова *разумъ*, приведенное в том же словаре: это «**способность души,** посредствомъ которой человѣкъ понимаетъ, судитъ и умствуетъ или выводитъ по смотрѣніи и соображеніи слѣдствія». Православные отцы церкви слово *ум* часто заменяли термином *дух* – пневма (греч. πηεῦμα «дыхание, дуновение, дух», отождествляемый с логосом-первоогнем). Очевидно, что подобные представления были сформированы не только в силу слабой способности средневекового человека разграничивать называемые им абстрактные сущности, но и во многом под влиянием религиозных учений. Большую дифференцированность и определенность семантики все эти единицы получили лишь к концу XIX в. благодаря бурному развитию биологии, медицины, психологии, философии и лингвистики. Влияние религиозного мировоззрения, однако, по-прежнему сказывается, например, в значении русского слова *душевнобольной*, ср. др.-рус. *бѣсоватисѧ, бѣситисѧ* – 1. Быть одержимым бесом, быть в состоянии сумасшествия; 2. Безумствовать, неистовствовать; *богооумьныи, благооумьныи* – «благоразумный, мудрый, благонравный» (= просвещенный божественной, религиозной мудростью) и еще одно – *безоумьство* – «неразумие (о язычниках)» [25, Т. 1, с. 146, 211, 271, 364, 365]. По наблюдениям С.Г. Тер-Минасовой, слово *душа* в русском языке «дает наивысшую частотность употреблений в значении ‘внутренний психический (психологический) мир человека’» [42, с. 164-165] (вернее все-таки сказать: в современном

русском, т. к. во всех исторических словарях первичным является именно религиозное значение слова *душа*: ‘бессмертное нематериальное начало в человеке’, ‘бесплотное существо, носитель жизни и духовного мира человека, способное существовать отдельно от тела’). Тем не менее следует отметить, что религиозное значение и семантический синкретизм этого слова сохраняются и поныне (см. толковые словари). Ситуация не может быть иной: как известно, сохранению языковых значений способствуют, прежде всего, социальные условия; в данном случае, помимо «культурно-исторической памяти слова», мотивирующим фактором является также новая волна клирикализации современного общества.

Наглядную картину сопоставления и противопоставления ума, тела, сердца (чувств) и воли человека, обусловленных как онтологически (объективными свойствами психофизиологии человеческого существа), так и гносеологически (религиозными и морально-этическими воззрениями русских), представляет широкая область речевых смыслов «Национального корпуса русского языка»: *...все, чем владеет наш* ***ум****, все, что делает наши* ***сердца*** *такими богатыми, достигает до нас через наши* ***чувства***; *Он чувствовал в себе возрождающиеся силы, бодрость* ***духа; сердце*** *его тихо наполнялось* ***чувством, ум*** *– мыслию, на* ***душе*** *светлело*; *...вянет его* ***ум,*** *терзается* ***тело****, скучает* ***сердце***; *Казалось, чем слабее и немощнее становилось его* ***тело****, тем упрямее и сильнее был его* ***дух*** *...кипела* ***душа,*** *туманила* ***ум***; *...при всей горячности* ***сердца*** *был* ***ум*** *спокойный и рассудительный.., привыкший сдерживать внутренние порывы*; *...буйная* ***кровь****...палит молниями* ***ум***; *Наше* ***сердце*** *окаменело и часто даже не содрогнется, видя, как* ***ум*** *наш глумится над истиной*; *Мой* ***ум*** *был совершенно побежден, но* ***сердце*** *не соглашалось*; ***Ум, сердце, воля*** *воюют между собой*; *Весы колеблются:* ***ум*** *говорит почти «да», но в* ***душе*** *что-то шевелится похожее на veto* и т. п. Обобщая выраженные здесь идеи, можно заметить, что в более поздних контекстах XVIII-XX вв. дух, душа, чувства, сердце, тело, воля и ум предстают в ином свете: сосуществуя как относительно независимые явления, они способны взаимодействовать, сообщаться либо (что чаще) противодействовать друг другу в процессе нравственного выбора человека, познания действительности, совершения им каких-либо поступков. Метафорические представления о партикулярности души, ума, сердца, разума, рассудка, воли и плоти обусловлены теми противоречиями, в которые действительно то и дело вступают интеллектуальные, эмоциональные и физические стороны человеческого существа. Очевидно, насколько языковая концептуализация в подобных контекстах далека от анатомических знаний, но и она имеет мировоззренческую подоплеку, выступающую в качестве внешнего, гносеологического, мотивирующего фактора. В отличие от западного, рационалистического, или восточного, иррационально-мистического,

основанного на интуиции мировосприятия, русское религиозное сознание стремилось к «положительному Всеединству», «целостности Духа», достижение которых мыслилось путем синтеза действующих разрозненно чувственных, интеллектуальных и волевых импульсов, направления их на познание божественной мудрости. С одной стороны, русским идеалом являлось «общеорганическое чувствование», другой же этноспецифической мировоззренческой доминантой было повышенное доверие сердцу: *«великие мысли истекают из сердца»* (К. Батюшков); *«Главное в человеке — это не ум, а то, что им движет: характер, сердце, добрые чувства, передовые идеи»* (Ф.М. Достоевский). В этом смысле верным представляется замечание А.Д. Шмелева: «В качестве средоточия эмоциональной жизни человека сердце и кровь противопоставляются голове и мозгу (мозгам), в которых локализуется интеллектуальная жизнь человека и его память» [53, с. 34] (память, однако, не является привилегией ума, ср. фразеологизм *память сердца*).

Сердце действительно в русской когнитивной картине мира является средоточием чувств, переживаний, настроений человека (существуют, однако, и *настроения умов*), символом отзывчивости, доброты, любовной привязанности, душевного мира человека и т. п. Оно, как мы видели, контекстуально в значительной мере противопоставлено уму, разуму, рассудку. Это физический и духовный центр человека, выражающий его истинное «я» (*в глубине сердца / души*), оно способно постигать то, что недоступно интеллекту — добро, красоту, суть зримых и незримых вещей (*сердце чует / слышит / видит; у сердца уши есть*); оно направлено к Богу, более того, оно есть место встречи человека с Богом (*Где же ты, Боже, если не в сердце моем?; Сердце — храм, славящий тебя, Иисусе!* — из молитв). Примечательно, что русские конфликту интеллектуального и чувственного придают особое значение. Сердце олицетворяет мудрость чувства в противоположность мудрости рассудка (ср.: *ум сердца* и *ум ума*, по Л.Н. Толстому; различие принципов *жить умом* и *жить сердцем*). Это дает повод считать, что «когда у русских *«ум с сердцем не в ладу»*, они, по-видимому, чаще, чем другие народы, предпочитают сердце» [42, с. 169]. Сердце может предпочитаться уму, разуму, рассудку, если они уводят человека от истины и деятельного добра абстрактными, умозрительными рассуждениями (*«Абстрактный ум – раковая опухоль на теле простых и ясных чувств»* (М. Палей). Однако сердце не только центр любви, сострадания, понимания и духовности, это еще и источник своеволия, ненависти, злобы, раздражительности и гнева, это поле битвы Добра и Зла, противоречивых (божественных и дьявольских) устремлений человека; русская пословица гласит: *Сердце душу бережет и душу мутит.* Исторический опыт показывает, что и такое сердце русские могут предпочитать уму и нравственным ценностям. Данные концептуальные признаки представляются настолько важными, что фиксируются языковой

семантикой слова *сердце*: ЛСВ первичного его значения — ‘символ отзывчивости, доброты’, ‘символ любовной привязанности, склонности’, ср. 3. ‘Внутренний мир человека (сфера эмоций, интуиции и т. п.; обычно в противопоставлении рассудку разуму); душа’ и 5. Гнев, раздражение, злоба [34, с. 36], ср., например, *сердце доброе / золотое* и *черствое, сердцем крут, сказать что-либо в сердцах*.

Стремление очистить греховное сердце (как и душу, и ум, и все тело) иллюстрируют молитвы, с которыми русские христиане обращаются к Богу и Божьей матери: *...во исцеление **души** же и **тела** моего, во изгнание всякого злого, в просвещение **очей сердца моего**, в мире **душевных** моих сил...; ...пройди в члены **тела** моего, во все составы, внутренности, в **сердце**. Испепели скверну всех моих прегрешений. **Душу** очисти, освяти **помышления**, укрепи меня, пять главных **чувств** просвети...; **Сердце** мое каменное освяти и сподоби его благодати Твоей!; Освяти темницу греха и соделай **сердце** колыбелью благодати; Боже, открой мне правду Твою, дабы не переставало рыдать **сердце** вовек о грехах своих.* Думается, что с учетом всего сказанного выше, многие русские в большинстве случаев предпочтут как для себя, так и для ближнего своего *разум, трезвый рассудок* и *здравый ум*, нежели *тяжелое, греховное, своевольное сердце* или *темную*, раздираемую противоречиями и страстями *душу*. Об этом свидетельствуют следующие народные пословицы: *Сердце делу не в помощь; Сердцем ничего не возьмешь / не сделаешь; Сердцем и соломинки не переломишь; Берись за ум, чтобы потом не пришлось хвататься за голову*. В «Национальном корпусе русского языка» есть довольно большая группа высказываний, в которых лексема *ум* синтагматически предшествует слову *сердце*: *очистив свой **ум** от недостойных мыслей, **сердце** от скверных чувств; прояснился **ум**, стало мирное **сердце**; Стараемся заполнить чем угодно **ум** и **сердце**; испытывает свой **ум, сердце**; человек выбирает сам – что подсказывает ему его **ум, сердце, совесть**; уроки… согревали и **ум**, и **сердце**; такая жизнь начала сильно действовать на мой детский **ум** и **сердце**; **ум** и **душа** стали чем-то полны; как подсказывают **ум** и **сердце**; задел **ум** и **сердце*** и т. п. Думается, что данная препозиция не является случайной, она мотивирована представлением об уме, разуме и рассудке как контролирующих «органах» человека, которые призваны сдерживать его эмоции, чувственные порывы, страсти. Мудрость – основанность на разуме, умение руководствоваться здравым смыслом – одна из добродетелей человека, его духовного идеала. Очевидно, осуждение эмоциональности исходит прежде всего из религиозных канонов. Однако примечательно, что и церковь поверяет контролирующую роль сознанию: ум, разум, согласно православному вероучению, данные от Бога, не только являются признаками богоподобия человека, отличающими его от других живых существ, но и, как главные познавательные силы, возвышаются над прочими, чувственными,

элементами человеческой природы (душой, сердцем, волей и т. п.), они призваны преодолеть их внутреннюю разрозненность. Безусловно, церковь не интересует критический, адогматично мыслящий, пытливый, аналитический ум (*Ум – смерть веры* (Э. Радзинский), она делает ставку на ум человека (в меньшей мере) и его разум (в большей степени) как средства богопознания и богообщения (*Просвещенный верою* ***ум*** *ведет человека узким путем спасения, учит обуздывать страсти* (Ф. Искандер). В самой внутренней форме слова *духовенство* содержится указание на то, что религия, церковь призваны осуществлять воздействие на *сознание* = *дух,* формировать *духовность* человека. Вот почему предикаты мыслительной деятельности в древнерусском языке часто выражали этическую оценку: *добромоудрыи* ‘умный, благоразумный’, *доброразоумьныи* ‘имеющий здравый ум, благоразумный’, *благооумиѥ* ‘благоразумие, благонравие’, ‘благожелательность, благоволение’, *зъломоудрыи, зъломоудрьныи* ‘рассуждающий, мыслящий ложно, в противоречие с догматами веры’, *зъломоудрьствовати* ‘проповедовать ложное, вредное учение’, *зълооумиѥ* ‘неразумие’ [25, Т. I, с. 211, 417, 418, 424 Т. III, с. 9].

Рассмотрение же контекстов не религиозно-нравственного, а научно-философского характера, особенно последнего столетия, показывает, что в русском материалистическом миропонимании уму как главному познавательному инструменту человека, ментальному механизму отводится еще более значительная роль, обеспечивающая сохранение и развитие цивилизации; образование, эрудиция, интеллект являются важнейшими ценностями современного общества. В российском гипертексте можно обнаружить следующие характерные рассуждения: *«Нет сомнения, едва ли кто из нас может отрицать тот факт, что достижения современной цивилизации обусловлены* ***мощью человеческого разума****. Повседневно мы окружены* ***чудесами человеческого гения****…Человек использовал свой* ***творческий ум*** *для того, чтобы обустроить свой быт и придать смысл своему существованию»; «****Люди ума*** *и талантливых рук облегчали и облегчают сегодня жизнь сотен миллионов людей»; «Вся история науки говорит не только о* ***несокрушимой мощи научного разума****, но и о тех вызовах, с которыми он постоянно сталкивается».* Традиционным противовесом естественно-научному пафосу выступает общественное мнение, выражающее озабоченность сохранением гуманитарных ценностей, духовности, нравственности, являющихся строгим цензом развития цивилизации. Конфликт духовного и материального – одна из важнейших тем русской литературы, а значит, и констант русского мировосприятия. Ортодоксальные противники прогресса доходят до полного отказа не только от рационального, научного ума, но и от здравого смысла. Анализируя современную действительность, противостояние двух главных

мировоззрений, д. физ.-мат. наук, член-корреспондент РАН, Л. Пономарев отмечает: «Склонность к мистике и вера в чудеса, по-видимому, присущи природе человека, и в стародавние времена их симбиоз с религией был основой его миросозерцания. Но за четыре столетия просвещения и науки создана новая картина мира, без ссылок на чудеса и божественное откровение. Сейчас она подвергается массированной атаке». Общеизвестно, что мораль, нравственность, духовность порождаются не только религиозным чувством. Более того, высшая нравственность, как считают адогматично мыслящие умы, – в обретении свободы от невежества и предрассудков во имя человеческого достоинства. Лингвистам, делающим глобальные выводы о русской когнитивной картине мира, также не следует пренебрегать важнейшей ее частью – научной, в которой сердце, чувства и душа, в отличие от ума, разума и рассудка, занимают весьма скромное место. Столетия формирования русской научной картины мира были трудными, но в итоге мы видим ее влияние на общественное сознание, приспосабливающее для своих коммуникативных нужд языковую систему. Первичные значения исследуемых нами лексем в современном русском языке основаны на научном мировосприятии: *ум* – ‘способность человека логически мыслить, понимать, познавать что-либо’, *воля* – ‘способность человека сознательно управлять своими действиями для достижения поставленных целей’, *чувство* – ‘способность живого существа воспринимать психофизиологические ощущения, реагировать на внешние раздражители’, *тело* – ‘организм человека или животного в его внешних физических формах и проявлениях’ (см. указанные выше значения слов *дух* и *душа,* по данным современных толковых словарей). Нет ничего религиозно-мистического и в первичном значении слова *сердце*: ‘центральный орган кровеносной системы животных и человека’, ‘орган кровообращения’, ‘обусловливающий, благодаря ритмическому сокращению мышечных стенок, движение крови в организме’, ‘в виде мускульного мешка, находящийся у человека в левой стороне грудной полости’. В связи с этим представляются вполне закономерными, мотивированными научным мировоззрением, следующие, «анатомические», ассоциативные реакции говорящих: *сердце → больное (21), орган (14), кровь (11), хирург (8), стучит (7), красное (5), биение (4), здоровое (4), аорта (3), инфаркт (3), остановилось (3), пульс (3), пересадка (2), желудочек, артерия, клапан, мышца, операция, трехкамерное* и др. [14, с. 582].

Таким образом, ошибочно полагать, что русская когнитивная картина мира в целом основывается на каком-либо одном (например, религиозном или «наивном») мировоззрении. Данный фрагмент концептосферы ума, пожалуй, как никакой другой, свидетельствует о неоднозначности отражаемой в языке и с помощью языка действительности. Калейдоскопическую пестроту концептуально-речевых реализаций

языковых единиц различных исторических периодов создает сосуществование, взаимодействие или же противопоставленность наивно-бытового, религиозного, философского, художественно-поэтического, естественно-научного, гуманитарного и др. пониманий мира. В результате ум (как и сердце) не является ни абсолютной категорией, ни абсолютной ценностью: статус его неоднозначен, он варьируется в тесной связи с доминирующими интерпретациями, с концептуальной множественностью изображаемых миров.

3.5. В уме ли счастье, или «горе от ума»? (Концептуализация в русской когнитивной картине мира)[54]

Категория ума в мировоззрении русского народа получает достаточно сложную, разностороннюю, интерпретацию: ум осмысляется и в сугубо теоретическом, субстанционально-онтологическом, аспекте (определяется природа ума, выявляются его отличия от глупости, разума, рассудка, связи с мышлением человека, восприятием, сознанием, интеллектом, памятью, мнениями, умениями, речью, поведением и т. д.), и в функционально-практическом (ум оценивается как средство познания, решения практических задач, как инструмент получения пользы, выгоды), и в этическом (выявляется положительное, «доброе», и отрицательное, «злое», воздействие ума на иные сущности). Естественно, что в результате постоянной гносеологической деятельности людей концептуализация ума в русской когнитивной картине мира претерпевает исторические изменения: компоненты неязыковых знаний постепенно становятся элементами значений ментальной лексики и, наоборот, изначальная семантика уходит в сферу неязыковых представлений. Данный факт обусловливает актуальность синхронно-диахронических лингвокогнитивных исследований, позволяющих проследить подобный дрейф содержания. Серия наших статей посвящена решению этой задачи (в связи с изучением феномена мотивированности языка) – на материале всевозможных словарей, текстов, психосоциолингвистических экспериментов, Национального корпуса русского языка (см. [46; 47; 48]). Здесь мы рассмотрим лишь небольшую часть концептуализации знаний об уме – его квалификацию русскоговорящими как счастья или горя.

К сожалению, как и у многих других общеславянских наименований, первичный мотивировочный признак слова *ум* утрачен, его внутренняя форма теперь не осознается. Согласно одной из версий, это слово является производным от той же основы, что *ук-* в словах *учить, наука, навык, привыкать* (см. [52, с. 34]), которые генетически связаны с др.-инд. *úсyati* –

54 Автор – Е.Е. Хазимуллина. Материалы впервые опубликованы в сборнике научных статей с международным участием «В многомерном пространстве языка». – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. – С. 104-109.

«находит удовольствие, имеет обыкновение» (родственного и.-е. **ŭk-*) и *ōkas* – «удовольствие, удовлетворение». Данные семы никак не представлены в современном значении русского существительного *ум* или глаголов *учить, учиться*, в речевых смыслах они тоже актуализируются крайне редко: *Ум служит единственно возможным источником наслаждения* [19] – уникальное, встретившееся нам во всем массиве текстов высказывание; единичными являются и ассоциативные реакции *ум → хорошо, мудрость → это здорово, ценность → ум* [14, с. 686, 334, 716]. Напротив, согласно представлениям, содержащимся в русской когнитивной картине мира, процесс мышления, умственная деятельность человека – это тяжелая, утомительная работа, а отнюдь не удовольствие. См. ассоциаты *для ума → работа; голова → работать, мозг → (не) работает, работать, должен работать, устал; мозги → напрячь, не работают; думать → напрягать мозги, напрягаться, напряжение, работать головой, трудиться, трудно, туго, тяжко, неохота; подумать → работа, работать, трудиться, потрудиться; мыслить → работать, усиленно, трудно, мучиться* [14, с. 168, 138, 326, 183, 466, 339]. Ср. также русские пословицы: *Идти в науку – терпеть муку; Без муки нет и науки; Кто хочет много знать, тому надо мало спать; Кто больше знает, тот меньше / плохо спит; Что мир учит, то людей мучит; Много думать – голову кружить; Дума, что борода: лишняя тягота.*

Среди 5 тысяч расширенных контекстов Национального корпуса русского языка, помимо приведенного выше высказывания А.П. Чехова об уме как источнике наслаждения, нам встретились еще два подобных: В.А. Жуковского – о том, что *«счастье…есть…вера и твердый ум посреди обстоятельств»*, Ю. Андреева и В. Лебедева – об *уме* как о *«самом ценном человеческом капитале»*. Гораздо чаще реализуются контексты типа *больше всего мне вредит ум мой*; *убытки ум дает*; *ум умом, а пожить хочется* и т. п. А.А. Зализняк, анализируя концепты «счастье» и «наслаждение», отмечает тенденцию «невысокой оценки ума» в русской языковой картине мира: «согласно представлению русского языка, красивое доказательство теоремы или остроумная шутка доставляет нам именно удовольствие, а не радость: интеллектуальные удовольствия стоят в русском языке в одном ряду с физиологическими и моторными удовольствиями и не пересекаются с тем рядом, где находятся радости», т. е. русский язык отводит уму «место в «низкой» сфере, объединяя интеллектуальное с телесным и противопоставляя его душевному и духовному» [12, с. 88].

По-видимому, подобные представления об уме, не являющем собой большой ценности, были сформированы не только в силу религиозно-христианского мировоззрения русского народа, но и благодаря своеобразию его социально-исторического опыта. Как полагают Ю.Е. Прохоров и И.А. Стернин, русскому сознанию свойственно иметь

«консолидированное мнение», примыкать к точке зрения авторитетов: «В соборном обществе нарушается личная независимость, неприкосновенность человека («общественность», «мир» на все имеет право); формируется высокая зависимость члена общества от других людей; развивается повышенное внимание к успехам и достижениям других, почва для постоянного недовольства успешными согражданами («Какое несчастье родиться в России с умом и талантом!» – А. Пушкин); возникают зависть, сплетни…» [20, с. 100-105]; ср. русские пословицы: *Сын отца глупее – жалость, сын отца умнее – радость; а брат брата умнее – зависть* и *Свой дурак дороже чужого умника*. Примечательно, что демонстрация чьих-либо умственных способностей (например, с помощью речи, поведения) оценивается говорящими, как правило, крайне негативно: *Он выставляет напоказ свой ум; Он всякого переумничает; Не умничай: умнее тебя в тюрьме сидят; Доумничаешься ты до чего-нибудь.* 10,2% наших респондентов (студентов БГПУ) считает немаловажным качеством умного человека скромность (*умный – «тот, кто не кричит о том, что он умный», «не демонстрирует свой ум», «ведет себя скромно», «не умничает»* и т. д.; то же знание репрезентирует семантика слов *умник, умничать, умнО*).

Между тем, идея счастья актуализируется в сфере неязыковых знаний и благодаря генетической взаимосвязи единиц *ум* и *уметь* (общеславянский глагол *уметь* является суффиксальным производным от **um*-). В русских пословицах и поговорках содержатся сведения о том, что практический, житейский ум (= умение) позволяет человеку не только выходить из затруднительных ситуаций, но и – в сочетании со смекалкой, находчивостью (сообразительностью, догадливостью), изворотливостью, хитростью, лукавством, мудростью, здравым смыслом или (верным) расчетом – добиваться успеха, строить счастье, богатеть: *Где ум, там и толк; Не без ума, так и не без промысла; Умная голова сто голов кормит, а худая себя не прокормит; С пустой головой счастья не нажить; Дурак только в сказках удачлив; Был бы ум – деньги будут / будет и рубль* (ср. др.-рус. *дооумѣньѥ – ‘достаток, изобилие’*); *Счастье без ума – дырявая сума; Дай бог с умным потерять, не дай Бог с дураком найти; Чем умнее голова, тем легче плечам.* Инструментальный ум связывает с успешностью, преуспеванием, умением «устроиться в жизни», счастьем большинство наших респондентов: умный человек *«живет так, как требует жизнь, поэтому всегда находится в счастливом и удачном положении»*.

Следует отметить, однако, то, что ум все же не рассматривается русскоговорящими как абсолютная ценность: *Умелый / умный не стоит счастливого.* Мысль о том, что *Умный и без денег богат*, выражает единичное число паремий. Сам по себе ум не составляет счастья или богатства человека, он – всего лишь орудие, средство достижения счастья,

благосостояния, да и то лишь ум в определенной, социально-нормативной, мере. Важно подчеркнуть, что ум, осмысляемый в соотношении с глупостью, в русской когнитивной картине мира характеризуется нравственно-этической маркированностью. Паремиологический фонд русского языка показывает, что глупость бывает предпочтительнее ума по ряду причин: во-первых, глупый человек не обременен излишней глубиной понимания происходящего, грузом тягостных сомнений, свойственных умным людям (*С умом жить – мучиться, без ума – тешиться; Лишние догадки невпопад живут; Без ума житье – рай*); поэтому, во-вторых, глупый, но добрый, наивный, простосердечный человек, в отличие от умного, счастлив (*Где умному горе, там глупому веселье; Дураку везде счастье*). В-третьих, дуракам, несмотря на отсутствие ума и таланта, часто везет: *Хоть дурак, да съел бурак, а умный и так; Умный сам по себе, а дураку бог на помочь; И дурак ездит в карете, а и с умом ходит пешком*. И, наконец, в-четвертых, умные люди, по народным представлениям, чаще бывают эгоистичными, гордыми, злыми, чем глупые, ср. окказионализм М.Е.Салтыкова-Щедрина *благоглупость,* вошедший в словарь русского языка. Ум может быть разрушительным. Данная его характеристика отражается во взаимосвязи с древними значениями слов *дума, думать*; информация о способности высокоразвитого и-или заносчивого ума ранить содержится во внутренней форме, а следовательно, и в потенциальной семантике словосочетания *острый ум*. Примечательно то, что исторически «орудийные» метафоры, описывающие умственные способности человека, актуализирующиеся в его речи и поведении, создаются на основе архисем ‘резать’ (< и.-е. **u̯reǵ-* «рвать», «ломать» [51, с. 107], ср. *разить, разящий, резкий ум, язвительный* (= ранящий) < *язва* ‘рана’. Аналогичные процессы на материале германских и романских языков устанавливает В.В. Левицкий: в частности, сема ‘резать’ порождает многие лексические значения – ‘резать, отделять’ → ‘воспринимать, узнавать’, ‘умный, ловкий’. Промежуточными звеньями, с точки зрения исследователя, могут быть следующие семантические переносы: «резать > делать насечки > считать, думать» (ср. рус. *считать* ‘думать, полагать’) и «резать > острый > остроумный» [18, с. 353].

Завершая беглое рассмотрение данного фрагмента русской когнитивной картины мира, необходимо отметить следующее: 1) кристаллизация важнейших представлений человека о мире происходит в языке; 2) содержание языка «дрейфует» в зависимости от результатов познания, практического и социально-исторического опыта народа, и это всегда мотивированный процесс; 3) емкие, лаконичные значения языковых единиц репрезентируют богатейшее неязыковое поле концепта (выполняют знаковую, дейктическую, функцию по отношению к последнему, согласно теории Л.М. Васильева).

3.6. Мотивированность семантических моделей «жизнедеятельности» солнца в русской языковой картине мира[55]

«Наивной» лингвистике приходится иметь дело с отнюдь не простыми вещами. Познание человеком действительности – непрерывный процесс, и различные его результаты, определяемые уровнем развития общества, событиями и ценностями той или иной исторической эпохи, находят отражение в языке, причем новый результат не всегда отменяет предыдущий. Очевидными являются некоторые несоответствия картин мира, представленных в разных языках. Но и в пределах одного языка действительность отражается с позиций разных мировоззрений: бытового, мифологического, религиозного, философского, научного, художественно-поэтического, – сами эти «видения мира» тоже плюралистичны, поэтому факты языка оказываются не только разнообразными (разно**о**бразными), но и нередко противоречивыми. Ср., например, контрастные представления о «рождении» солнца, выраженные контекстуально: научное – *В настоящее время становится всё более ясным, что планеты и Солнце образовались совместно из одной общей, диффузной "материнской" туманности*; мифопоэтическое – *Под горизонтом, под земной тарелкой заворочались исполинские колеса, наматываются чудовищные ременные приводы, зубчатые колеса тянут солнце вверх, а луну вниз*; художественное – *Оно рождалось на наших глазах на краю земли и неба, огромное красное солнце, все испачканное в Надькиной крови. Надька рожала солнце* [19].

Процесс «оязыковления» новых знаний подчинен, с одной стороны, действию интралингвистических факторов, обусловливающих некоторую шаблонность языковой адаптации, а с другой – постоянному влиянию онтологических и гносеологических мотиваторов (устройства мира, психофизиологических возможностей человека, особенностей его мышления, потребностей, фантазии и др.), обеспечивающих развитие языка. Поскольку эти силы часто оказываются разнонаправленными, действительность не всегда отражается объективно – языковое знание не соответствует научному. Многие «наивные» модели, выработанные в ранние периоды, сохраняются говорящими по традиции, они служат базой для развития новых конструкций, в которых онтологические и гносеологические основания номинации могут быть резко противопоставленными, что создает иллюзию абсолютной условности (немотивированности) языкового обозначения. Рассмотрим некоторые факты.

Каждый образованный человек знает, что солнце не является живым существом (это раскаленный плазменный шар), однако древние языковые

---

55 Автор – Е.Е. Хазимуллина. Материалы впервые опубликованы в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики». – 2010. – №3. – С. 119-125.

формулы, соответствующие анимистическим представлениями о мире, продолжают использоваться говорящими: *Солнце встало / село / выглянуло / смотрело / улыбалось / выедало (сугробы).* Думается, что это происходит благодаря действию двух важных принципов: достаточной онтологичности наименования и дейктичности языкового знака. В соответствии с первым принципом семантика языковой единицы должна содержать по крайней мере один объективно отраженный признак обозначаемого предмета, или же она должна соотноситься с другой единицей, мотивированной онтологически, и осмысляться по аналогии с ней. Второй принцип дает свободу фантазии человека: для указания на предмет достаточно даже самого общего его параметра, конвенционально соотнесенного с наименованием; в силу действия этого принципа возможно употребление единиц без внутренней формы, игнорирование внутренней формы, метафорических признаков. Так, в значении конструкции *Солнце встало* содержится объективный признак движения солнца вверх (относительно воспринимающего этот процесс человека, находящегося на поверхности Земли), соответственно в конструкции *Солнце село* – признак относительного движения солнца вниз. Эти, дейктичные, формулы настолько привычны для носителей русского языка, что их антропоморфизм практически не осознается; достаточная «онтологичность» данных выражений служит залогом их жизнеспособности.

Если солнце мыслится как око небесное, божественное (сходство с глазом здесь не кажется надуманным: перенос осуществляется по форме и признаку свечения, сила света солнца значительно превосходит свечение человеческих глаз – так могут светиться только глаза Всевышнего, согласно мифологическим и религиозным представлениям), то вполне закономерно, что оно *смотрит*. Метафора *Солнце выглянуло* ‘появилось в поле зрения (человека)’ репрезентирует когнитивную модель движения, сопровождающегося началом восприятия, ее осознание также не представляет труда для говорящих, поскольку она подкрепляется аналогичными конструкциями русского языка, обозначающими поведение человека: *Он выглянул из окна (и стал смотреть на улицу)* и *Он часто к нам заглядывал* (т. е. приходил, заходил). Формулы *выглянуло, смотрело, улыбалось* – по сути антропоморфные переосмысления одного и того же объективного свойства солнца – его свечения. «Улыбка» солнца, изначально связанная с образом доброго бога, теперь, вероятно, в большей степени является проекцией нашего хорошего настроения, вызванного средним свечением солнца, когда оно лучится и не печет, а ласково греет. Метафора *Солнце выедало сугробы / русость (волос)* обозначает процесс таяния снега или изменения цвета волос под воздействием солнечного тепла. Ее создание и употребление мотивировано сходством данного процесса с тем, как, например, червь, незаметно для глаз человека, выедает

яблоко. Аналогичная модель «постепенное исчезновение (внутренней) части предмета под воздействием чего-либо» реализуется в выражениях *Ржавчина выела в дырку в железной трубе; Хлорка в ткани выела дырку; яйца выеденного (не стоит)* и т. п. Данные языковые формулы получают свое развитие в еще менее правдоподобных, но мотивированных метафорической категоризацией действительности, употреблениях, преимущественно в текстах художественной литературы: *Солнце, зевая, высунулось из-за черных, пахнувших прелью и мышами стогов и, барахтаясь, застряло в вязком тумане, купаясь в нем, как ржаной блин в жидкой сметане*; *Солнце помялось-помаялось невысоко над горизонтом в раздумье, словно трусоватый пловец перед прыжком с водной вышки, а потом набралось-таки духу и сигануло за еловый лесок в пустую ракетную шахту, где с комфортом (остаточная радиация солнцу была до лампады) устроилось на ночлег, предварительно затворив за собой стотонный свинцовый люк* [19]. Таким образом, принцип достаточной для коммуникации онтологичности, являющийся результатом действия онтологических мотиваторов, делает наименование ясным, понятным. Принцип дейктичности – база для гносеологических мотиваторов – позволяет расширять, изменять содержание и функции языковых знаков. Совместно с принципом системной мотивированности, взаимообусловленности языковых единиц они обеспечивают жизнеспособность как новых, так и старых, сохраняющих следы древней категоризации действительности, наименований, формируя гетерогенные, но вместе с тем целостные картины мира.

Проанализируем взаимодействие онтологических и гносеологических мотиваторов в сложных семантических моделях, категоризующих «жизнедеятельность» солнца. Знания о солнце являются важным элементом языковой семантики (по-видимому, это универсалия), поскольку оно существенно влияет на жизнь человека: мы встаем с солнцем и работаем весь *световой день*, с нетерпением ждем весеннего тепла и ощущаем грусть в пасмурную погоду, выбираем *место под солнцем* и *солнечную сторону* для своего жилья, солнце – мерило нашего времени и ориентир в пространстве, оно источник наших радостей и причина многих бед. Не случайно солярные мифы относятся к самым архаичным. Речевой смысл высказываний, актуализирующий языковые и неязыковые представления о солнце, – лучшая база для поиска ответов на вопросы о том, что релевантно для нас в жизни солнца, какие знания о нем находят отражение в языке, как происходит это отражение и чем оно мотивировано. Типизация речевых смыслов на материале Национального корпуса русского языка (4000 контекстов) позволила нам выявить наиболее частотные способы репрезентации неязыковых представлений о солнце семантическими моделями.

Подтвержденный множеством индивидуальных наблюдений и

ощущений, социальный языковой опыт фиксирует, прежде всего, бытийность, реальность существования солнца. Например: …*что двести лет назад, что двести лет вперед — никакой разницы: безлуннный блеск, беззнойное* ***солнце****, фонарь*; ***Было*** *яркое* ***солнце****, как в день объявления войны с Германией*. Мотиватором категоризации и соответствующей номинации в языке в данном случае является онтологический фактор – предмет реальной действительности, воспринимаемый органами чувств человека, активно воздействующий на него и в силу этого получивший свое обозначение еще в древности: будучи общеславянским, слово «солнце» восходит к и.-е. **s'āu̯el-* [51, с. 186]. Первичное лексическое значение этого слова в современном русском языке отражает научное представление: *солнце* – ‘центральное тело Солнечной системы, представляющее собой гигантский раскаленный плазменный шар, излучающий свет и тепло’ [34, с. 722]. Однако языковые модели, описывающие различные аспекты бытия солнца, репрезентируют и иные осмысления, выработанные мифологией, религией и художественным творчеством. В частности, обнаруживается три ряда контекстуальных интерпретаций сущности солнца: 1) как живого существа: а) богоподобного (*«царь неба»* или великая, *знатная особа*, которая оказывает милости, *старший брат месяца*), языческого бога (*Даждьбог, Ярило*), христианского *Бога* или божьего сына *Иисуса Христа*; дериватом данного осмысления является метонимический перенос: *бог-солнце → глаз / лик* божий; б) подобного человеку (*Стенька, Иван*[56]); в) животного (*птица-Солнце / жар-птица / птица-пава*, роняющая перья-лучи), яростного, жестокого / кроткого, смиренного зооморфного существа; 2) как предмета: а) это *круг / диск / колесо / шар / пятно* или же *светило / лампа / лампада / огонь*, который поддерживает «какой-то дед» / кто-либо; б) звезда; и третья, производная от первых двух интерпретаций, – символическая: солнце – символ огня, созидательной / разрушительной энергии, животворящего начала, жизни, живучести, возрождения, расцвета, высшей космической силы, разума Вселенной, всевидящего божества и его власти, Христа, правды, справедливости, счастья, благополучия, уюта, мужского начала, круговорота времени и др. (следует признать, что большая часть этих символов мотивирована онтологически либо гносеологически). Данные теоморфные, антропоморфные, зооморфные, «вещественные» и символические интерпретации с различной степенью полноты, регулярности, частотности актуализируются в речи и прослеживаются в семантических моделях современного русского языка.

Центральная модель «Солнце существует / не существует» реализуется в ряде семантических модификаций: «исчезновение солнца»

---

56 Эти имена связаны с образом усердно, по-крестьянски работающего солнца (ср. также: *солнце светит до седьмого пота, утомленное солнце*).

(‘перестает существовать или исчезает из поля зрения’ – *скрылось за тучей, померкло*); «появление солнца» (в поле зрения человека – *вышло, проглядывало*); «скорость исчезновения, появления солнца» (*медленно выглядывало*); «биологическое бытие солнца»: ‘рождается, начинает существовать’ (см. примеры, приведенные выше); ‘перестает существовать’: *Погасло дневное светило*; *Солнце вот-вот взорвется…*; «возвращение к жизни» (‘оживление, воскрешение’): *Ибо можно… даже зажечь угасшее солнце*; «смена событий (= смена существований)»: ‘солнце исчезает / перестает существовать, ему на смену приходит что-либо другое’ (*солнце сменилось дождем / луной / сумерками*). Гносеологически мотивированным является осмысление способов исчезновения, прекращения существования солнца: *дальней волной заплеснуло его; стало тонуть, остывая; утонуло в озере; растаяло негою в небе; гибнет, растворяясь; (от стыда) покрывается мраком.* Достоверно известно, что звезды, каковой является и Солнце, «умирают» в космическом пространстве, угасая или взрываясь; фантазийные гипотезы в данном случае описывают процесс, наблюдать который непосредственно невозможно. Наследие наивной логики миропорядка – мифологическое представление о ежедневной гибели солнца вечером и его рождении утром – тоже гносеологически мотивировано, обусловлено определенным уровнем развития общества, его познания[57]. В современном сознании носителей языка это представление выполняет скорее поэтическую, нежели отражательную функцию.

Результатом бдительного наблюдения человека за перемещением солнца является детализированное представление о локализации светила в пространстве – с помощью семантической модели «Солнце находится где-либо». С точки зрения «наивной» картины мира солнце может быть локализовано *вверху / над горизонтом / в зените / в центре неба / над головой / над миром / высоко / невысоко / низко / вокруг / везде и всюду* и т. д. С точки зрения научной – *…наше Солнце расположено вблизи плоскости галактического экватора, около одного из спиральных рукавов*; с точки зрения астрологической – солнце может находиться *«в огненном и амбициозном знаке Льва»*. Очевидно, что местоположение светила детально характеризуется, во-первых, в связи с перемещением солнца, а значит, с течением светового дня; во-вторых – с изменением угла падения солнечных лучей, а следовательно, и степени воздействия их на человека и окружающий мир; в-третьих – с целью ориентации в земном и космическом пространстве. Таким образом, проработка данного фрагмента языковой картины мира мотивирована практическими нуждами народа.

---

57 Мифологическая персонификация основывалась, как известно, на синкретичности мышления древнего человека: сходные предметы часто воспринимались как тождественные – начало бытия солнца соотносилось с рождением человека, прекращение – с его смертью. Ср.: *Солнце близко к закатной точке.*

Среди способов обозначения положения солнца в пространстве доминируют три: *стояло, лежало, висело* (используются также *торчало, нависло, опиралось, прильнуло*). Локализация солнца отображается относительно человека, находящегося на поверхности Земли, от которого его могут заслонять тучи, луна, горы, деревья, дома или другие люди: – *Так вы уже два часа тут стоите, солнце загораживаете*. Антропоцентризм, управляющий многими процессами категоризации действительности, проявляется также в том, что по своему положению в небесном пространстве, видимом человеку, солнце может характеризоваться как *высокое, невысокое, низкое* или *боковое* (если оно находится не в центре неба, над головой наблюдателя, а сбоку – слева или справа от него). Ориентированной относительно человека и весьма дифференцированной предстает категориальная ситуация движения и перемещения солнца, отражаемая базовыми семантическими моделями: «Солнце движется (в каком-либо направлении)», «Солнце перемещается (откуда-либо куда-либо)». Конечно, оязыковленное представление о неподвижной Земле и перемещающемся по небу Солнце не соответствует действительности. Однако оно сохраняется в языке, т. к. данный образ адекватен избранной системе координат, обусловленной ограниченностью восприятия, возможностей человека. Абстрактная идея движения, перемещения солнца реализуется в следующих контекстах: ***Солнце продвигалось*** *к своей цели…*; *Ведь каждый день пред нами* ***солнце ходит****…*; *С утра за окном горели осенние березы на синем небе, затем* ***солнце перемещалось****, а вечером мы не зажигали свет*. Конкретизация этой идеи осуществляется в нескольких направлениях: «движение солнца с какой-либо скоростью» (*медленно / быстро*); «движение солнца из какой-либо исходной точки пространства (*из туманной пелены, из воды, из-за леса, из-за гор*); «движение солнца по направлению к чему-либо» (*сдвинулось / катилось к западу, пошло / близилось к закату, выкатилось на небо, уходит в сторону берега*); «движение солнца вверх, в зону видимости – над горизонтом» (*поднимается, встает, восходит,* окказионально – *выползает*); «постепенное движение солнца вверх; степень подъема» (*встает все выше (и выше), поднялось над горизонтом совсем невысоко / изрядно*); «движение солнца вверх с какой-либо скоростью» (*медленно / не спеша*; *солнце так быстро вынырнуло*); «движение солнца вверх из какой-либо исходной точки, пространства, из-за какого-либо предмета» (*Солнце медленно выплывало из-за Столовой горы*); «предел движения солнца вверх» (*Солнце поднималось все выше и выше, пока не остановилось на самой верхушке неба…*); «остановка движения солнца каким-либо способом», например повисанием (*Солнце повисло между небом и землей*; *зависло / застыло (в зените)*, ср.: *неподвижное солнце*); «движение солнца вниз, с фиксированной пространственной «целью» (*садилось за Окой / за домами / меж сосен; упало в кусты сирени / на землю; скатилось за*

горизонт; валилось куда-то за Садовое кольцо; село в воду; погрузилось в волны – самая многочисленная группа реализаций); «движение солнца вниз с какой-либо скоростью» (*быстро / медленно / не спеша*); «степень снижения солнца» (*довольно низко склонилось*); «движение солнца назад» (окказиональные реализации: *как будто солнце отошло немножко; пятилось за кулисы*); «перемещение солнца через, за какую-либо пространственную границу» (*уходило за гряду*; *закатилось за горизонт*); «перемещение солнца через, за какую-либо временную границу» (*перевалило за полуденную отметку* / *за полдень*); «перемещение солнца по поверхности чего-либо» (*плавает у самого берега*); «скорость перемещения солнца» (*быстро / медленно*); «фазы движения, перемещения солнца» (отображаются инхоативами и результативами: *встает – встало, поднимается – поднялось, стало садиться – село* и др.).

Итак, солнце, продвигаясь по небу, описывает полукруг; невидимая человеческому глазу, «ночная» траектория солнца в современном русском языке не отображается[58]. Примечательно, что восход солнца чаще изображается как медленное движение, закат же, напротив, – как быстрое или даже мгновенное (*падало / упало*), ср.: *солнце «вспрыгнуло» / «взлетело» / «взметнулось» (в небо)*. Возможно, данное представление мотивировано субъективным ощущением времени работающего человека. Способы движения, перемещения солнца в русской когнитивной картине мира весьма разнообразны: *встает, (за-/у-/вы-/пере-)ходит, выплывает, перевалило, (с)двинулось, близилось, опускается, падает, опадает, бухается, скатилось, скользнуло, завалилось, канет, продирается, прорезается, вылезает, летит, гуляет, забегает, бродит, спешит, вращается, поворачивает, плавает, тонет; дрожит, колышется, качается* (фиксированное движение) и др. Языковая репрезентация движения солнца имплицитно содержит идею о закономерности, вечности, цикличности бытия, устройства мира: *Солнце светит, дождь идет, урожай зреет; …обычной чередою, блеснет неизменное солнце; Солнце все так же заходит на Западе…*; ср. наименования солнца по времени суток, месяца, года: *утреннее / дневное / полуденное (полдневное) / послеполуденное (послеобеденное) / предвечернее / вечернее / предзакатное / закатное / полуночное / ночное*[59], *зимнее (январское, февральское) / весеннее (мартовское, майское) / летнее (июльское, августовское) / осеннее (сентябрьское, последнее солнце ноября)* и др.; ср. также *вчерашнее /*

---

58 Возможна двоякая мотивировка этого факта: сложившейся традицией, идущей от славянских мифов: ночью светило спит, отдыхает от дневных забот или умирает (ср., согласно египетской мифологии, солнце еженощно путешествует на барке по загробному миру); в языке не отражается то, что ненаблюдаемо или неактуально для человека.

59 *Ночное солнце* – реалия «белых ночей» северных регионов. Чаще в русской речи ночным называется вечернее, закатное солнце (метонимия) или луна (метафора).

сегодняшнее / завтрашнее – вечное, старое – новое, солнцепек – ‘время дня, когда сильно печет солнце’, *зимнее / летнее солнцестояние*.

Релевантные свойства солнца – свет, способность освещать предметы, отражаться в чем-либо / от поверхности чего-либо, способность изменять вид окружающего мира, тепло, цвет, форма, величина, вес, консистенция, контуры, сила, – репрезентируются в русском языке семантической моделью «Солнце обладает / характеризуется / проявляет какие-либо свойства». Важнейшие из них, с точки зрения ощущений, восприятия, жизнедеятельности человека, – свет и тепло – категоризуются по степени интенсивности: *солнце светит / сияет / блещет / угасает / затухало / померкло, светлое / яркое / сверкающее / ослепительное / лучезарное / мягкий солнечный свет / не слишком яркое / тусклое / блеклое* (окказионально – *жестяное, оловянное* ‘тусклое’)*; пригревает / разогревает / жжет / во все лопатки / пылает / обжигает / печет / шпарит/ жарит / поджигает / плавит / остывает, полыхающее / раскаленное / палящее / жаркое / горячее / теплое / негорячее / холодное / ледяное.* Радиально градуированной предстает языковая шкала цвета небесного светила: прототипическими являются *желтый*, *красный* и *белый* цвета, их расширениями – узуальные наименования *золотой, оранжевый, рыжий, алый, румяный, рдяный, розовый, багряный, багровый, пурпурный, белесый, блеклый, бледный,* а также гносеологически мотивированные, с символическим содержанием, – *кровавый, черный* – и окказиональные – *апельсиновый, мандариновый, огненный, пламенный, винный, малиновый, красно-бурый, фиолетовый, лиловый, серебристый*, *голубой, сизый, зеленый, серый*[60].

«Оязыковление» формы, размеров и веса солнца не показывает большого разнообразия, при этом наименования данных параметров семантически коррелируют в русском языке со способами обозначения движения, перемещения светила. Ср.: *круг / шар / расплющенный шар – (с-/за-/вы-/у-)катилось, кубарем*; *маленькое / крупное / большое / огромное / в полнеба – бухается, завалилось, перевалило, сдвинулось*; *тяжелое / отяжелевшее солнце* (нет актуализации *«легкое»*) – *тяжело / тяжко / грузно садилось, обрушивалось, грузно навалившееся солнце.* Заметим, что в русской языковой картине мира доминирует плоскостное изображение светила (*круг, диск, колесо* или *пятно*), мотивированное как древними представлениями, сохраняющимися по традиции в качестве фоновых, так и

---

60 *Кровавый*, согласно внутренней форме этого определения, ассоциируется с кровью, напряженностью, опасностью, жертвенностью, трагизмом, *черный* – со зловещением, с чем-либо неизбежно надвигающимся, ужасным, войной, смертью; *голубой, сизый, зеленый, лиловый, фиолетовый* – рефлексы, являющиеся результатом взаимодействия солнечного света с атмосферой, облаками, травой, ртутью и др.; *серый* цвет светила обусловлен субъективным восприятием человека, находящегося в подавленном психическом состоянии.

онтологическими факторами: наше восприятие этого гигантского, но значительно удаленного от Земли объекта по-прежнему ограничено, несмотря на известное человечеству научное знание о его форме. Шарообразность солнца обусловливает невозможность его интерпретации по параметрам «узкий» / «широкий» и «высокий» / «невысокий» (о его горизонтальной и вертикальной протяженности). Аналогично признакам формы, гносеологически мотивированные наименования контуров и консистенции солнца (твердой, жидкой, газообразной) коррелируют с предикатами, обозначающими его действия: *четкое / четко очерченное / бесформенное / без очертаний размытое / размазанное / расплывшееся солнце – ударяется во что-то / пробивает лучом тучи / обламывая лучи / пронзает / вламывается / ломкое / рассыпалось искрами / дробясь через листву / брызнуло / хлынуло / лилось / лило / (об- / за-)ливало / расплескалось / стекает / просочившееся / висело подтеком / раскаленным сгустком / растаяло негою / веет* (ср. *солнечный ветер*). В речи используются окказиональные метафоры *мохнатое, косматое, лучеволосое,* которые, казалось бы, должны сочетаться с представлением о *мягком солнце*, однако так говорят скорее о нежарком и не очень ярком солнце, чем о его консистенции или воображаемом волосяном покрове. Анимистическое осмысление свойств солнца фиксируется моделью «Солнце находится в каком-либо физическом / эмоциональном состоянии», реализующейся в сочетаниях *утомленное / слабое / хилое / тихое / больное / сонное / молодое / сильное / спокойное / веселое / грустное / безрадостное / равнодушное солнце* и др. То же гносеологическое основание мотивирует модель «Солнце обладает какими-либо качествами, характерными чертами поведения»: *ревнивое / упрямое / щедрое / мирное / агрессивное солнце.* Древняя идея множественности солнц и нетождественное ей современное знание об устройстве Вселенной[61] репрезентируются в характеристике светила по количеству (*одно, два – много солнц*), географическому месту его действия (воздействия): *здешнее / нездешнее, южное, северное, тропическое, японское, балтийское, московское, нью-йоркское, солнце Бразилии / Памира* и т. д., а также в противопоставлении – *свое, наше – чужое.*

Многочисленные узуальные и окказиональные репрезентации, мотивированные как онтологией мира, так и способом ее отражения в языке, характеризуют две важнейшие семантические модели – действия и воздействия солнца на окружающий мир, поскольку человеком давно осознана его живительная и разрушительная сила. Модель «Солнце действует» реализуется с помощью акциональных предикатов физического действия, интеллектуальной, эмоциональной, речевой деятельности,

61 Ср. мифологическую многоликость солнца и действительное существование множества солнц-звезд, выявленное современными методами научного познания.

оптативов, сопровождающих какое-либо действие, предикатов поведения: *светит, испускает свет / сгустки плазмы, роняет лучи, работает, просыпается, держится, вырывается, остервенело рвется, играет, прыгает, прикасается, облизывает, дышит, выпивает, влюбляется, (не) любит, (не) жалует, (не) хочет, (не) знает, (не) думает, соображает, забывает, колеблется, поступает умно, молчит, повелевает, указывает, распоряжается, слушает, смеется, радуется, сердится, конфликтует, утихомиривается*. Представляется закономерным, что довольно большую группу составляют предикаты зрительного восприятия и действий, сопровождающихся зрительным восприятием: *смотрит / глядит (косо / искоса), видит, не кинуло еще своего взгляда, выглянуло, проглянуло, щурится* и др. Семантическая модель «Солнце воздействует» представляет солнце как источник света, тепла, энергии, полезных веществ, здоровья, хорошего настроения, тонуса человека и живой природы, а также вредного, пагубного влияния на мир, – главным образом, предикатами физического (в том числе деструктивного) и эмоционального воздействия: *любовно-ласково греет, одаряет теплом, обогревает, растапливает, сушит, освещает, бьет, ударяет, лупит, хлещет, убивает, кварцует, дезинфицирует (почву, воздух), окрашивает, украшает, пробуждает природу / жизнь, радует, поднимает настроение, разгоняет всю живность, сжигает все живое, ослепляет, разрушает* и т. п. По степени воздействия солнце характеризуется как *сильное, могучее* или *слабое.* Релевантной для русской когнитивной картины мира является идея о том, что солнце равно, одинаково (= справедливо) светит для всех. По «делам» его солнце оценивается положительно (*хорошее, превосходное, замечательное, наиважнейшее, полезное, доброе, добросовестное*), отрицательно (*хуже всего, страшное, злое, коварное, чудовищное, адское, дурацкое, недоразвитое*), контекстуально выражается также «смешанная» оценка (*наш долгожданный враг, коварный друг*). Солнце вызывает эмоциональное отношение: его любят, считают счастьем или же боятся, опасаются, ему радуются, без него скучают и т. д. Значимое место занимает категориальная ситуация «взаимодействия» человека и солнца: для ощущения полноты бытия людям необходимо видеть солнце (мотив встречи реализуется в многочисленных контекстах), а чтобы чувствовать себя всемогущими – покорить небесное светило, овладеть им – в противном случае защититься от его вредного влияния.

Важными в русской языковой категоризации являются и метафорические модели уподобления солнца живому существу, неодушевленному предмету и обратные – уподобления человека, животного, явления культуры, неодушевленного предмета солнцу (*красным яблоком / крашеным яйцом упало солнце, заводное солнце / солнце заклинило на вечном полдне / закат солнца вручную; солнце русской поэзии, король-солнце, ты – мое солнце* (ср. *солнышко*), *рыба-солнце, солнце*

дальнего света, юбка-солнце, гимнастическое упражнение – солнце). Таким образом, сложные семантические модели представляют собой развертку, реализацию, конкретизацию языковых значений слова «солнце». Материал словарей и контекстов национального корпуса русского языка показывает смену мировоззренческих идентификаций светила, различных когнитивных стратегий, с помощью которых человек осмысливает его существование. Необходимо подчеркнуть, что древние мифологические представления о солнце не только сохраняются в языке в виде стершихся метафор, они часто ремотивируются в речи, в моделях, отображающих поведение своенравного божества, человекоподобного или же зооморфного существа: *соблазняющее / нагло заглядывающее в лицо / беспощадное / небесный бродяга / то выглядывало и жарило, то закатывалось за тучи в припадке скромности / вставало нехотя, из-под палки / будто гладило горячим утюгом* и т. п. Однако не все языковые знания о солнце являются наивными, при этом как «наивные», так и другие наши представления о нем могут быть объяснены, а следовательно, они мотивированы.

Литература

1. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка [Текст] / З.Е. Александрова; под ред. Л.А. Чешко. – 5-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 600 с.
2. Апресян, Ю.Д. Системообразующие смыслы ‘знать’ и ‘считать’ в русском языке [Текст] / Ю.Д. Апресян // Русский язык в научном освещении. – 2001. – №1. – С. 5-26.
3. Барашкина, Е. Перцептивная модель концептуализации ментальной сферы [Текст] / Е. Барашкина // Обработка текста и когнитивные технологии. – Moscow – Varna. 2005. – № 12. – С. 12-15.
4. Березович, Е.Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей [Текст] / Е.Л. Березович // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 3-24.
5. Блумфильд, Л. Язык [Текст] / Л. Блумфильд. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 608 с. – (Серия «Лингвистическое наследие XX века»).
6. Бондарко, А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии [Текст] / А.В. Бондарко. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 220 с.
7. Васильев, Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика [Текст] Вып. 5. Ментальные предикаты. Модальные предикаты. Предикаты восприятия / Л.М. Васильев. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – 126 с.
8. Васильев, Л.М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики [Текст] / Л.М. Васильев. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 524 с.
9. Горяев, Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка [Текст] / Н.В. Горяев. – Изд-е 2. – Тифлис: тип. канц. главнонач. 1 гр. ч. на Кавказе, 1896. – 461 с.
10. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]. В 4 т. /. В.И. Даль. – 2-е изд. – СПб.; М., 1882.
11. Данилова, Н.Н. Психофизиология [Текст] Н.Н. Данилова. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 373 с.
12. Зализняк, А.А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира

[Текст] / А.А. Зализняк // Русский язык в научном освещении. – 2003. – №1. – С.85-105.

13. Калимуллина, Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: диахронический аспект (с привлечением материала славянских языков) [Текст] / Л.А. Калимуллина. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 344 с.

14. Караулов, Ю.Н., Черкасова, В.А. Русский ассоциативный словарь [Текст]. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, В.А. Черкасова. – М.: АСТ, Астрель, 2002. – 784 с.

15. Колмагорова, А.О двух видах «черных мыслей» в русском языке [Текст] / А.О. Колмагорова // Text processing and cognitive technologies. – Moscow-Varna. – 2005. – №12. – С. 65-75.

16. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова; Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

17. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории ума говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф; пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

18. Левицкий, В.В. Семасиология [Текст] / В.В. Левицкий. – Винница: НОВА КНЫГА, 2006. – 512 с.

19. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / Режим доступа: www. ruscorpora.ru.

20. Прохоров, Ю.Е., Стернин, И.А. Русские: коммуникативное поведение [Текст] / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 238 с.

21. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры [Текст] / В.З. Санников. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 544 с.

22. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный [Текст]. В 6 ч. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1806-1822.

23. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный [Текст]. В 6 ч. Ч. 3 (К-Н). – СПб.: Императорская Академия Наук, 1814. – 1444 стб.

24. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный [Текст]. В 6 ч. Ч. 6 (С-Я). – СПб.: Императорская Академия Наук, 1822. – 1478 стб.

25. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) [Текст]. В 10 т. / Гл. ред. Р.И. Аванесов. – М.: Русский язык, 1988-2000.

26. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) [Текст]. В 10 т. Т. 3 / Гл. ред. Р.И. Аванесов.– М.: Русский язык, 1990. – 511 с.

27. Словарь русского языка [Текст]. В 4 т. Т. 1 / РАН, Инст. лингв. исслед.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. язык, Полиграфресурсы, 1999. – 702 с.

28. Словарь русского языка [Текст]. В 4 т. Т. 4 / РАН, Инст. лингв. исслед.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. –М.: Рус. язык, Полиграфресурсы, 1999. – 800 с.

29. Словарь русского языка [Текст]. В 4 т. Т. 4 (С-Я) / Гл. ред. С.Г. Бархударов. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. – 1088 с.

30. Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст]. Вып. 1-28 / Гл. ред. С.Г. Бархударов; ред. Г.А. Богатова. – М.: Наука, 1975-2004.

31. Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст]. Вып. 4 (Г-Д) / Гл. ред. С.Г. Бархударов; ред. Г.А. Богатова. – М.: Наука, 1977. – 404 с.

32. Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст]. Вып. 9 / Гл. ред. Д.Н. Шмелев, ред. Г.А. Богатова. – М.: Наука, 1982. – 357 с.

33. Словарь современного русского литературного языка [Текст]. В 17 т. Т. 16 / Под ред. А.М. Бабкина, С.Г. Бархударова, Ф.П. Филина и др. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1964. – 1610 с.

34. Современный толковый словарь русского языка [Текст] / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2005. – 960 с.

35. Соколова, М.А. Выражение признаков интеллекта фразеологизмами русского языка (на фоне испанского языка) [Текст]: автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Соколова Маргарита Александровна. – СПб, 1995. – 24 с.

36. Соссюр, Ф. де. Заметки по общей лингвистике [Текст] / Ф. де Соссюр; пер. с фр. Б.П. Нарумова; общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н.А. Слюсаревой. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2000. – (Филологи мира). – 274 с.

37. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ [Текст]. В 3 т. Т. 3. Р-Ѧ и дополненія / И.И. Срезневский. – СПб.: Академія наукъ, 1912. – 996 с.

38. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка [Текст]. В 3 т. Т. 3, Ч. 2 / И.И. Срезневский. – Репринт. изд. – М: Книга, 1989. – 996 с.

39. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка [Текст]. В 3 т. Т. 3 (Р-Ѧ) и дополнения а-ѩ / И.И. Срезневский. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1960.– 996 с.

40. Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка [Текст]. В 3 т. Т. 3, Ч. 2 / И.И. Срезневский. – Репринт. изд. – М: Книга, 1989. – 911-1684 стб.

41. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) [Текст] / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – 2-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1999. – 842 с.

42. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст]: учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – 3-е изд. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2008. – 352 с.

43. Урысон, Е.В. Языковая картина мира VS обиходные представления (модель восприятия в русском языке) [Текст] / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3-21.

44. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст]. В 4 т. / М. Фасмер; под ред. Б.А. Ларина; пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1986.

45. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст]. В 4 т. Т. 4 / М. Фасмер; под ред. Б.А. Ларина; пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. – 2-е изд.– М.: Прогресс, 1986. – 863 с.

46. Хазимуллина, Е.Е. «Ум с сердцем не в ладу»? (Мотивированность языковых знаний неязыковыми в русской когнитивной картине мира.) [Текст] / Е.Е. Хазимуллина // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 330. – С. 32-39.

47. Хазимуллина, Е.Е. Когнитивный аспект мотивированности языка (на примере отражения знаний об уме в русской картине мира) [Текст] / Е.Е. Хазимуллина // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14, № 2. – С. 476-481.

48. Хазимуллина, Е.Е. Ум – знания – умения: дрейф языковых и неязыковых представлений в русской картине мира [Текст] / Е.Е. Хазимуллина // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14, № 3. – С. 763-769.

49. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст]. В 2 т. / П.Я. Черных. – 5-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2002.

50. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст]. В 2 т. Т. 1 / П.Я. Черных. – 5-е изд., стереотип.– М.: Русский язык, 2002. – 624 с.

51. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст]. В 2 т. Т. 2 / П.Я. Черных. – 5-е изд., стереотип.– М.: Русский язык, 2002. – 560 с.

52. Шанский, Н.М., Боброва, Т.А. Этимологический словарь русского языка

[Текст] / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М.: Прозерпина, 1994. – 400 с.
53. Шмелев, А.Д. Русская языковая модель [Текст]: материалы к словарю / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Сопоставьте решения проблемы мотивированности языка представителями различных направлений лингвистики. Отразите результаты в интеллектуальной карте (mind-map).

2. Продемонстрируйте влияние внешних и внутренних мотиваторов (факторов) на существование, функционирование и развитие языков Урала, Башкортостана.

3. Определите соотношение когнитивной и языковой, национальной и индивидуальной картин мира. Проследите изменение содержания понятий *«земля», «мир», «небо»* и т. п. по материалам толковых словарей и Национального корпуса русского языка. Сопоставьте полученные результаты с данными речевой практики полилингвального региона.

4. Какие употребления языковых единиц можно назвать творческими? Почему? Приведите примеры слов, в основу образования которых положены узуальные и окказиональные деривационные модели.

5. Обнаруживаются ли в речевом материале на территории Башкортостана смешение элементов разных языков в пределах одной словообразовательной модели? Продемонстрируйте такое смешение на конкретных примерах, объясните его механизм.

6. Наличие каких речевых явлений обусловлено реализацией творческих способностей говорящих? Какие факторы определяют потенциал вхождения окказиональных единиц в языковую систему?

7. Какие принципы мотивируют процесс «оязыковления» новых знаний? Оцените лакунарность современного русского языка и необходимость пополнения его лексики иноязычными заимствованиями типа *автершок, бомбилья, бонус, брифинг, бутик, волонтер, гаджет, герлфренд, гуглить, дайвинг, дедлайн, дискурс, дресс-код, имидж, интерфейс, калебас, клининг, коворкинг, консенсус, концепт, копирайтер, коуч, лизинг, мем, менеджер, нарратив, ньюсмейкер, омбудсмен, офлайн, парковка, пилинг, рерайтинг, ресепшн, ритейл, селфи, секонд-хенд, скриншот, слайд, слоган, смайлик, спикер, спойлерство, степлер, стикер, тренд, тренинг, фитнес, фейк, франчайзинг, фрилансер, хипстер, чекиниться, чизкейк, шопинг, шорт-лист*.

8. Сопоставьте содержание концепта *«ум»* в русской картине мира с данными языков, функционирующих на территории Урала. Представьте свои наблюдения в интеллектуальной карте (mind-map).

9. С опорой на данные словарей, Национального корпуса русского языка, результаты ассоциативных экспериментов выявите влияние

социокультурных факторов, в том числе национальных стереотипов, на внеязыковое и собственно языковое содержание концептов *«мужчина»* и *«женщина»*.

10. Проанализируйте принципы номинации дней недели, порядка счета, цветообозначений, родства в современных языках Урала. Как можно объяснить обнаруженные сходства и различия?

11. Выявите особенности межкультурной коммуникации на территории Республики Башкортостан, опишите характер взаимодействия, модели и стереотипы речевого поведения этносов.

12. Создайте проект на тему «Модель взаимодействия языков Уральского региона»: 1) опишите, какие языки функционируют на территории Урала; 2) сгруппируйте рассматриваемые языки в соответствии с их генеалогическими и типологическими чертами; 3) назовите социальные функции, определите статус и коммуникативную роль каждого языка; 4) охарактеризуйте языковую ситуацию региона с учетом воздействующих факторов, обусловливающих ее формирование.

ГЛОССАРИЙ

АДСТРАТ – сосуществование и взаимовлияние языков (обычно в пограничных районах) без этнической ассимиляции и растворения одного языка в другом.

БИЛИНГВИЗМ – такое двуязычие, которое предполагает равную или приближающуюся к равной степень владения как в речи, так и в мыслительном процессе двумя языками, регулярно взаимодействующими друг с другом в важнейших сферах общественной деятельности.

ВАРВАРИЗМЫ – иноязычные слова и выражения, не полностью освоенные языком и воспринимаемые как чужеродные. Могут использоваться для колористического описания чуждых реалий и обычаев.

ЗАИМСТВОВАНИЕ – это переход элемента (морфемы, слова, словосочетания и т. п.) одного языка в другой вследствие межъязыковых контактов.

ЗНАНИЯ – элементы, или единицы, индивидуального сознания, являющиеся результатом познания реальной действительности, обусловленного практической деятельностью человека. По форме репрезентации различаются языковые (вербализованные) и неязыковые (невербализованные) знания. ***ЯЗЫКОВЫЕ*** знания — это знания, выраженные единицами языка, а также знания о языке — его единицах, взаимоотношениях между ними, правилах употребления в речи, это знание языкового содержания (значений), форм, значимостей и функций. ***НЕЯЗЫКОВЫЕ*** знания репрезентируются концептами, гештальтами, фреймами, схемами, образами и т. п. знаками мышления; они также выражаются в совокупности с языковыми знаниями посредством речевого смысла, отражающего замысел говорящего. В сознании индивида языковые и неязыковые знания сливаются в речемыслительное единство и обусловливают речевое поведение говорящего.

ИДИОМАТИКА – 1) раздел лингвистики, изучающий идиомы; 2) совокупность идиом какого-либо языка — специфических единиц, характеризующихся устойчивостью и невыводимостью (идиоматичностью) значения целого фразеологического сочетания из суммы значений его компонентов, частей.

ИНОЯЗЫЧНОЕ ВКРАПЛЕНИЕ (ВАРВАРИЗМ) – иноязычные слова, словосочетания и предложения (обороты речи), находящиеся в чужом для них окружении. Варваризмы не освоены или не полностью освоены языком, принимающим их, а потому чаще всего воспринимаются как средства, нарушающие чистоту речи.

КАЛЬКА ЛЕКСИЧЕСКАЯ (СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ) – слово, образованное посредством буквального перевода с одного языка на другой каждой из значимых частей, то есть путем точного копирования способа образования иноязычного слова и его значения.

КОГНИТОЛОГИЯ – междисциплинарная наука о знаниях, процессах познания реальной действительности — о принципах получения, обработки, хранения и использования человеческого знания.

КОННОТАЦИЯ – дополнительные по отношению к предметно-логическому и грамматическому значениям экспрессивные, эмоциональные, оценочные и-или функциональные свойства (компоненты значений), ограничивающие возможности употребления данной единицы определенными сферами и условиями общения.

КУЛЬТУРА – совокупность материальных и духовных ценностей, накапливаемых обществом; то созданное людьми, что осмыслено ими как ценность и поставлено в определенный культурный ряд.

КУЛЬТУРНАЯ КОННОТАЦИЯ – фоновая семантика единиц языка (слов, фразеологизмов и др.), закрепляющая в нем культурно значимую и культурно обусловленную информацию, указывающую на особенности менталитета его носителей.

КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА – 1) представления о символах, знаках и образах, языках и текстах культуры, механизмах культурной коммуникации; 2) раздел культурологии, изучающий культурные объекты с точки зрения выражаемого ими смысла, значения.

МЕТОД – 1) совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения действительности, подчиненных решению конкретной задачи; 2) применение какой-либо теории для добывания новых знаний и для разработки на их основе новой, уточненной теории. Выделяют ***ОБЩЕФИЛОСОФСКИЕ*** методы познания (диалектический или исторический материализм, идеализм, позитивизм и т. п.), ***ОБЩЕНАУЧНЫЕ*** (наблюдение, сравнение, описание, анализ, синтез, индукция, дедукция, классификация и др.) и ***ЧАСТНОНАУЧНЫЕ*** (например, социолингвистический опрос, интервьюрирование в социолингвистике или приемы внешней и внутренней реконструкции в сравнительно-историческом языкознании).

МЕТОДИКА – совокупность конкретных приемов, процедур, алгоритмов, методов сбора и обработки фактического материала.

МЕТОДОЛОГИЯ – 1) система принципов и способов организации, построения теоретической и практической деятельности, проведения научного исследования; 2) учение о такой системе.

НАЦИЯ – это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, проживающих на определенной территории, характеризующаяся общностью языка, культуры, социально-экономической жизни, а также некоторыми своеобразными чертами быта, характера, менталитета и др.

НАЦИОНАЛЬНАЯ (ЯЗЫКОВАЯ) КАРТИНА МИРА – это отражение в менталитете и, соответственно, в языке народа особенностей его мировидения — моделей познания, практического освоения реальной действительности, поведения и стереотипов восприятия окружающего

мира. Ярче всего национально-культурная специфика проявляется во фразеологизмах, пословицах, поговорках (паремиях), языковых метафорах — безэквивалентных наименованиях.

ПАРЕМИЯ (родовое обозначение пословиц и поговорок) – устойчивое в языке и воспроизводимое в речи высказывание, имеющее, как правило, дидактическое содержание.

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА – фрагмент наивно-языковой картины мира, представленный паремиологическим фондом этноса.

ПОГОВОРКА – образное выражение, оборот речи, метко определяющий какое-либо явление; в отличие от пословицы, лишена обобщающего поучительного смысла.

ПОСЛОВИЦА – устойчивое в речи, афористически сжатое, образное, грамматически и логически законченное изречение с поучительным смыслом в ритмически организованной форме.

РУССКИЙ РЕГИОЛЕКТ БАШКОРТОСТАНА – региональный вариант русского языка, распространенный на территории Республики Башкортостан и обусловленный его взаимодействием с другими языками, характеризующийся, наряду с иными особенностями, более широким массивом тюркизмов (единиц тюркского происхождения).

СТЕРЕОТИП – это устойчивое представление о предмете, явлении, ситуации, способах поведения, действия и т. п., отражающее особенности менталитета носителей того или иного языка, культуры. Стереотипы могут служить средством распознавания «своего» и «чужого» в разнородной среде.

СУБСТРАТ – совокупность элементов и черт языка-подосновы, который существовал ранее на какой-либо территории и растворился в наслоившемся на нем языке.

СУПЕРСТРАТ – язык, наслаивающийся на язык коренного населения и растворяющийся с течением времени в этом последнем.

ФРАЗЕОЛОГИЗМ – устойчивое, воспроизводимое словосочетание, значение которого невыводимо из суммы значений составляющих его компонентов (идиоматично).

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА – элемент целостной языковой картины мира, который репрезентируется фразеологизмами, объединенными системными отношениями и выполняющими определенные функции в номинации и характеризации реалий действительности.

ЭКЗОТИЗМЫ – заимствованные из чужого языка, безэквивалентные единицы, обозначающие реалии, свойственные другим народам: предметы быта, утвари, одежды, обычаи, обряды и т. п.

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ – относительно устойчивые представления о моральных, умственных и физических качествах,

присущих представителям различных этнических общностей. ***АВТОСТЕРЕОТИПЫ*** – это мнения, суждения, оценки, относимые к данной этнической общности ее представителями. Как правило, в автостереотипах преобладают положительные оценки. ***ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПЫ*** — совокупность оценочных суждений о других народах. Гетеростереотипы могут быть как положительными, так и отрицательными — в зависимости от исторического опыта взаимодействия данных народов.

ЭТНОС – исторически сложившаяся устойчивая группа людей (племя, народность, нация), говорящая на одном языке, признающая свое единое происхождение, общность культуры и характеризующаяся единством жизненного уклада, традиций, менталитета и самосознания.

ЯЗЫК – исторически сложившаяся и вместе с тем закономерно развивающаяся, социально обусловленная знаковая система, служащая главным средством общения между людьми и представленная в устной и-или письменной форме реализации.

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА – совокупность зафиксированных в языке представлений народа о действительности на определенном этапе его развития.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ – носитель языка, который 1) обладает совокупностью умений, способностей, навыков, определяющих адекватное восприятие и понимание полученной информации, воспроизведение имеющихся текстов и создание новых, 2) использует различные языковые средства в ходе осмысления и отражения окружающей действительности при реализации конкретных коммуникативных задач.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА – это совокупность идеологических принципов, система принимаемых государством мер, законодательных актов, направленных на урегулирование языковых отношений и решение языковых проблем в рамках социального взаимодействия: сохранение или изменение существующей функциональной дифференциации языков, создание нового литературного языка или международной надъязыковой системы (искусственного мирового языка), возобновление функций «мертвого» языка, придание языку (его подсистеме) статуса согласно той роли, которую он выполняет внутри государства и за его пределами.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ – это совокупность языковых образований, т. е. форм существования одного языка (диалектов, жаргонов, функциональных стилей и др.) или нескольких, обслуживающих некоторый социум (этнос, полиэтническую общность) в пределах отдельного региона, географической области или определенного административно-политического образования, государства в целом.

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ – 1) совокупность ментальных представлений, которые формируются и репрезентируются посредством элементов языковой системы – слов, словосочетаний, предложений;

2) механизм, организующий и регулирующий речемыслительную деятельность, служащий для создания, преобразования и хранения языковых знаков, правил оперирования ими, а также формирования оценок в отношении языка и его элементов.

ЯЗЫКОВОЙ КОНТАКТ – взаимодействие двух или более языков, являющееся следствием межэтнических контактов.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение……... 3
Раздел 1. Лингвокультурологические исследования реалий Уральского региона……..... 7
1.1. Язык – общество – культура. Социокультурная мотивированность языков Урала…….. 7
1.2. Принципы и методы исследования историко-культурной зоны Урала……... 21
1.3. Особенности взаимодействия языкового и неязыкового сознания этносов Урала в условиях межкультурной коммуникации: национально-культурная обусловленность……. 29
Литература…… 36
Вопросы и задания для самоконтроля……... 41
Раздел 2. Языковая ситуация и языковая личность в полиэтнической Республике Башкортостан……... 43
2.1. Языковая ситуация Республики Башкортостан (реализация полиэтнических отношений в рамках речевой практики индивидов)……..... 43
2.2. Толерантность как субъективный фактор языковой ситуации (на примере Республики Башкортостан)……...…… 47
2.3. О двух вариантах компенсации асимметрии языковой и когнитивной картин мира в условиях полилингвизма……..... 54
2.4. Языковая личность студентов филологических и нефилологических специальностей БашГПУ в условиях билингвизма и полингвизма…… 62
2.5. Концепт «русский» в сознании студентов вузов г. Уфы…… 74
2.6. Содержание понятия «электорат» в сознании студенческой молодежи г. Уфы…… 81
2.7. Письменная речь студентов (ортологический аспект)…… 86
2.8. Ценностные ориентации как субъективная составляющая сознания языковой личности…… 90
2.9. Мотивационные аспекты школьного жаргона…… 94
Литература…… 106
Вопросы и задания для самоконтроля……... 108
Раздел 3. Картина мира в национальном сознании и языке…….... 110
3.1. Мотивированность речетворческой деятельности человека……..... 110
3.2. Когнитивный аспект мотивированности языка (на примере отражения знаний об уме в русской картине мира)……... 114
3.3. Ум – знания – умения: дрейф языковых и неязыковых представлений в русской картине мира…….. 125
3.4. «Ум с сердцем не в ладу»? (Мотивированность языковых знаний неязыковыми в русской когнитивной картине мира.)…… 137

3.5. В уме ли счастье, или «горе от ума»? (Концептуализация в русской когнитивной картине мира)…….. 149
3.6. Мотивированность семантических моделей «жизнедеятельности» солнца в русской языковой картине мира……... 153
Литература……... 163
Вопросы и задания для самоконтроля……... 166
Глоссарий…….... 168

Учебное издание

Елена Евгеньевна Хазимуллина
Юлия Сергеевна Фомина

Лингвокультурное пространство Урала

Технический редактор И.В. Пономарев

Лиц. на издат. деят. Б848421 от 03.11.2000 г. Подписано в печать 01.03.2016.
Формат 60Х84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman.
Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. – 11,0. Уч.-изд. л. – 10,8.
Тираж 100 экз. Заказ № 1891

ИПК БГПУ 450000, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а